

Комитет по культуре правительства Ленинградской области

ГБУК ЛО «Историко-архитектурный музей-заповедник “Выборгский замок”
и историко-этнографический музей-заповедник “Ялкала”»

Институт истории Санкт-Петербургского государственного университета

**Санкт-Петербург и страны
Северной Европы
17 (№2)
*тематический выпуск***

**РОССИЯ, ФИНЛЯНДИЯ
И СКАНДИНАВИЯ:
ПРОБЛЕМЫ
ВЗАИМОВОСПРИЯТИЯ**

*Материалы шестых ежегодных
Барышниковских научных чтений*

Выборг
2016

Редакционная коллегия: д.и.н., профессор В. Н. Барышников
(ответственный редактор),
Васара В.-Т., д.и.н., профессор В. Е. Возгрин,
д.и.н., профессор П. А. Кротов (зам. ответственного редактора),
Д. Р. Лобанова,
к.и.н., Ю. И. Мошник (зам. ответственного редактора)

Рецензенты: к.и.н., доцент А. В. Лихоманов (Российская Национальная библиотека); д.философ.н., проф. А. Л. Вассоевич (РИСИ)

ISSN 2411-8796

C18

Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 17 (№2). Тематический выпуск: Россия, Финляндия и Скандинавия: Проблемы взаимовосприятия. Материалы шестых Барышниковских чтений (25 сентября 2016 г.) / Под ред. В. Н. Барышникова, П. А. Кротова, Ю. И. Мошник. – Выборг: ГБУК ЛО «Историко-архитектурный музей-заповедник “Выборгский замок” и историко-этнографический музей-заповедник “Ялкала”», 2016. – 184 с.

Тематический выпуск содержит научные статьи, подготовленные на основе материалов докладов международной научной конференции «Россия, Финляндия и Скандинавия: Проблемы взаимовосприятия», проведенной в рамках Шестых Барышниковских чтений.

Книга адресована всем, кто интересуется проблемами взаимоотношений России с Финляндией и Скандинавией.

Книга является приложением к журналу «Санкт-Петербург и страны Северной Европы» (<http://novist.history.spbu.ru/sborniki.html>).

ISBN 978-5-91882-034-6

© ГБУК ЛО «Историко-архитектурный музей-заповедник “Выборгский замок”»
и историко-этнографический музей-заповедник “Ялкала”, 2016.

© В. Н. Барышников, П. А. Кротов, Ю. И. Мошник, сост., 2016.

© Центр Сохранения Культурного Наследия (макет, верстка), 2016.

Governmental Committee of the Leningrad Region for Culture

Vyborg Castle Historical and Architectural Heritage Museum
Jalkala Historical and Ethnographic Heritage Museum

Institute of History of St. Petersburg State University

Saint Petersburg and the countries of Northern Europe

17 (№2)
special issue

ISSUES OF RUSSIAN, FINNISH AND SCANDINAVIAN PERCEPTIONS OF EACH OTHER

*Proceedings of The 6th Annual Baryshnikov
Memorial Readings*

Vyborg
2016

The Editorial Board: PhD in History, professor V. N. Baryshnikov
(managing editor),
PhD in History, professor V. E. Vozgrin,
PhD in History, professor P. A. Krotov (assistant editor),
D. R. Lobanova,
Candidate of Historical science Y.I. Moshnik (assistant editor)

Reviewers: Candidate of Historical science A. V. Likhomanov (The Russian
National library); PhD in Philosophy, professor A.L. Vassoevich (RISS)

ISSN 2411-8796

Saint Petersburg and the countries of Northern Europe. 17 (№ 2). Special issue. Issues of Russian, Finnish and Scandinavian perceptions of each other. Proceedings of The 6th Annual Baryshnikov Memorial Readings September 24, 2016 / Ed. V. N. Baryshnikov, P. A. Krotov, Y. I. Moshnik. — Vyborg: Vyborg Castle Historical and Architectural Heritage Museum and Jalkala Historical and Ethnographic Heritage Museum, 2016. — 184 c.

The special edition includes the papers delivered at the international academic conference “Issues of Russian, Finnish and Scandinavian perceptions of each other”. This conference is a part of the Sixth Baryshnikov Memorial Readings. This issue is intended for those who are interested in problems of relations between Saint-Petersburg, North European countries and Scandinavia.

The issue is a supplement to the journal “Saint Petersburg and the countries of Northern Europe” (<http://novist.history.spbu.ru/sborniki.html>).

ISBN 978-5-91882-034-6

© Vyborg Castle Historical and Architectural
Heritage Museum and Jalkala Historical and Ethnographic Heritage Museum

© V.N. Baryshnikov, P.A. Krotov, Y.I. Moshnik, ed., 2016.

© CSKN, 2016.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ.....	9
ВЗАИМОВОСПРИЯТИЕ В УСЛОВИЯХ МИРА	
Сычев В. И. Маркиз Иван Иванович де Траверсе в Роченсальме (Котка) в 1796–1801 гг.	13
Козлов Н. О. Отражение Шлезвиг-Гольштейнского кризиса 1863–1864 гг. на страницах российских и английских газет: разница восприятия.....	18
Шкваров А. Г. Еврей и мусульмане в русской армии и флоте в Великом Княжестве Финляндском в XIX в.....	23
Востров А. В. Финляндская железная дорога в 1870–1917 гг. как нереализованный фактор сближения двух столиц.....	29
Бородина Т. П. Первое участие Финляндии на Всероссийской художественно-промышленной выставке 1882 г. в Москве.....	34
Васара В.-Т. «Какую Финляндию мы должны создать?» Несколько взглядов на будущее молодой республики в 1918 г.....	40
Мусаев В. И. Проблема репатриации беженцев в советско-финляндских отношениях после заключения Тартуского мира.....	43
Ильченко П. А. Истоки формирования т.н. «шведской модели» в экономической политике государства в 1920–1930-х гг.....	47
Кустов В. М. «Русская Финляндия»: встреча культур между Западом и Востоком.....	51
Ефимов М. В., Литвиненко К. Д. К вопросу о формировании представления о Выборге как «старинном русском городе».....	55
ВЗАИМОВОСПРИЯТИЕ В УСЛОВИЯХ ВОЙНЫ	
Лебедев А. А. Красногорское сражение 23–24 мая 1790 г. в свете новых данных.....	60
Бажанов Д. А. Продовольственное снабжение русских военных моряков в Финляндии в годы Первой мировой войны (август 1914 – январь 1917 гг.).....	64
Терашкевич А.С. Русские в гражданской войне в Финляндии.....	70
Петров П. В. Ленинградская промышленность в период советско-финляндской войны 1939–1940 гг.: создание новых образцов вооружения и техники....	74
Барышников В. Н. Роль финской военной разведки в сражении за Выборг в августе 1941 г....	81

Мошник Ю. И. Война в присутствии высоких гостей: деятельность командующего Выборгским окружным военным управлением Арно Туурна.....	90
Веригин С. Г. Советские военнопленные в финских концлагерях на оккупированной территории Медвежьегорского района Карелии в 1941–1944 гг.....	95
Полевая А. А. Личность Видкуна Квислинга в контексте борьбы в оккупированной Норвегии. Роль психологического портрета в его деятельности и политике.....	100
Гуляев Д. А. Советская дипломатия и деятельность Коминтерна в Швеции в контексте борьбы коалиции Союзников и Германии за влияние в Северной Европе 1939–1943 гг.....	105
Садомцева А. Р. А. Линдгрэн и вторжение Германии в Скандинавию.....	110
Постников А. Г. Применение артиллерии особой мощности на Карельском перешейке зимой 1939–1940 гг. и летом 1944 гг.....	114
ВЗАИМОВОСПРИЯТИЕ В НАУКЕ И КУЛЬТУРЕ	
Возгрин В. Е. Сходство и различия скандинавской и романо-германской историографии Средневековья.....	120
Жаров Б. С. Первый словарь финского языка и государственный канцлер Николай Петрович Румянцев.....	124
Дмитриева Н. В. Исландский ученый Финн Магнусен (1781–1847) – корреспондент российского дипломата П. А. Николаи (1777–1866), на материалах архива усадьбы Монрепо.....	128
Арзамасцева Е.Н. Российская власть в финляндской политической периодической печати начала XX века.....	133
Лобанова Д. Р. Особенности современного изучения гражданской войны в Финляндии 1918 г.....	139
Костылев Ю. С. Языковые средства создания образа финна в текстах советской центральной печати периода финской оккупации Карелии 1941–1944 гг..	146
Кокин В. Л. Поэт Илья Авраменко на финском фронте.....	152
Партала М. А. «Записки сапера» Бориса Лихарева как документальное повествование о боевых действиях 155 стрелковой дивизии на карельском направлении (1939–1940).....	156
Резюме.....	162
Сведения об авторах.....	179

CONTENTS	
PREFACE.....	10
PERCEPTIONS OF THE OTHER DURING PEACETIME	
Sychev V.I. Marquis Ivan Ivanovich de Traversay in Ruotsinsalmi (Kotka) in 1796–1801.....	13
Kozlov N.O. Reflection of Schleswig-Holstein crisis of 1863–1864 on pages of the Russian and English newspapers: difference of perception.....	18
Shkvarov A. G. Jews and Muslims in Russian Army and Navy in the Grand Duchy of Finland in the XIXth century.....	23
Vostrov A. V. The Finland railway in 1870–1917 as a missed factor of two capitals rapprochement.....	29
Borodina T. P. The first part of Finland at the National Art and Industrial Exhibition 1882 in Moscow.....	34
Yasara V.-T. “What Kind of Finland We Need to Create?” Few Views on the Future of the Young Republic in 1918.....	40
Musaev V. I. Problem of Repatriation of the Refugees in the Soviet-Finnish Relations after the Conclusion of the Tartu Peace Treaty.....	43
Ilchenko P. A. The origins of the formation of the so-called «Swedish model» in the state’s economic policy between 1920 and 1930 years.....	47
Kustov V. V. “Russian Finland”: the meeting of cultures between East and West.....	51
Efimov M. V., Litvinenko K. D. On the formation of the conception of Vyborg as “the ancient Russian town”.....	55
PERCEPTIONS OF THE OTHER DURING WARTIME	
Lebedev A.A. Battle of Krasnaya Gorka (Battle of Kronstadt, May 23–24, 1790) in light of new information.....	60
Bazhanov D. A. The Food Supply of the Russian Navy Sailors in Finland in the Period of World War I (August 1914 – January 1917).....	64
Terashkevich A.S. Russians in the Finnish Civil War.....	70
Petrov P. V. Industry of Leningrad during the Soviet-Finnish War 1939–1940: the creation of new types of weapons and equipment.....	74

ПРЕДИСЛОВИЕ

Baryshnikov V.N.
The role of the Finnish military intelligence in the battle
for the Vyborg in August 1941.....81

Moshnik Y. I.
The war in the presence of VIPs: towards the biography of Aarno Tuurna,
the commander of Vyborg military administration in 1941–1943.....90

Verigin S. G.
Soviet prisoners in the Finnish concentration camps on the occupied territory
of the Medvezhjegorsk region of Karelia in 1941–1944.....95

Polevaja A. A.
Vidkun Quislin’s personality in the context of the struggle in the occupied
Norway. The role of psychological portrait in his policy and activities.....100

Guljaev D. A.
Soviet diplomacy and the Comintern activities in Sweden in the context
of struggle for influence in Northern Europe between the Allies Coalition
and Germany during 1939–1943.....105

Sadomceva A. R.
A. Lindgren and German invasion of Scandinavia.....110

Postnikov A. G.
The use of a special power of Artillery on the Karelian Isthmus
in winter 1939–1940 and summer 1944.....114

PERCEPTIONS OF THE OTHER IN SCIENCE AND CULTURE ..

Vozgrin V. E.
Similarities and Differences between the Nordic and
the Roman-Germanic Historiography of the Middle Ages.....120

Zharov B. C.
The first Dictionary of Finnish and Imperial Chancellor Nikolay P. Rumyantsev...124

Dmitreeva N. V.
The Icelandic scholar Finn Magnusen as correspondent
of the Russian diplomat P.A. Nicolay.....128

Arzamastseva E. N.
Russian authorities in Finnish political periodicals of the beginning
of XX century.....133

Lobanova D. R.
Features of modern study Finnish Civil War of 1918.....139

Kokin V. L.
Poet Ilya Avramenko at the Finnish front.....146

Kostylev Y.C.
Language means of creation of the image of the Finn in the texts
of the Soviet central press period Finnish Karelia occupation in 1941–1944....152

Partala M. A.
“Notes of a sapper” by Boris Likharev as a documentary testimony about
the combat operations of the 155th Infantry Division
at the Karelian direction (1939–1940).....156

ABSTRACT.....162

INFORMATION ABOUT AUTHORS181

Сборник содержит материалы опубликованных докладов на междуна-
родной научной конференции «Россия, Финляндия и Скандинавия: Проб-
лемы взаимовосприятия». Конференция прошла 24 сентября 2016 г. в
рамках шестых Барышниковских чтений в Историко-архитектурном му-
зее-заповеднике «Выборгский замок». Она была организована Комитетом
по культуре правительства Ленинградской области, ГБУК ЛО «Историко-
архитектурный музей-заповедник "Выборгский замок"» и историко-этно-
графическим музеем-заповедником «Ялкала», а также Институтом истории
Санкт-Петербургского государственного университета (кафедра истории
Нового и новейшего времени).

Чтения уже имеют давнюю историю и традиции, поскольку начали про-
водиться с 2000 г. и посвящались взаимоотношениям России и Финляндии.
В их работе принимали активное участие известные историки из Санкт-
Петербурга, Москвы, Петрозаводска, Выборга, а также исследователи из
Финляндии и Швеции. По итогам прошедших конференций было уже вы-
пущено два сборника – «105 дней “зимней войны”». К шестидесятилетию
советско-финляндской войны 1939–1940 гг. Материалы международной
научной конференции» и «1941 год: СССР–Финляндия. Материалы между-
народной научной конференции»,¹ а также коллективная монография – «От
войны к миру: СССР и Финляндия в 1939–1944 гг.».² Кроме этого часть до-
кладов затем публиковались в ежегодных сборниках «Санкт-Петербург и
страны Северной Европы».³

С 2011 г. конференция, решением ее участников, была преобразована в
ежегодные «Барышниковские чтения», названные в память известного рос-
сийского историка, изучавшего советско-финляндские отношения и одного
из главных организаторов всех предшествовавших конференций, профес-
сора Николая Ивановича Барышникова.

В результате «Барышниковские чтения» проводились уже более пяти
лет и на них рассматривали весьма разнообразные проблемы российско-
финляндских отношений.⁴ При этом VI-я конференция «Барышниковские
чтения», материалы которой представлены в сборнике, уже расширила рам-
ки обсуждаемых проблем, поскольку ее участники рассматривают вопросы
взаимоотношений Россия, Финляндии и Скандинавии на протяжении их
исторического развития.

1. 105 дней «зимней войны». К шестидесятилетию советско-финляндской войны
1939–1940 гг. СПб., 2000; 1941 год: СССР–Финляндия. Материалы международной на-
учной конференции. СПб., 2003.

2. От войны к миру: СССР и Финляндия в 1939–1944 гг. СПб., 2006.

3. См.: <http://novist.history.spbu.ru/sborniki.html#spb>.

4. 30 июня 2011 г. прошла конференция «Россия и Финляндия: через века истории»
и была посвящена памяти профессора Н. И. Барышникова. Основная проблемати-
ка этой конференции касалась событий приуроченных к семидесятилетию начала
Великой Отечественной войны. Далее, 29 сентября 2012 г. на конференции «Россия
и Финляндия» рассматривались вопросы история взаимоотношений и противосто-
яний двух государств, а также проблемы идентичности в истории. Эти же вопросы
рассматривались также на конференциях 12 октября 2013 г. и 27 сентября 2014. Пятая
юбилейная конференция «Барышниковские чтения» подводила определенный итог
предшествующей работе, поскольку на ней рассматривались проблемы изучения и
новых открытий в истории российско-финляндских отношений.

PREFACE

These proceedings include the papers delivered at the international academic conference Issues of Russian, Finnish and Scandinavian perceptions of each other. This conference, being a part of the Sixth Baryshnikov Memorial Readings, was held on September 24, 2016 at the Vyborg Castle Historical and Architectural Heritage Museum. The conference was organized by the Governmental Committee of the Leningrad Region for Culture, Vyborg Castle Historical and Architectural Heritage Museum, Jalkala Historical and Ethnographic Heritage Museum, and Modern History Department of the Institute of History of St. Petersburg State University.

The conferences dedicated to relations between Russia and Finland have been run since 2000 and therefore they share long history and uphold their own traditions. Their contributors included renowned historians of St. Petersburg, Moscow, Petrozavodsk, Vyborg, as well as the scholars from Finland and Sweden. The proceedings of previous conferences were issued in the volumes 105 days of the Winter War and 1941: the USSR – Finland, in multi-authored monograph From War to Peace: the USSR and Finland in 1939–1944, and, finally, a number of papers was published in the almanac St. Petersburg and the Nordic Countries.

Since 2011, these annual conferences have been titled Baryshnikov Memorial Readings in the memory of the prominent Russian historian, Professor Nikolay Ivanovich Baryshnikov, who studied the Soviet-Finnish relations and was one of the main organizers of all the previous conferences.

Baryshnikov Memorial Readings have been held for more than five years and quite a range of issues concerning Russian-Finnish relations were covered there. The papers delivered at the 6th Baryshnikov Memorial Readings and published in this book, have already exceeded the scope of the topics previously discussed there, as its contributors are examining the issues of Russian, Finnish and Scandinavian relations throughout the whole history of these countries.

ВЗАИМОВОСПРИЯТИЕ В УСЛОВИЯХ МИРА

**Маркиз Иван Иванович де Траверсе
в Роченсальме (Котка)
в 1796–1801 гг.**

В последние годы были найдены материалы о службе и жизни морского министра Ивана Ивановича де Траверсе, его участии в составлении планов и организации известных российских экспедиций, а также в подготовке важных государственных документов в 1811–1821 гг.¹

Первые годы службы маркиз Жан-Батист Прево де Сансак де Траверсе провел в Роченсальме (Котка). Он был приглашен в Россию принцем Карлом-Генрихом Нассау-Зигеном, поверенным императрицы Екатерины II, командиром Балтийского гребного флота с 1789 г. Одержав ряд побед, принц 28 июня 1790 г. потерпел поражение во 2-м Роченсальмском сражении и не хотел оставаться при российском флоте с клеймом побежденного, намереваясь покинуть Россию. Но он считал необходимым предложить Екатерине II вместо себя надежного, честного и опытного в морском деле офицера. Лестный отзыв французского морского министра де Кастри убедил принца в достоинствах маркиза де Траверсе, который в течение нескольких лет сражался во время войны за свободу будущих Соединенных Штатов. Когда после Великой французской революции маркиз вернулся к себе на родину в 1791 г., его заслуги в расчет приняты не были. Он покинул Францию и жил в Швейцарии. Получив приглашение от принца, Траверсе недолго колебался. У него не было выбора, поэтому он согласился уехать на службу в далекую страну. Маркиз стал одним из немногих французов, отправившихся в Россию по приглашению. Большинство его соотечественников приезжали по собственной инициативе, надеясь быть зачисленными на российскую службу.

Траверсе выехал в Россию в начале весны 1791 г., оставив жену и двоих детей в небольшом селении План в Швейцарии. По прибытию в Санкт-Петербург маркиз де Траверсе получил назначение в гребной флот, но оставался в России недолго. В те годы парусный флот России строго следовал традициям английского флота. Не было примеров успешной карьеры французского офицера на российских парусных кораблях. Исключением стала карьера

маркиза. Через несколько лет он стал главным командиром Черноморского флота, а также губернатором Севастополя и Николаева. Во время болезни герцога Ришелье в течение года был губернатором Малороссийского края. В 1809 г. Александр I назначил его управляющим Министерством морских сил, а с 1811 г. – морским министром. На этом посту он оставался по 20 марта 1828 г. в соответствии с документами министерства, хотя удалился от дел в конце 1821 г. и до последних дней жил в своем имении Романщина в 150 км от Санкт-Петербурга.

Своим кратковременным пребыванием в России в 1791 г. маркиз де Траверсе мог быть доволен. Он ближе познакомился с известным в Европе (правда, теперь в качестве агента русской императрицы) принцем Нассау-Зигеном. Его принимали при российском дворе, он был представлен Екатерине II и ее наследникам. Успешными оказались действия парусной эскадры под его командованием. Патрулирование у границ России со Швецией, маневры и обучение боевым действиям получили высокую оценку. Наконец, он нашел свое место в российском флоте на высокой командной должности, где французскому морскому офицеру, казалось, не было возможности добиться каких-либо успехов. Однако он все же хотел найти свое место на родине. Для этого императрица отпустила его в длительный отпуск. В июне 1794 г. во Франции начался террор. Пришло известие из Франции о том, что был сожжен замок Траверсе, владения маркиза попали под разорительный налог, и источников существования во Франции у него просто не осталось. Все это подтолкнуло его к окончательному решению – вернуться на службу в российский флот.

«Маркиз де Траверсе отбыл 28 июля в Россию с женой, двумя дочерьми, семилетней Клер и пятнадцатимесячной Констанс, и сыном по прозвищу «Фан-Фан» трех лет от роду. В российском флоте у маркиза имелся чин контр-адмирала, что во Франции соответствует чину флагмана; оклад жалования – от двенадцати до четырнадцати тысяч ливров в год. За те два с половиной года, что он не был в России, он получил от силы четверть того, что ему причиталось. Теперь он желает обосноваться там вместе с женой...»² В начале осени 1794 г. Траверсе прибыли в Санкт-Петербург, чтобы навсегда остаться в России.

В 1796 г. маркиз де Траверсе был назначен командиром Роченсальмского порта (сейчас Котка), а 30 сентября 1797 г. получил

чин вице-адмирала и стал комендантом Роченсальмского порта. В 1790 г. императрица Екатерина II повелела возвести здесь фортификационные сооружения. Затем в 1792 г. были построены новые укрепления. Вначале контроль над работами осуществлял прославленный А. В. Суворов. В 1790–1796 гг. были построены форты «Екатерина», «Елизавета» и «Слава», на некоторых островах – редуты и батареи. На самом высоком месте острова был построен маяк, в западной части – морской госпиталь. Работами руководил адмирал Карл-Генрих Нассау-Зиген, затем работу продолжил французский полковник Жан Август Прево де Люмпен.

При военном порту Роченсальма находился гарнизон с казармами и хозяйственными постройками, который стал центром городского общества. Здания в городке были маленькие, деревянные и одноэтажные. С 1799 г. кроме прямых служебных обязанностей Траверсе осуществлял в Роченсальме надзор за сооружением православной церкви св. Николая для служивших здесь русских моряков. Храм, освященный в 1801 г., построен в стиле классицизма из кирпича на фундаменте из серого камня, оштукатурен и покрашен в желтый цвет по типу построек Санкт-Петербурга. На сооружение храма была истрочена половина годового бюджета всех церквей военно-морского флота России. Здание возвели по проекту архитектора Петербургского адмиралтейства Якова Перрини, который принимал участие в строительстве Адмиралтейства в Санкт-Петербурге под руководством А. Захарова. Перрини не дождался окончания строительства храма, и церковь достраивал архитектор Адмиралтейства Миллер. По его проекту был изготовлен редкий по форме иконостас. Среди икон выделялся образ св. Николая Чудотворца, стоящего на острове Коткансаари на фоне сражений при Руотсинсалми 1789–1790 гг. В церкви можно увидеть православные иконы, подаренные известными людьми того времени, а также облачение священника от А. В. Суворова.

Храм был возведен рядом с могилой первой жены маркиза Траверсе Мари-Мадлен де Риофф, которая умерла родами 6 марта 1796 г. в возрасте 37 лет. «Ее могила находилась около южной боковой двери; по бокам могилы были установлены четыре гранитных столба, соединенных тяжелыми цепями».³ Сиротами остались четверо ее детей, появившиеся на свет в разных странах, куда судьба забрасывала семью маркиза. Старшая Клер родилась еще во Франции в замке Траверсе.

Церковь святого Николая Чудотворца остается одним из старейших зданий, выполненных в стиле ампир, не только в городе Котка, но и во всей Финляндии. В 1855 г. англо-французский флот разбомбил город и сжег его дотла. Уцелела только православная церковь св. Николая.

Вторая супруга маркиза Луиза Карловна происходила из семьи Брюин. Отец Луизы был важным лицом в Фридрихсгаме. Он владел винным откупом, в Роченсальме у него были торговые дела и несколько судов. На гербе Брюин был изображен «золотой лев на голубом поле, держащий в лапе корабельный якорь», что указывало на семейную традицию. Впервые маркиз увидел Луизу в офицерском клубе Фридрихсгама, где зимой устраивались званые ужины. Она была младшей из шести детей Карла и Елизабет Фабрисиус. Луиза была хороша собой, умна и прекрасно образована. Ей было всего девятнадцать лет, а маркизу – сорок шесть, когда он все же попросил ее руки. Ведь прошло уже четыре года после смерти его первой жены. Получив согласие, Траверсе и Луиза Брюин обвенчались в лютеранской церкви Фридрихсгама 17 мая 1800 г.

Каждое лето экипажи парусно-гребных и гребных судов отрабатывали маневры в заливах шхерах Роченсальма. Гардемарины заходили в Роченсальм во время практических плаваний в Финском заливе. Сохранились воспоминания гардемарина Федора Петровича Толстого (в будущем президента Академии художеств) о посещении Роченсальма, его фортов Слава и Елизавета и встрече с вице-адмиралом маркизом Траверсе в июле 1801 г.

На службе в России Жан-Батист Прево де Сансак де Траверсе стал Иваном Ивановичем. Часто пишут, что маркиз не знал русского языка, говорил с акцентом и не всегда понятно. Однако он учился русскому языку и писал достаточно грамотно. Об этом свидетельствуют несколько заметок, впервые опубликованных спустя 190 лет после их написания. В Роченсальме он изучал историю России. Об это сохранились его пометки на русском языке от 22 ноября 1801 г., а на следующий день он написал по-русски строки, которые охарактеризовали его жизненную позицию, и он ей не изменил до конца жизни: «...Россия ныне – мое отечество, она сохранила меня от нищеты. Я всегда должен быть благодарен и преданный к ней и трем государям, от которых я столь много получал милостей. В России я получил фортуна, жену, милостей и честь, довольно, чтобы быть навсегда в числе ей защитников и подданных».⁴

Представляют интерес сохранившиеся письма маркиза к Павлу I и распоряжения императора в период смены его политики по отношению к Франции в последние месяцы жизни.

К концу XIX в. и в XX в. о делах маркиза И. И. де Траверсе стали забывать. Но имя его сохранилось в связи с другой историей. Более двухсот лет его хоть однажды, да вспоминал, наверное, каждый петербуржец. Именно адмиралу Траверсе часть Финского залива от устья Невы до Красной Горки обязана названием «Маркизова лужа». Со временем в заметках и публикациях это название стало сопровождаться разными вымыслами и анекдотами о том, что согласно приказу министра корабли могли плавать только в восточной части Финского залива, не заходя дальше Кронштадта.

Между тем в годы, когда флот из-за недостатка средств по приказу министра отрабатывал маневры в заливе, были организованы несколько русских кругосветных экспедиций, одна из которых открыла Антарктиду. Доказано, что маркиз де Траверсе собственноручно в короткий срок написал инструкции, в том числе для научных исследований, которые выполнялись в ходе знаменитых дальних плаваний российских мореплавателей В. М. Головнина, Ф. Ф. Беллинсгаузена, М. П. Лазарева и других.

Наконец, во время министерства Траверсе 16 (28) января 1820 г. была открыта Антарктида – осуществлено одно из величайших географических открытий, которое считается признанным достижением российских моряков. В ходе трудного плавания на карте мира появились остров Петра I, Земля Александра I, архипелаг маркиза де Траверсе – первый из открытых антарктической экспедицией.

Приближающееся 200-летие антарктической эпопеи – знаменательное событие для нашей страны при возрастающем внимании к полярным регионам и их значении для жизни планеты. Хотелось бы, чтобы в ходе подготовки к юбилею вспомнили о морском министре И. И. де Траверсе, который был одним из инициаторов и организатором одного из самых значительных достижений россиян в высоких широтах Земли.

1. Сычев В. И. «Маркизова лужа»: Легенды и правда о российском морском министре маркизе де Траверсе. СПб., 2014; Шатне М. дю. Жан Батист Траверсе, министр флота российского / Комментарии и примечания В. И. Сычева. М., 2003.
2. Шатне М. дю. Жан Батист Траверсе, министр флота российского. С. 212.
3. Цит. по: Сычев В. И. «Маркизова лужа»: Легенды и правда о российском морском министре маркизе де Траверсе. С. 233.
4. Цит. по: Там же. С. 20.

**Отражение Шлезвиг-Гольштейнского кризиса 1863–1864 гг.
на страницах российских и английских газет:
разница восприятия**

К концу 1863 г. внимание общественности европейских стран было обращено на множество уникальных, но в основе своей схожих вопросов международного значения: польский, восточный, германский и другие вопросы, на которые еще не было дано ответов. Их сходство заключается в общем стремлении различных народов Европы к созданию суверенных национальных государств. Тем не менее, справедливым будет замечание, что процессы построения наций-государств всегда сопряжены с геополитической и международной перестановкой сил. Такие изменения очень чутко и внимательно воспринимались общественным мнением великих держав, чье «великодержавье», выраженное в имперской идее, предполагало обязательное участие в регулировании международных кризисов. Таким образом, обострившийся Шлезвиг-Гольштейнский кризис 1863–1864 гг. вызвал широкий общественный резонанс в Европе и стал самым насущным вопросом европейской дипломатии почти на целый год, что следует даже из слов современников тех событий: «Внимание всей Европы обращено на одну Данию и все следят с напряженным вниманием за тем, что происходит в этой маленькой стране, которая может стать причиной всеобщей войны».¹

Исследование англо-немецких и русско-немецких отношений в XIX в. не теряет своей актуальности и в наши дни, ведь именно в это время складываются условия и предпосылки для двух мировых войн XX столетия. Две мировые войны наложили свой отпечаток, как на отношения между государствами, так и на общественные представления в каждой из стран о «другом» народе. Такая неустойчивая категория, как «представления», обладает свойством кристаллизоваться в более устойчивые формы, в стереотипы коллективного сознания. Стереотипы остаются неискоренимыми, «сохраняясь в виде устойчивых стереотипов, то замирающих, то оживляющихся и возрождающихся в определенных ситуациях».² В связи с этим изучение коллективных представлений народов друг о друге, механизма их возникновения, распространения и изменения получает сегодня особое значение. Сравнение восприятия событий Шлез-

виг-Гольштейнского кризиса в Англии и России позволяет выявить общественные приоритеты во внешней политике каждой из этих стран, определить их роль в охвативших Европу национальных движениях, проследить трансформацию образов немецкого государства и немецкого национализма, сложившихся в российском и английском общественном мнении.

Для анализа российского восприятия Шлезвиг-Гольштейнского кризиса наиболее полезными оказались ведущие газеты Санкт-Петербурга и Москвы. Основными консервативными органами печати были «Московские ведомости» и петербургская «Весть». В силу охватившей Россию промышленной революции и развития капитализма в стране либеральные органы печати буржуазии оказывали сильное воздействие на российские умы. Такие газеты, как «Голос», «Санкт-Петербургские ведомости» и «Биржевые ведомости» были одними из самых тиражируемых изданий и отражали точку зрения передовых слоев общества.

Восприятие Шлезвиг-Гольштейнского кризиса в английском обществе наиболее ярко отразилось в ведущих периодических изданиях Лондона за 1863 и 1864 гг. Наиболее популярными изданиями были такие издания, как «Times», «Daily Telegraph», «Daily News». Перечисленные выше издания Карл Маркс в своей статье «Известие о деле Трента...» небезосновательно называет пальмерстоновскими.³ Стоит сказать, что такие издания, как «Times», «Daily Telegraph», «Daily News» обладали широкой аудиторией, что способствовало лорду Генри подготавливать публику и проводить свою политику с меньшим сопротивлением со стороны общественности. Важным источником для исследования общественного мнения Англии во время Шлезвиг-Гольштейнского кризиса также является журнал «Spectator», распространенный среди сторонников Консервативной партии.

Шлезвиг-Гольштейнский кризис 1863–1864 гг., несмотря на наличие общих взглядов на причины, масштаб и последствия кризиса по-разному отражался в общественном мнении Англии и России.

В России только начиналась активная фаза промышленного переворота, страна предприняла ряд либерально-буржуазных реформ и события в Шлезвиге и Гольштейне застали страну в самый их пик. Период 1855–1865 гг., на который пришлось события Шлезвиг-Гольштейнского кризиса, отмечен в истории, как время небывалого подъема общественной активности.⁴ В тоже время общественное

мнение как политическая сила в России еще находилось на стадии формирования. Российская власть, установив границы, в которых могла развиваться общественно-политическая мысль, оказывала подавляющее влияние на формирование общественного мнения, при этом сохраняя возможность игнорировать его при принятии решений.⁵ Это придавало российской прессе, в основном, информативный характер и лишало ее возможности критиковать правительственную политику. Российская общественность, в тоже время, была сосредоточена на внутренних проблемах страны, хотя внешняя политика оставалась важной темой для обсуждений.

Англию Шлезвиг-Гольштейнский кризис застал в тот момент, когда страна занимала лидирующие позиции в мире по уровню экономического и социально-политического развития. Это создавало условия для националистического и высокомерного взгляда на международные вопросы, выражавшегося для английской общественности в таких ценностях как величие, благополучие и мощь Англии. Эту особенность категорично, но верно отметил известный исследователь зарубежной журналистики Людвиг Саламон: «Это чувство собственного превосходства, заставляющее считать Англию первой и богатейшей страной в мире, принимает у англичан иногда смехотворные формы, доходит иногда до слепого самовосхваления, до несправедливой ненависти и беззастенчивого презрения к другим нациям, особенно если их интересы противоречат английским».⁶ Общественное мнение в Англии представляло из себя внушительную политическую силу. Власть под угрозой потери занимаемых позиций была вынуждена учитывать мнение общества и не могла уверенно действовать без его одобрения. Совпадая по времени с другими международными политическими процессами, Шлезвиг-Гольштейнский кризис 1863–1864 гг. все же занимал особенное место на страницах английской печати, что объясняется важным местом как Дании, так и немецких государств, в дипломатических расчетах Лондона.

Среди вопросов, которые были подняты на обсуждения Шлезвиг-Гольштейнским кризисом, самым важным для российского общества был вопрос о влиянии кризиса на положение России. По словам газеты «Голос», от судьбы герцогств зависело политическое равновесие на севере Европы, сохранение которого составляло «главный и единственный интерес для России».⁷ Общественность, прогнозируя

различные варианты урегулирования кризиса, в большинстве своем приходила к неутешительному выводу о том, что любой исход событий в Шлезвиге и Гольштейне, который будет сопряжен с аннулированием Лондонского протокола 1852 г., негативно скажется на интересах России. Присоединение же герцогств к Пруссии оценивалось как «тяжкая цена», за лояльность прусского правительства в польском вопросе.⁸

Для английского же общественного мнения самым острым вопросом стала проблема британского вмешательства в конфликт. Несмотря на то, что вступление Англии в конфликт на правах защитника Дании находило немало поддержки на страницах английской печати, оно так и не было осуществлено. В первую очередь это объясняется нежеланием портить отношения с немецкими государствами, которые играли важную роль дипломатических и геополитических планах Британии.⁹ Однако нельзя не отметить политическую близорукость некоторых изданий, писавших, что «то или иное решение шлезвиг-гоольштейнского вопроса не будет иметь серьезных последствий».¹⁰

И в Англии, и в России смотрели на датско-германскую распря как на шаг к немецкому объединению, хотя и не придавали Датской войне 1864 г. решающего значения в этом процессе. Однако для российского общества перспектива единой Германии на западных границах империи явно выглядела нежелательной и невыгодной. Это проявляется в том, что в России негативно отнеслись сначала к восстанию в Шлезвиге и Гольштейне в ноябре 1863 г., а затем и к развязыванию войны Пруссией против Дании. Ярким образом это отразилось на строках газеты «Весть» от 5 января 1864 г.: «Является, Бог знает, откуда, никому доселе неизвестный какой-то принц Августенбергский; Шлезвиг-Гольштейнский вопрос, утопленный, по-видимому, в канцелярских чернильницах, вдруг всплывает на поверхность; национальные страсти разожжены, и второстепенные державы Германии хватают знамя революции».¹¹

Английские газеты наполнены различными статьями о германском вопросе, что говорит о его важности для британской политики. Тем не менее германское единство воспринималось там как событие несущее немалые выгоды для международного положения Англии: «Германии, эта твердая дамба, вал, стена грязи, если хотите, наконец, который препятствует французскому наплыву

Евреи и мусульмане в русской армии и флоте в Великом Княжестве Финляндском в XIX в.

распространяться по Европе. Любое вмешательство на стороне Дании – удар по этой дамбе...».¹² Единая Германия виделась английским обществом, как новый игрок в европейском балансе сил, который выступит противовесом влиянию Франции и России. Положительное отношение к объединению немцев присуще различным идейно-политическим группам английской общественности: «Единство Германии – то изменение, которое обе партии в Англии приняли бы с сердечным удовольствием».¹³

Шлезвиг-Гольштейнский вопрос не прошел бесследно ни для российского, ни для английского общества, породив абсолютно новые перспективы в европейской политике, которые неоднозначно оценивались в обеих странах. Разница восприятия событий Шлезвиг-Гольштейнского кризиса демонстрирует не только напряженные отношения между Лондоном и Петербургом, но и отсутствие совместных подходов к решению международных проблем, касающихся общей безопасности. Можно говорить о том, что Шлезвиг-Гольштейнский кризис лишь усилил недоверие двух стран, а также негативно отразился на общественных представлениях каждой из стран друг о друге.

1. Иллюстрированная газета. 1864. 23 января.

2. Оболенская С. В. Германия и немцы глазами русских людей XIX века. М., 2000. С. 8.

3. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. М., 1959. Т. 15. С. 405.

4. Энгельгардт Н. Очерки истории русской цензуры в связи с развитием печати. СПб., 1904. С. 246.

5. Там же. С. 245.

6. Саламон Л. Всеобщая история прессы. СПб., 1909. С. 73.

7. Голос. 1864. 17 января.

8. Московские ведомости. 1864. 27 июля.

9. Economist. 1864. January 10.

10. Daily Telegraph. 1864. February 27.

11. Весть. 1864. 5 января.

12. Spectator. 1864. January 16.

13. Times. 1864. June 20.

В 1853 г. в последний раз вышел указ об укомплектовании флота рекрутами из евреев,¹ поскольку 10 мая 1856 г. последовало Высочайшее распоряжение «О неназначении впредь евреев в Морское ведомство».² Евреи, т.е. лица, исповедовавшие иудаизм, находились в Российской империи на особом положении. В царствование императора Николая I был впервые принят «Устав рекрутской повинности и военной службы евреев» от 26 августа 1827 г.³

Таким образом, первый рекрутский набор евреев состоялся в 1827 г. Всего было призвано 1637 чел., малолетние от 12 до 18 лет направлены в кантонисты, все прочие на флот.⁴ Поскольку наше исследование посвящено изучению браков между русскими военными чинами и финляндскими уроженками, то следует прояснить, каким в таком случае правилом регламентировались браки, заключаемые «иноверцами», к которым относились все лица нехристианских религий. Еще за год до первого рекрутского набора евреев в русскую армию было Высочайше утверждено положение «О браках заключаемых лицами Евангелического исповедания с евреями и магометанами»,⁵ которым определялось, что венчание осуществляет исключительно евангелическое духовенство, при этом «перевенчивать» в своих храмах запрещалось. Помимо этого, вступающие в брак давали подписку, что их дети «будут крещены или в христианскую веру евангелического или, (буде родители пожелают), в господствующее греко-российского исповедания», категорически запрещалось мужьям обращать своих жен в собственную веру.

Вот, к примеру, запись в метрической книге Свеаборгской церкви от 29 марта 1841 г. о приобщении из лютеранского вероисповедания в греко-российское детей счетчика Казначейства Свеаборгского порта Ишмурата Расказина магометанского исповедания и законной его жены Анны лютеранского исповедания: Иоанна (1 мая 1828 г. рождения) по крестному отцу Яковлева, Софии (14 января 1829 г. рождения) по крестному отцу Григорьевой и Елизаветы (1 октября 1837 г. рождения) по крестному отцу Михайловой,⁶ таким образом, дети уже имели имена Иоанн Яковлев, София Григорьева и

Елизавета Михайлова. В 1849 г. Иоанн Яковлев будучи писарем 2-го класса Штаба Главного командира Свеаборгского порта в возрасте 22 лет обвенчался с финляндской уроженкой девицей Амалией Шарлоттой Лонгрен лютеранского исповедания, 29 лет.⁷

Судя по всему, венчание Ишмурата Расказова состоялось в лютеранской церкви, предположительно не ранее 1 мая 1828 г., там же крестились и дети, ибо и жена и дети признаны православным священником законными в момент присоединения к православной вере.

В целом, магометане давно служили в русской армии без особых препятствий, хотя принятие ими православия встречается довольно редко: 16 февраля 1841 г. Мустафа Салимов квартирмейстер 2-го Флотского экипажа принял православную веру и наречен Матфеем Михайловым;⁸ а 31 января 1843 г. младший фельдшер морского госпиталя Рахматул Минеев сын Бихтеев принял православную веру и наречен Александром Яковлевым сыном Яковлевым.⁹ До 1860 г. штатного муллы в Финляндии нет было. Назначен 22 февраля 1860 г. в Свеаборге.¹⁰ До этого времени в штате Морского ведомства состояло два имама – один в Кронштадте, второй – в Севастополе.¹¹

В качестве дополнения, можно отметить, что и в отношении не только иноверцев, но и инославных проводилась политика, направленная на обращение их в православие. Так, 24 марта 1838 г. сразу 45 человек вновь поступивших рекрутов из западных губерний империи в 1-ю, 2-ю, 3-ю и 4-ю роты Финляндского линейного №6 батальона перешли из униатского вероисповедания в православное.¹²

С евреями обстояло дело намного сложнее. С самого начала укомплектования армии и флота евреями стали возникать ограничения. Евреев запрещалось назначать в денщики.¹³ В унтер-офицеры разрешалось производить только «за отличия в сражениях против неприятеля».¹⁴ Причем, все ограничения практически снимались при переходе из иудаизма в православие. При этом священником, осуществлявшим таинство крещения, бралась расписка.¹⁵ С другой стороны, ответственность за «отпадение» от православной веры означала штраф, что для евреев, что для магометан, принявших крещения.¹⁶

В 1844 г. уже определялись конкретные должности для поступающих на службу рекрутов из евреев: Призыв осуществлялся по возрастам: от 12 до 18 лет по-прежнему в батальоны кантонистов; от 18 до 25 лет в нестроевые и служительские команды.

Евреи направлялись в нестроевые роты при полках и артиллерийских бригадах, а также в подвижные инвалидные роты, военно-рабочие батальоны и роты инженерного ведомства, на вакансии нестроевых и мастеровых нижних чинов: в жандармские дивизионы и команды, артиллерийские гарнизоны, инженерные парки, арсеналы и арсенальные роты, а также в рабочие и ластовые экипажи, военно-рабочие роты Морского ведомства и военно-рабочие роты Ведомства Путей Сообщения, в типографии Военного ведомства. Запрещалось направлять в нестроевые роты гвардии и всех военно-учебных заведений.¹⁷

Однако, при этом в писари из кантонистов-евреев назначались лишь после 5 лет по принятию Православия «и в совершенном утверждении их в этом».¹⁸ При этом все-таки сохранялись и некоторые льготы. Определен реестр еврейских праздников, когда освобождаются от работы: а) праздники, в которые запрещается всякая работа – к ним относились Суббота и День очищения (Йом-Киппур); б) праздники, в которые запрещается «известная» работа – к ним относились Новый год (Рош-Ха-Шана), праздник Суккот (празднуется только два дня), праздник Шмини Ацерет (празднуется один день), праздник Симхат Тора (празднуется один день), Пасха (празднуется первый и два последних дня из восьми) и праздник созревания плодов и получение Закона Шавуот (празднуется два дня). Под «известной» работой подразумевалось занятие ремеслом, но приготовление пищи, чистка оружия и т.п. позволялись.¹⁹ Сверх того отменялись работы и в общие «высокоторжественные дни».²⁰ В общие христианские праздники было можно назначать евреев на некоторые работы «по поддержанию порядка по судам и экипажам, в коих они состоят на службе, а также на легкие внутренние работы».²¹

Евреям – нижним чинам дозволялось иметь при себе жен и детей, однако последним запрещалось носить еврейскую одежду. Дети-мальчики в общем порядке определялись в кантонисты.²²

Нельзя сказать, что евреи массово переходили в православие, но подобные случаи встречаются практически каждый год. В основном, это были строевые солдаты линейных батальонов, музыканты, фельдшеры, которые были заинтересованы в продвижении по службе.²³

В некоторых метрических книгах утрачены листы «О поступивших из других религий», но по записям в других разделах, можно сделать предположение о том, что перед заключением брака жених перешел в православие. Так в 1844 г. записан рядовой подвижной

№ 46 роты при Гельсингфорском госпитале Абрам по крестному отцу Константинов, в 1845 г. той же роты рядовой Мартын по крестному отцу Осипов.²⁴ Но уже в 1850 г. законодательно было запрещено изменять фамилию и брать новую по крестному отцу.²⁵ Запрет сохранялся до 1865 г.²⁶ Присоединение к православию из иудейской веры поощрялось не только возможностью продвижения по службе, но и материально, за это полагалось вознаграждение 7 руб. 15 коп. серебром.²⁷ И помимо всего прочего, особенно в случае женитьбы на финляндской уроженке, обретении семьи, можно было остаться в Великом княжестве на тех же основаниях, что и остальные, но с некоторыми ограничениями. Так как в противном случае евреям приписаться по Финляндии, т.е. стать гражданином Великого княжества было невозможно. В 1831 г. был подтвержден еще королевский рескрипт от 20 ноября 1806 г., запрещающий проживание евреев в королевстве Швеция, а соответственно и в Финляндии. На основании этого евреям не дозволялось выдавать паспорта и въезжать на территорию Великого княжества.²⁸ Вслед за этим указом последовало утвержденное в 1835 г. «Общее положение о евреях», включая и купцов 1-й гильдии, четко определяющее возможности, сроки и места пребывания евреев в империи, в том числе и в других губерниях, вне мест оседлости. Великое княжество Финляндское там не упоминается, исходя из закона 1831 г.²⁹

И хотя указ от 22 марта 1857 г. гласил, что «всем без исключения нижним чинам, увольняемым в бессрочный или временный отпуск» дозволяется избирать для места жительства Финляндию, однако, «приписываться к Финляндии» на основании следующего указа от 26 февраля 1858 г. можно было лишь «по правилам одинаковым для российских мещан и крестьян», установленным годом раньше,³⁰ за исключением взноса в тысячу рублей серебром.

Электронная еврейская энциклопедия сообщает, «что по окончании срока службы некоторые евреи оставались в Финляндии, становясь главным образом ремесленниками; их право на жительство в стране было закреплено законом от 1858 г., в котором говорилось, что отставные российские военнослужащие (вне зависимости от вероисповедания) могут селиться в Финляндии вместе со своими семьями».³¹ Однако, слов «вне зависимости от вероисповедания» в законе нет. Таким образом, евреи не попадали под действие закона от 26 февраля 1858 г., поскольку на них продолжал распространяться закон от 15 декабря 1831 г. Естественно, речь идет о тех, кто

остался в иудаизме. То есть жить, они имели право, но записаться, получить паспорт финляндского гражданина – нет.

Причина ужесточения правил в отношении евреев, последовавшего после завершения войны 1853–1855 гг., по мнению историка М. М. Бородкина, состоит в фактах измены нескольких нижних чинов-евреев, принимавших участие в обороне Бомарсунда в августе 1854 г. и перебежавших к противнику,³² зафиксированные попытки подрыва укреплений, а также добровольный переход во французскую армию находившихся в плену 64 евреев, без учета тех, кто находился в английском плену.³³ Накануне бомбардировки Свеаборга летом 1855 г. в крепости насчитывалось 160 нижних чинов-евреев. Они были все переведены во внутренние районы Финляндии до начала боевых действий.³⁴

В 1862 г. правительствующий сенат Финляндии издал положение о паспортах, запрещающее евреям въезжать в Финляндию; разрешалось их временное пребывание в стране (с санкции генерал-губернатора), но без возможности вступать здесь в брак и заниматься чем-либо кроме торговли поношенным платьем (нарушение этих правил влекло за собой немедленную высылку из Финляндии).³⁵ На 1870 г. в Финляндии находилось около 500 евреев без права на гражданство.³⁶ Кроме того, по закону 22 мая 1880 г. «евреям-купцам было воспрещено водворяться в Области Войска Донского». Также «право причисления евреев к купечеству 1-й гильдии не распространялось на города 50-верстной пограничной полосы западных губерний и губернии Бессарабской, на области Кубанскую и Терскую, Таганрог, Ростов-на-Дону, Ялту (где летом отдыхала царская семья), на Финляндию (купцы-евреи могли быть там только проездом), а также города Иргиз, Турган, Актюбинск, Темир»,³⁷ что соответствовало положению о паспортах сената Финляндии 1862 г. Несмотря на отдельные попытки пересмотреть это положение, окончательно евреи в Финляндии получили права гражданства лишь с 1918 г.

1. Полное собрание законов Российской Империи (далее: ПСЗ РИ). Выпуск 2. Т. 28. Ч. 1. № 27412 от 3 июля 1853. С. 343–344.

2. Там же. Т. 30. Ч. 1. № 30484 от 10 мая 1856. С. 271.

3. Там же. Т. 2. № 1330 26 августа 1827. С. 727–741.

4. Столетие Военного министерства. 1802–1902. Главный штаб. Исторический очерк. Комплектование войск в царствование Николая I. Т. IV Ч. II. Кн. I. Отдел II. СПб., 1907. С. 11.

5. ПСЗ РИ. Выпуск 2. Т. 1. № 410 17 июня 1826. С. 577–578.

6. Метрические книги Свеаборгской церкви «Фонд I Са:2 Metrikka 1836–1841» представлены на микрофильмах: 1 С2 1837 (ORT 7113–7115); 1 С2 1838 (ORT 7115–7119); 1 С2 1839 (ORT 7119–7121); 1 С2 1841 (ORT 7121–7124) и т.д.

7. 5 октября 1849.

8. ОРТ. 7121. Л. 6.
9. ОРТ. 7130. Л. 2.
10. ПСЗ РИ. Выпуск 2. Т. 35. Ч. 1. С. 141.
11. Там же. Т. 20. Ч. 1. № 19242 от 28 июля 1845.
12. ОРТ. 7117. Л. 60–63.
13. ПСЗ РИ. Выпуск 2. Т. 4. Ч. 1. № 2806 от 6 апреля 1829. С. 234.
14. Там же. Т. 7. № 5428 от 12 июня 1832. С. 378.
15. Например, писалось: «1835 года месяца марта 25 дня, я, нижеподписавшийся, 1-й бригады 3 флотской дивизии 20 флотского экипажа барабанщик Николай Александров даю сию подписку Гельсингфорского Военного Госпиталя священнику Савве Андруцкому в том, что без всякого какого-либо принуждения или наказания или платежа долгов по собственной моей воле оставляю еврейский закон и крещен в православную греко-российскую веру и Святым Миром помазан в которой обещаю быть непоколебимым до конца моей жизни, сохраняя все правила и предания сей Святой церкви, обучаясь Господней и другим Молитвам, Символу Веры и десятисловью, исповедываясь и Святых Таинств ежегодно причащаясь, почитая воскресные и праздничные дни, содержа не нарушено святые посты, жизнь проваждая Богоугодно, но ежели окажется во вышепоказанном что-либо малейше не соблюдено, в таком случае, он, священник имеет право куда следует на меня доносить и я подтверждаю строгому законному штрафу и наказанию о чем в уверение за неумением грамоте прилагаю крепость (т.е. крест)». (См.: Метрические книги Церкви Гельсингфорского военного госпиталя в 1826–1836 гг. Helsingin sotilassairaalan ortodoksisen sotilasseurakunnan arkisto Metrikat 1826–1836 (I Sa:3) Л. 106, 196). Приняв крещение, через месяц, 5 мая 1835 г. 20 Флотского Экипажа барабанщик Николай сын Александров был обвенчан с финляндской уроженкой лютеранского вероисповедания, дочерью магистратского сторожа Гельсингфорса Линдруса, девицею Леною.
16. Для магометан – ПСЗ РИ. Выпуск 1. Т. 11. № 8664 Т. 11. 19 ноября 1743. С. 719. Для евреев – ПСЗ РИ. Выпуск 2. Т. 11. Ч. 1 № 9073 10 апреля 1836. С. 413–414.
17. ПСЗ РИ. Выпуск 2. Т. 19. Ч. 1 № 17600. 10 февраля 1844 г. С. 82–83.
18. Там же. Т. 23. Ч. 1 № 22607. 25 сентября 1848. С. 596.
19. Там же. Т. 4. Ч. 1 № 2949. 254 июня 1829. С. 445–446.
20. Там же. Ч. 2 № 3137. 7 сентября 1829. С. 639.
21. Там же. Т. 7. Ч. 2. 24 декабря 1832 г. Т. 7 С. 925.
22. Там же. Т. 9. Ч. 2. № 7455. 12 октября 1834. С. 68.
23. В частности, 1835 г. перешли в православную веру рядовые Петровского и Выборгского полка: Явель Гравич стал Василием Николаевым, Лазарь Мордухович – Георгием Васильевым, Шлюм Полян – Георгием Петровым (См.: ОРТ. 7113. Л. 33–34). Также, как упоминалось в 1835 г. подобное произошло с Николаем Александром, в 1836 г. еще с двумя барабанщиками (ОРТ. 7117 Л. 60–63). 30 июня 1839 г. Свеаборгского морского военного госпиталя младший фельдшер Шлёма Платинский из евреев крещен в православную греко-российскую веру с наречением именем Сергей по крестному отцу Яковлев (24 года). А 4 мая 1841 г. уже старший фельдшер Сергей Яковлев сын Яковлев (26 лет) женился на финляндской уроженке дочери мещанина г. Борго девице Кристина Анне Соблом лютеранского исповедания (30 лет).
24. Metrikka 1843–1856. Л. 46, 78.
25. ПСЗ РИ. Выпуск 2. Т. 25 Ч. 1. № 23905 6 февраля 1850. С. 102–103.
26. Там же. Т. 40 Ч. 1. № 42094 13 мая 1865. С. 506.
27. По армии: Там же. Т. 22. Ч. 1 № 21297. 4 июня 1847. С. 521; По флоту: Там же. Т. 29. Ч. 1. № 28463. 7 августа 1854. С. 729.
28. Там же. Т. 6 Ч. 2. № 5016 15 декабря 1831. С. 306–307.
29. Там же. Т. 10 Ч. 1. № 8054 30 апреля 1835. С. 308–320.
30. «Правила касательно порядка записи по Финляндии российских подданных». См.: Там же. Т. 33. Ч. 1. № 32709. 21 января 1858. С. 63.
31. Евреи в Финляндии // Еврейская электронная энциклопедия. Режим доступа: <http://www.eleven.co.il/article/14294> (дата обращения – 09.08.2016).
32. Бородкин М. М. Война на Финском побережье 1854–1855 гг. СПб., 1904. С. 169.
33. Там же. С. 184.
34. Там же. С. 286.
35. Еврейская электронная энциклопедия. Евреи в Финляндии.
36. Шлыгина Н. В. Традиционные меньшинства Финляндии: формирование и современный статус. М., 2010. С. 31.
37. Мыш М. И. Руководство к русским законам о евреях. СПб., 1904. С. 148.

Финляндская железная дорога в 1870–1917 гг. как нереализованный фактор сближения двух столиц

Миграция населения между финскими землями и Петербургом увеличивалась почти на всем протяжении XIX в. – лишь начиная с 1880-х гг. поток пошел на убыль из-за экономического кризиса: финляндцев заменяли на более дешевую рабочую силу. Движение происходило в оба направления, однако преобладало столичное: в середине и второй половине XIX в. этот поток в два раза превосходил обратный. Мигранты стремились в Петербург, являвшийся во второй половине XIX в. вторым городом по количеству проживающих в нем финляндцев после Гельсингфорса,¹ ожидая больших заработков и преимуществ жизни в мегаполисе.

Основным «донором» рабочей силы являлся Выборг и его окрестности, которым с момента основания Петербурга была присуща данная ориентация, однако Нюландская губерния также стала поставщиком рабочей силы для Петербурга. Кроме того, через столицу княжества проходил миграционный поток из Або и Эстерботнии.

В обратном движении, из Петербурга в Великое княжество, значительно преобладало направление на Гельсингфорс: многие финляндцы, привыкнув к жизни в мегаполисе, не хотели возвращаться в сельскую местность, а выбирали крупнейший город Финляндии, где, к тому же, было проще найти работу. Однако сезонные рабочие (т.н. «отходники») предпочитали возвращаться в родные места.

Главным символом движения между Петербургом и Великим княжеством можно назвать Финляндскую железную дорогу, сооруженную в 1870 г. Она связала имперскую столицу с Гельсингфорсом (посредством Выборга и Риихимяки) не столько из-за стратегического значения – переброски войск «в случае войны с первоклассными иностранными державами, обладающими мощным флотом»,² сколько коммерческого. Кроме того, генерал-губернатор Финляндии отчетливо понимал и еще одну возможную пользу железной дороги: сближение финляндцев с метрополией, необходимое в процессе европейского радикализма, охватившего и часть жителей Великого княжества.

До обретения Финляндией независимости дорогу обслуживали почти исключительно финляндцы – даже на станциях участка от

Финляндского вокзала до Белоострова, находившихся на петербургской стороне границы. Здание Финляндского вокзала также принадлежало Великому княжеству, поэтому и здесь весь обслуживающий персонал (в том числе, инженерные кадры) был преимущественно финляндского происхождения.

Вопросы таможенного контроля и порядка прохождения границы были достаточно ощутимыми практически все время функционирования дороги как части Российской империи. Но контроль больше «ударял» по русским пассажирам, значительно преобладавшим (в 1897 г. доходность одной версты дороги в пределах княжества не достигала и 8 тыс. рублей, тогда как на территории Санкт-Петербургской губернии доход за тот же период составлял 93 тыс. рублей за версту³).

Финляндский железнодорожный вокзал дал толчок не только движению по линии Петербург-Выборг-Гельсингфорс (в первую очередь, в дачном направлении), но и к активному переселению большей части финнов, проживавших в столице, на Выборгскую сторону. Вокруг вокзала было построено несколько доходных домов, принадлежащих финляндцам, и вскоре этот небольшой квартал стал типично финляндским (около 10 % всех жителей в 1881 г.⁴).

Численность финляндцев в Петербурге (1881 г. – 24 374, 1897 г. – 21 358, 1910 г. – 17 104 чел.), нельзя рассматривать как эталонную⁵. Главной причиной является то, что нельзя выделить единый критерий определения финляндцев в Петербурге: место рождения, указанное в приходских книгах и переписях населения, принадлежность к церковному приходу, родной язык или подданство. Эти цифры не учитывают и сезонных рабочих. Также существовал довольно обширный круг лиц, которые не регистрировались по прибытию в столицу или не проходили перерегистрацию: в том числе, представители «петербургского дна».

Учитывая все эти факторы, можно предположить, что в Петербурге конца XIX в. проживало 2–3% финляндцев, часть из которых постепенно ассимилировались с русским населением. Однако браки с православными русскими в финском и шведском приходах случались реже, чем браки между прихожанами или между протестантами. Исходя из этого, а также видимой изолированности проживания финляндцев в Петербурге, большой «текучести» финляндцев в столице империи, можно говорить о незначительных контактах фин-

ляндцев и русского населения. Тем не менее, финляндские инженеры и особенно рабочие, в большинстве своем более грамотные, чем бывшие крепостные русские крестьяне, весьма ценились на городских предприятиях (чаще всего, принадлежащих финнам или шведам).

Небольшое количество русскоязычных жителей столицы Великого княжества (например, в Гельсингфорсе в 1900 г. официально насчитывалось 1408 чел., а в волости Муолаа на Карельском перешейке – 1427 чел.)⁶ не должно вводить в заблуждение: цифры вновь не отражают реального соотношения. Здесь не учтены сезонные рабочие, военные (моряки кораблей, пришвартованных в Гельсингфорсе, солдаты и офицеры с семьями, расквартированные в Свеаборге), а также многие из тех, кто постоянно проживал в городе, но не имел финляндского подданства.

Так, на рубеже XIX и XX вв. в Гельсингфорсе проживало много русскоязычных коммерсантов и мелких торговцев, в совокупности приносивших около 40% доходов от городской торговли, большинство из которых официально не считались финляндцами. Хозяйственный подъем в Финляндии в 1880-х гг. вызвал строительный бум, привлекая артели сезонных русских рабочих: каменщиков, штукатуров, маляров, мостильщиков дорог. Вероятно, поэтому больше стоит доверять неофициальным данным, указывающим на 5304 русских жителя Гельсингфорса на тот же 1900 г.⁷ (из 93 576 официальных жителей финляндской столицы⁸).

Однако одной из главных проблем для русских в Финляндии являлось то, что российские подданные, кроме дворян, до 1891 г. могли приобретать недвижимость на территории Великого княжества только с «высочайшего» разрешения. Но и после указа приобретение оставалось проблематичным.

«Эффект русских дачников»,⁹ увеличившийся из-за открытия железнодорожного сообщения, значительно повлиял на население Карельского перешейка: местные жители стали говорить на смеси финского и русского языков, активно сдавали свои дома внаем, почти полностью отошли от земледелия и ремесел, т.е. традиционного образа жизни. Произошло смещение идентичности не только жителей приграничных земель, но и части жителей столицы Великого княжества, которые теперь чаще стали контактировать с петербуржцами и частично заимствовать их образ жизни.

Тесные контакты Петербурга и Гельсингфорса вызывали недовольство шведоманов, радикальных финноманов и местной прессы, несмотря на существенную экономическую перспективу. Особенно ярко эти противоречия стали проявляться после начала активной русификации Финляндии с изданием Февральского манифеста 1899 г. Тогда же стали привычными реплики о вредном влиянии русских дачников на финское население Карельского перешейка, на изменение образа жизни финляндцев, возвращающихся из Петербурга, пагубном воздействии русского на финский язык. Кроме того, русские отдыхающие в Гельсингфорсе показывали, как считалось, дурной пример местному населению, ведя праздный образ жизни. И если на Карельском перешейке, из-за огромной экономической выгоды и близости Петербурга, эти противоречия сглаживались, то в столичном Гельсингфорсе рост национального самосознания диктовал иные условия.

Интересно, что в Петербурге проживало мало представителей финляндской аристократии, как и в Гельсингфорсе русской. Первое объяснимо высокими расходами, необходимыми для жизни в столице империи, и отсутствием потребности в большом светском обществе. Второе показывает насколько сильно автономия (в первую очередь, наличие финляндского подданства и таможенные правила) сказывалась на желании русскоязычных аристократов жить в чужеродной (языковой) среде. Однако на культурные контакты такая ситуация практически не влияла.

Открытие железной дороги дало больше выгоды Великому княжеству, чем Петербургу: возможность доступного дачного отдыха, возросший товароборот столицы и военные эшелоны во время Первой мировой войны не «перевешивали» экономических преимуществ Финляндии в обретении железнодорожного сообщения с Петербургом.¹⁰ Но это вплеталось в общую канву дисбаланса в положении финляндских подданных в империи и российских подданных в Финляндии.

Несмотря на широкие возможности финляндцев в Петербурге, они мало контактировали с русскими жителями столицы, предпочитая контакты внутри своего сообщества или со шведами или немцами. В то же время русские жители Гельсингфорса, вынужденные жить изолированно из-за языкового барьера и общего осторожного отношения ко всему русскому на фоне «периодов угнетения», также

не стремились к широким контактам вне своего сообщества. И то, и другое не способствовало сближению финляндцев с метрополией.

Таким образом, Финляндская железная дорога, соединив две столицы, не изменила общей тенденции к самостоятельности Гельсингфорса по отношению к Петербургу. «Эффект русских дачников» являлся лишь локальным сближением на фоне экономических интересов, но никак не влиял на представления об империи в столичных великокняжеских правящих кругах. Кроме того, путешествия из Гельсингфорса в Петербург были не столь частыми, что видно из статистики: средняя длина поездки в период с 1870 по 1917 гг. колебалась от 30,7 до 49,2 км, что много меньше расстояния между двумя столицами.

С другой стороны, к началу XX в. идея самоопределения финской нации стала доминирующей в княжестве (временами радикально), и в таких условиях сближение с метрополией было маловероятным. Два «периода угнетения» (1899–1905 и 1909–1914) лишь подчеркнули невозможность найти ощутимый баланс между империей и княжеством в стремительно развивающемся потоке событий. И железная дорога стала в этом случае лишь линией связи, но не сближения.

-
1. Например, в Петербурге в 1880 г. проживало 24,4 тыс. финляндцев, в Гельсингфорсе – 38,7 тыс., в Або – 21,5 тыс. Но уже к 1910 г. в Петербурге осталось лишь 17,1 тыс. финляндцев, в то время как в Гельсингфорсе – 127,4, в Або – 53,3. (Энгман М. Финляндцы в Петербурге. СПб., 2005. С. 144).
 2. Из докладной записки генерал-губернатора Н. В. Адлеберга, поданной на высочайшее имя в 1866 г. (Гусаров А. Ю. От Финляндского вокзала до Выборга: из истории финляндской железной дороги. М., 2016. С. 36).
 3. Гусаров А. Ю. От Финляндского вокзала до Выборга: из истории финляндской железной дороги. С. 44.
 4. Мусаев В. И. Миграционные контакты и положение диаспор (конец XIX века – 1930-е гг.). СПб., 2007. С. 22–23.
 5. Энгман М. Финляндцы в Петербурге. С. 68.
 6. Мусаев В. И. Миграционные контакты и положение диаспор (конец XIX века – 1930-е гг.). С. 61–62.
 7. Там же. С. 62.
 8. По материалам Suomen tilastollinen vuosikirja 1920. Helsinki, 1921. S. 10.
 9. Перед Первой мировой войной численность отдыхающих на Карельском перешейке превышала 100 тысяч человек. Дачникам принадлежало около 5000 домов.
 10. В 1880 г. около 84% всей прибыли железных дорог в Финляндии пришлось на указанный участок, а в 1915 г. (учитывая значительное развитие сети) – около 68%.

Первое участие Финляндии на Всероссийской художественно-промышленной выставке 1882 г. в Москве

Всероссийские промышленные, или как их еще называли мануфактурные, выставки — то есть публичные демонстрации промышленных, кустарных и сельскохозяйственных изделий Российской империи начали проводить с 1829 г. по правилам, утвержденным за год до этого Мануфактурным советом. Цель организации в России таких выставок заключалась в желании правительства обеспечить рост отечественной промышленности и торговли. Всего в дореволюционной России состоялось шестнадцать таких выставок. Первая была открыта в Петербурге, и еще четырнадцать прошли с интервалами в два-три года попеременно в Москве, в Петербурге и в Варшаве. Последняя — шестнадцатая в 1896 г. состоялась в Нижнем Новгороде. Наиболее масштабной среди них стала XV выставка 1882 г., устроенная в Москве.

Дату открытия этой выставки переносили дважды. Первоначально она должна была состояться в 1875 г., но ее отложили до 1881 г. из-за предстоящих Всемирных выставок в Филадельфии (1876) и в Париже (1878), в которых Россия принимала активное участие. Однако покушение на императора Александра II и смерть государя отодвинули открытие еще на год, и Всероссийский смотр, посвященный двадцатипятилетию царствования почившего императора, открылся 20 мая 1882 г. Выставке придавалось большое значение, и она действительно стала событием огромной важности не только в жизни Москвы, но и страны в целом. Эта выставка демонстрировала достижения в промышленности и сельском хозяйстве за последние двенадцать лет.

В отличие от всех предыдущих она была не только более обширной, но и имела иные принципы классификации и показа экспозиции.

Выставка разместилась на Ходынском поле и занимала огромное пространство в семьдесят тысяч квадратных метров. Главные павильоны образовывали два круга: один в другом и были соединены в восьми местах радиально расположенными галереями. В центре была большая площадь, на которой для оркестра построили красивую беседку.

Четырнадцать отделов расположились в восьми, раскрашенных яркими красками и золотом, постройках из дерева и стекла, и в большинстве своем отличались оригинальной архитектурой. Кроме выставочных отделов были сооружены концертный зал, ресторан, трактир и другие вспомогательные павильоны. Архитектурное решение некоторых из них было выдержано в неорусском стиле, как, например, павильон для императорской семьи.

Впервые для удобства передвижения на территории выставки была проложена электрическая железная дорога, которую построила известная петербургская фирма «Сименс и Гальске». Эта трехсотметровая линия пользовалась большой популярностью: пассажирский мини-электропоезд перевозил за сутки до 800 пассажиров. На этой же выставке впервые в России было опробовано новое транспортное средство — катальные кресла. За четыре месяца работы выставки ее посетило более миллиона человек. Она обошлась казне почти в 3 мил. рублей. Общее количество участников достигло 5813.

На выставке 1882 г. впервые появился художественный отдел, и она стала называться «Художественно-промышленной». Знаменательной выставка оказалась и тем, что впервые в состав ее участников вошло Великое княжество Финляндское. Финляндский отдел размещался в главном выставочном здании и граничил с кавказскими и туркестанскими отделами. В прессе отмечалось, что к этой выставке Финляндия подготовилась очень добросовестно. Финляндский отдел выделяли тем, что его устройство давало посетителям ясное представление о состоянии той или иной отрасли и это не прошло незамеченным среди посещавшей его публики. И вообще «финляндский отдел сильно интересовал зрителей, так как о финнах у нас, — писал обозреватель выставки, — имеются очень смутные понятия»¹. В экспозиционных залах современное состояние Финляндии было представлено многогранно. Промышленность, сельское хозяйство, образование, кустарное производство и искусства выделены в отдельные группы.

Пресса, описывая различные разделы финляндского павильона, приводила достаточно интересные статистические данные обобщавшие представления зрителей о соседней малоизвестной стране. Так, например, по подсчетам и исследованиям специальных комиссий на период 1880 г. пространство, которое занимали леса в Финляндии, составляло около 64% всей поверхности страны. Лес

активно использовался для потребления, и его перерабатывали 224 лесопилки. Главным промыслом Финляндии в то время было хлебопашество, которым занимались и производили для себя как пропитание почти 80% всего населения. Более 20 миллионов десятин земли принадлежало крестьянам, более 14 – являлись казенной собственностью. Помещикам принадлежало всего 745 тыс. десятин. По сословиям и общественному положению – 349 землевладельцев края относились к дворянскому сословию, почти 2 тысячи – к крестьянскому и 2 тысячи к прочим. В садово-огородных посадках преобладали зерновые, среди которых основной была рожь. При этом отмечалось, что «финская рожь овинной сушки очень хороша и имеет спрос на посев в соседних странах».

Для переработки зерна обилие проточных вод на неровной почве Финляндии благоприятствовало использованию почти повсеместно водяных мельниц. В 1879 г. их насчитывалось более 14 тысяч. Сорок семь экспонентов представили съестные припасы: печеный хлеб, овощи, мясо и рыбу, молочные продукты. Прибыльным предметом вывоза из Финляндии были продукты скотоводства, особенно коровье масло, издавна, считавшееся одним из лучших.

В разделе промышленности были представлены образцы железа, основой производства которого в Финляндии являлась залегающая в большом количестве на дне резервуаров так называемая «озерная и болотная» руда. Искусство выделки железа из этой руды было уже известно финнам-язычникам. Руду поднимали со дна, затем клали на древесные уголья и расплавляли в маленьких временных горнах, в которых пламя поддерживалось посредством больших кузнечных мехов. Финский чугун, добываемый из озерной руды, оказался годным в изготовлении полосового железа. Наибольшее количество такой руды добыто было в 1876 г. В эти годы в крае находились в действии 21 доменная печь.

В центре отдела Финляндии были сгруппированы витрины с мануфактурными изделиями. Самая большая фабрика принадлежала акционерному обществу Форсасской хлопчато-бумажной мануфактуры. Закупку материала фабрика производила, главным образом, в Америке. Эксперты считали, что в качественном отношении ткани Форсасской мануфактуры настолько хороши, что с успехом могут конкурировать с лучшими из московских фабрик.

По классу напитков на выставку прибыли 9 экспонентов. Они представили образцы водок, ликеров и портера. К 1880 г. в Финляндии насчитывалось 56 винокуренных заводов и еще около 70 для выделки ликеров и других спиртных напитков, в том числе и пива. Из 80 пивоваренных заводов главным производителем был П. Синебрюхов в Гельсингфорсе. Из табачных продуктов преимущество было отдано табачной фабрике Г. Боргстрема и К^о в Гельсингфорсе, представившей прекрасного качества сигары, папиросы, курительный и нюхательный табак; фабрика существовала с 1834 г.

В комментариях к выставке сообщалось, что в последние годы в Финляндии стала активно развиваться новая отрасль промышленности: выделка древесной массы для изготовления писчей бумаги, которую Финляндия успешно экспортировала и в Россию, и за границу. Также привлекало внимание производство в Финляндии стекла. Первый стекольный завод в княжестве был основан около 1680 г. К 1880 г. их насчитывалось уже 13. А изразцов фарфоровых было 20. На выставке свои изделия экспонировало, в частности, самое крупное из финских предприятий – фирма «Арабия».

Большим успехом пользовался у посетителей и отдел мехов. Особенно замечательной своей выделкой оказалась мелкая овечья рухлядь, мягкой волнистой шерсти, а так же выдубленная до степени безукоризненно белого цвета замши. Интересна также оказалась непромокаемая одежда, экспонируемая Выборгским кустарем Клами. Выполнена она была из толстого холста, пропитанного составом, который являлся секретом изобретателя. Цветом одежда желтоватая, но легкая, прочна и дешевле обыкновенной непромокаемой одежды из клеенок и резины.

Финляндия заинтересовала и даже удивила посетителей многими оригинальными товарами. Среди них: беговые санки, кабриолеты на тонких, чрезвычайно высоких колесах, различные приборы и измерительные инструменты, служащие для производства научных исследований или для учебных целей, слесарные изделия, например, завода «Фискарс», который уже тогда по качеству продукции соперничал с лучшими иностранными механическими мастерскими.

Достоин похвалы оказался и учебный отдел – он занимал довольно обширное место, в виде красивого павильона, похожего на магазин самых разнообразных учебных пособий, а также женских

рукодельных работ, так как сельские народные школы почти повсеместно имели ремесленные классы.

Большой неожиданностью для российской публики было активное развитие в Финляндии типографского дела. Особого внимания заслужили типографские оттиски, доставленные старейшей из типографий Финляндии «К. Френкель и сын» в Гельсингфорсе. Типография была основана в 1642 г. в Або и впоследствии переведена вместе с университетом в Гельсингфорс.

В художественном отделе, по сравнению с российским, в котором разместили 950 произведений ведущих мастеров, из Финляндии было представлено 57 работ живописи и 9 – скульптуры. Большинство финских художников, как, например, Адольф Беккер, Фридрих Альстред, Карл Левгрэн и другие прошли обучение в Париже и в Германии. Их работы достаточно высокого художественного уровня не выходили за рамки общеевропейских художественных традиций. Самым известным из них в России был финляндец Альберт Эдельфельд. На выставке он представил кроме исторической композиции «Герцог Карл у гроба Класа Флеминга» портреты, среди которых экспонировались также и детские портреты Великих князей. Финляндский живописец много работал при русском дворе, где его ценили как портретиста. Но для нас самым важным является тот факт, что на выставке 1882 г. состоялся первый показ в России искусства Финляндии как национальной школы. И это давало повод задуматься о вопросе национального своеобразия, самобытного развития, что станет задачей и будет осуществлено новым поколением художников в девяностые годы. Интерес к народным культурным традициям, национальным корням в мифотворческом эпосе, способствовали возникновению такого интереснейшего явления в искусстве как финский северный модерн. И именно это финское искусство станет так притягательно для молодых художников России и явится вдохновляющим началом в их поисках новой стилистики. Доказательством этого будет устройство в Петербурге совместной выставки русских и финляндских художников в 1897 г., а так же выставка финского искусства 1917 г.

Если подводить итоги, то надо подчеркнуть, что участие Финляндии на Всероссийской художественно-промышленной выставке 1882 г. имело большое значение не только для Финляндии, но и для российского общества.

Достойное представление своей страны на этой выставке показало, что финляндцы сумели создать все, что необходимо для здоровой жизни, чем может гордиться человек. Именно тогда, в восьмидесятые годы, в русском обществе возник не только интерес, но и уважение к сдержанному, молчаливому, но трудолюбивому и духовно сильному народу, который как точно сказал А. Бенуа, «из общения с природой выработал в себе, то прекрасное спокойствие, от которого до настоящей мудрости один шаг».² Еще более емко высказался о Финляндии Максим Горький во вступительной статье к выставке финского искусства, где пафосно указал: «Не возникла культура при условиях более тяжких. Казалось бы, на этой земле нет места прекрасным цветам, что среди серых скал под печальным небом не расцветет душа человека. Но человек победил. Его творчество, его труд осуществили почти невозможное. Его мощная воля ограничила бедную каменную землю и в короне, – которой украшена наша планета – Суоми одна из лучших драгоценностей».³ Этими словами М. Горький выразил настроения русской интеллигенции в год получения Финляндии независимости. Добрые слова о Финляндии говорили и ранее, если вспомнить К. Батюшкова, Е. Баратынского и многих других, но это мнение существовало в ограниченной среде мыслящих людей России. Для широких кругов населения, для обывателей, настоящее открытие Финляндии состоялось на XV Художественно-промышленной выставке в Москве.

1. Всероссийская художественно-промышленная выставка в Москве 1882 года. Приложение к журналу Всемирная Иллюстрация. № 25–26. С. 195.

2. Бенуа А. Выставка Финского искусства. СПб., 1917. С. 5.

3. Горький М. Финляндия // Бенуа А. Выставка Финского искусства. СПб., 1917. С. 7.

«Какую Финляндию мы должны создать?»

Несколько взглядов на будущее молодой республики в 1918 г.

Гражданская война 1918 г. в Финляндии вовлекла в политическую жизнь крупные группы населения страны и еще более политизировала профессиональную деятельность публицистов и общественных деятелей. Во время и сразу после окончания гражданской войны в Финляндии появилось множество памфлетов, статей и прогнозов, которые касались будущего Финляндии. Для этой печатной продукции были характерны следующие основные вопросы: форма государственного управления (республика или монархия); границы нового государства (не только «белые» считали Восточную Карелию «ирредентой» Финляндии); внешнеполитический курс (кто должен стать союзником или союзниками Финляндии?); неизбежны ли дальнейший раскол общества после гражданской войны и какую позицию займут в нем «красные»...

«Какую Финляндию мы должны создать?» – такой вопрос задал в своей программной статье сразу после окончания гражданской войны Мартти Пихкала. В 1920–1930-е гг. он являлся лидером объединения штрейкбрехеров «Виентирауха», которое часто так и называлось – «гвардией Пихкалы». М. Пихкала был сторонником наиболее радикальных взглядов, а главной задачей он считал создание «единой, цельной, чисто финской Финляндии» – вместо «шведской» или «русской».¹ Пихкала определил также «естественные границы» нового государства: по береговой черте Белого моря, Онежского и Ладожского озер. Такого рода граница кардинально изменила бы возможности обороны страны.²

В конце марта 1918 г. два бывших депутата социал-демократической партии Виктор Блумквист и Отто Пиисинен опубликовали статью «Что ждет рабочее движение Финляндии?». Они оба были противниками революции, но парадокс заключался в том, что их работа была опубликована на средства «белой гвардии» и использовалась в ее пропаганде.³ По их мнению, будущее Финляндии должно быть построено в духе «национального самосознания», фундаментом которому виделось качественно новое рабочее движение.⁴ В жертву гражданской войне были принесены не только огромные

материальные ценности и человеческие массы. Ликвидировались и результаты огромной работы, с помощью которой планировалось улучшить материальное благосостояние и духовный уровень рабочего класса.⁵

Весной 1918 г. под псевдонимом «Юха Юханпойка» вышел памфлет «егеря» – писателя Эрика Гротенфельта «Открыть глаза! Размышления об англо-русских намерениях подавить независимость Финляндии».⁶ Как и большинство авторов интересующих нас статей, «Юха Юханпойка» считал, что в годы Первой мировой войны Финляндия находилась на крутом повороте истории: «Финляндия боролась тогда за цивилизацию, прогресс и гуманность». И продолжал: «История поставила перед народом Финляндии задачу огромной важности. Здесь, на далеком северо-востоке мы должны стать <...> форпостом на пути русской лавины, здесь мы должны охранять границы Запада от азиатских разбойников <...>».⁷

По мнению автора, поскольку ни один народ не может полностью самоизолироваться, то «менее всего на это способно маленькое государство, какие великие цели оно бы при этом ни ставило». Поэтому весьма важно найти себе надежных союзников. В качестве такого соратника автор видел Германию, оказавшую незаменимую помощь «белым» во время гражданской войны.⁸ Нельзя забывать и о том, что в первые годы независимости «белый» лагерь был далеко не единым. Сложным вопросом для него была форма государственного управления, как курс внешней политики. Образцово являлась в этом смысле позиция К. Г. Маннергейма, которого многие «белые финны» считали слишком благосклонным к странам Антанты. Автор статьи ставил на одну доску «друзей Антанты» и «красных финнов», которые «предали» свою родину.⁹ Гротенфельт, как и многие участники «егерского движения» был монархистом, считая, что установление в Финляндии республиканского строя отдалило бы страну от Германии, отчего Россия получила бы возможность вернуть страну в свой состав.¹⁰ Относительно внутриполитического курса Гротенфельт выразил свое разочарование по поводу Аграрного союза, который стал главным сторонником республиканского режима. Это было для Гротенфельта особенно горько, так как многие из членов Аграрного союза были также участниками «егерского движения».¹¹

Первые недели и месяцы после окончания гражданской войны окончательно расставили по местам не только участников военных

действий и газетные баталии, но и потребовали принятия жизненно важных решений от множества финляндцев, ранее довольно аполитичных. Именно в этот период произошло решительное размежевание в народной массе, которой предстоял окончательный разлом, линия которого прошла не только через политически ангажированные группировки, но нередко и через сельские общины и даже семьи.

1. *Pihkala M.* Minkäläinen Suomi meidän on luotava? Jyväskylä, 1918. S. 8.
2. *Ibid.* S. 10.
3. В 1920-е гг. Пиисинен стал все более отдаляться от своего социал-демократического прошлого и, в конце концов, стал сторонником крайне правого Патриотического народного движения (ИКЛ).
4. *Blomqvist V., Piisinen O.* Miten käy Suomen työväenliikkeen? Vaasa, 1918. S. 11.
5. *Ibid.* S. 14.
6. Во время гражданской войны Гротенфельт стал председателем военно-полевого суда в Вэстанкварне, в волости Инкоо в Южной Финляндии. В мае 1918 г. он приговорил к смерти примерно 60 финских красногвардейцев, в том числе и двух женщин. Впоследствии события Вэстанкварне осветили и в некоторых художественных произведениях. Гротенфельт покончил собой в 1919 г.
7. *Grottenfelt E.* Silmät auki!: mietteitä englantilais-venäläisten aikeista Suomen itsenäisyyden kukistamiseksi; kirjoittanut Juha Juhanpoika. Helsinki, 1918. S. 3.
8. *Ibid.* S. 4.
9. *Ibidem.*
10. *Ibid.* S. 7.
11. *Ibid.*

В. И. Мусеев

Проблема репатриации беженцев в советско-финляндских отношениях после заключения Тартуского мира

35-я статья мирного договора между РСФСР и Финляндией, подписанного в Тарту 14 октября 1920 г., оговаривала право свободного возвращения на родину для граждан обоих государств. Первый пункт статьи гласил: «Пребывающим в Финляндии русским гражданам и пребывающим в России финляндским гражданам разрешается по вступлении в силу мирного договора возвратиться на родину, если они не арестованы в другой стране за тяжкое преступление». Второй пункт оговаривал возвращение на родину военнопленных договаривающихся государств.¹ 31 декабря того же года между двумя государствами были установлены дипломатические отношения. Это дало возможность придать процессу репатриации более организованный характер. 17 марта 1921 г. в Петроград выехали члены эвакуационного бюро, получившего официальный статус отдела финского дипломатического представительства в Советской России. Это бюро (известное также под названием «Финляндский эвакуационный комитет») возглавлял Альберт Энкель, его заместителем был деятель ингерманландского движения профессор Пиетари Тойкка. Вскоре по прибытии в Петроград бюро начало регистрацию финских граждан, желавших выехать в Финляндию. 21 марта президент Финляндии К. Й. Стольберг утвердил постановление о пассажирском и товарном сообщении через финляндскую границу.² Поезд с первой партией репатриантов, выезд которых был организован в соответствии с положениями Тартуского мира, пересек границу в Раяйоки 30 апреля 1921 г.³ Всего в 1921 г. из России в Финляндию было отправлено девять эшелонов с репатриантами (самый длинный эшелон, отправленный в начале июля, насчитывал 35 вагонов, в которых были перевезены 643 репатрианта). Через карантинные пункты на Карельском перешейке в 1921 г. прошли около 5 400 репатриантов. Выезд 4133 из них был организован эвакуационным комитетом в Петрограде, остальные воспользовались другими легальными или нелегальными возможностями.⁴

Общее число репатриировавшихся финляндских граждан было, по всей вероятности, чуть большим, так как некоторые выезжали из России иным способом, чем через границу на Карельском

перешейке. Известны, в частности, случаи, когда некоторые финляндцы с Кавказа и Украины добирались на родину круглым путем через Константинополь и далее вокруг Европы.⁵ Сложности возникали с выездом на родину финляндских граждан, по тем или иным причинам находившихся в Советской России в заключении, поскольку советские власти не спешили освобождать. Согласно сведениям, которыми располагала финская сторона, в начале сентября 1921 г. только в петроградских тюрьмах содержалось около 250 граждан Финляндии.⁶ В Финляндии это вызывало резкое недовольство.

В 1921 г. легальная репатриация финских граждан проводилась наиболее активно. Ее полного завершения, однако, и на этот раз не удалось достичь. В конце 1921 г. отношения между Советской Россией и Финляндией вновь обострились в связи с восстанием в Беломорской Карелии: в Москве не сомневались, что это восстание было инспирировано и поддержано финнами. Петроградский отдел финляндского представительства в начале января 1922 г. получил указание в 24 часа покинуть страну (его выезд состоялся 5 января).⁷ Организация выездов финских граждан через границу была временно приостановлена: финляндцы в России снова оказались заложниками политической ситуации. Основную стадию репатриации к этому моменту можно было, впрочем, считать завершенной: большинство финнов, желавших выбраться из России, к тому времени уже сумели это сделать.

Подписание Тартуского мира оказало двоякое воздействие на миграционные процессы в российской Карелии. Легальная возможность возвращения на родину (на основании 35-й статьи мирного договора) и окончательное прекращение военных действий на восточно-карельской территории побудили некоторых беженцев двинуться в родные места. 4 ноября 1920 г. ВЦИК рассматривал ходатайство руководства Карельской Трудовой Коммуны (КТК) об амнистии для карельских беженцев и принял постановление «ввиду предстоящего празднования 3-ей годовщины Октябрьской революции, применить к карелам, ушедшим в белые банды в Финляндию, амнистию».⁸ 1 января 1921 г. Революционный комитет КТК направил распоряжение уездным, волостным и сельским советам Карелии, в котором объявлялось о предоставлении беженцам амнистии, разрешения возвращения на родину и прав гражданина КТК. Этим же распоряжением были определены приграничные пункты приема и

регистрации беженцев. Возвращение беженцев вскоре началось: в феврале из Суомуссалми на родину вернулось несколько семей ухтинцев (это были первые беженцы, репатриировавшиеся официальным путем после заключения Тартуского мира), а в марте группа олончан прибыла в родные места из Салми.⁹ Всего в 1921 г. в Россию вернулись около тысячи карельских беженцев, в основном олонечких.¹⁰

С другой стороны, укрепление советской власти в Восточной Карелии и крушение надежд на помощь в борьбе против нее Финляндии заставляли наиболее стойких противников большевистского правления уходить за границу. Волости Реболы и Поросозера в соответствии с условиями Тартуского договора подлежали очищению финскими войсками и возвращению Советской России. Некоторые жители этих волостей, несогласные с этим решением, стали уходить в Финляндию. Местная милиция была распущена, часть ее членов также перебегала в Финляндию, другие ушли в леса. Финские оккупационные части были выведены из Ребол и Поросозера, и в апреле 1921 г. в эти волости были введены советские войска. Массовым исход из Реболы и Поросозера, однако, не стал, так как финская оккупация оставила приятные воспоминания отнюдь не у всех жителей двух волостей. Всего из Реболы и Поросозера выселилось в Финляндию около 500 человек.¹¹ Беженцы концентрировались в основном на территории пограничной Карелии. В общей сложности весной 1921 г. в Финляндии находилось около 4600 восточно-карельских беженцев.¹² Результат партизанской войны 1921–1922 гг. вызвал последний, но в то же время наиболее массовый исход беженцев из Восточной Карелии. В Пиелисьярви в Финляндии беженцы появились уже в начале января 1922 г. Вместе с отступавшими партизанскими отрядами через границу устремились настоящие людские потоки. Общее число беженцев составило около 11 200 человек.¹³

Завершающий этап репатриации начался после относительной нормализации двусторонних отношений в 1922 г. 1 июня 1922 г. было подписано советско-финляндское соглашение о пограничном мире, а 12 августа состоялось подписание соглашения об эвакуации, которое вступило в силу 1 сентября. Таким образом, лишь после того, когда большая часть финских граждан, желавших выехать на родину, сумела это сделать, вопросы проведения эвакуации были официально оформлены. Был, наконец, решен вопрос, по которому долгое время не удавалось прийти к согласию: о размерах денежных

**Истоки формирования т.н. «шведской модели»
в экономической политике государства в 1920–1930 гг.**

сумм и имущества, которое репатрианты могли взять с собой. По условиям соглашения, финляндцы могли вывезти из России до 10 000 рублей в новых денежных знаках и до 164 кг движимого имущества. Срок подачи заявлений на выезд был установлен в европейской части России в полгода, в азиатской – в девять месяцев.¹⁴ Переход через границу в Раяйоки первой группы репатриантов из 205 человек, выезд которых был организован на основании соглашения об эвакуации, состоялся 28 сентября 1922 г. Всего же через карантин на Карельском перешейке в 1922 г. прошло 1 106 финских граждан. Это были в основном рабочие и служащие, выезжавшие из различных российских регионов.¹⁵ К концу 1922 г. процесс репатриации финляндских граждан из России можно было считать близким к завершению.

Вопрос о возвращении восточно-карельских беженцев вновь был поставлен на повестку дня весной 1922 г. Гарантии Тартуского договора на новых беженцев не распространялись, а достичь взаимопонимания по вопросу организации репатриации финским и советским официальным лицам было непросто, хотя в ней были заинтересованы обе стороны. Дипломатические разногласия и взаимное недоверие между двумя сопредельными государствами осложняли и тормозили ход возвращения карельских беженцев. Тем не менее, репатриация продвигалась. 30 апреля 1923 г. ВЦИК принял, наконец, постановление об амнистии для карельских беженцев.¹⁶ Общее количество вернувшихся в 1920-е гг. в Восточную Карелию беженцев составило около 8200 человек.¹⁷

1. Документы внешней политики СССР. Т. 3. М., 1959. С. 279.

2. Karjalan Aamulehti. 1921. 22. maaliskuuta.

3. Nevalainen P. Punaisen myrskyn suomalaiset. Suomalaiset paot ja paluumuutot idästä 1917–1939. Hels., 2002. S. 164–165, 168.

4. Ibid. S. 175–176.

5. Ibid. S. 170.

6. Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-5784. Оп. 1. Д. 107. Л. 12.

7. Nevalainen P. Punaisen myrskyn suomalaiset. S. 177.

8. Национальный архив Республики Карелия. Ф. 549. Оп. 1. Д. 12. Л. 4.

9. Невалайнен П. Изгой. Российские беженцы в Финляндии (1917–1939). СПб., 2003. С. 53.

10. Manner A. Valtion pakolaishuoltoja neljä vuosikymmentä. Pääpiirteinen katsaus // КА. ВРАКА. Arkistoluettelo, 581. S. 2.

11. Nygård T. Itä-Karjalan pakolaiset 1917–1922. Jyväskylä, 1980. S. 63.

12. Невалайнен П. Изгой. С. 27; Невалайнен П. Финляндия и Россия в 1920–30-х гг.: основные характеристики миграции и торговли // Россия и Финляндия в XVIII–XX вв. Специфика границы. СПб., 1999. С. 106.

13. Manner A. Valtion pakolaishuoltoja neljä vuosikymmentä. S. 1.

14. Nevalainen P. Punaisen myrskyn suomalaiset. S. 186–187.

15. Ibid. S. 187–188.

16. Килин Ю. М. Карельский вопрос в Финляндии и СССР (1920-е годы) // Север. 1997. № 7. С. 123.

17. Невалайнен П. Изгой. С. 59.

Экономическая политика шведского государства в период с 1920 по 1930 гг. представляет несомненный интерес, поскольку позволяет выявить наиболее важные компоненты, которые в дальнейшем легли в основу т.н. «шведской модели». При этом в межвоенный период весьма любопытными представляются анализ различных взглядов на пути экономического развития, существовавшие тогда в Швеции. Причем достаточно важно, учитывая эти взгляды, характеризовать их в контексте и экономических изменений, выявляя и определяя роль самых важных моментов в экономической политике государства в рассматриваемый период.

В основе же будущей «шведской модели» стала сформулированная и высказанная в 1928 г. Пер Альбин Ханссоном концепция «дома народа».¹ Она во многом определила направление деятельности государства и дальнейшие приоритеты в его политике. Причем показательно, что время, в которое появляется эта концепция, было нестабильным в политическом плане. К власти, постоянно сменяя друг друга, приходили разные партии, поэтому выработать единый взгляд на появляющиеся проблемы было сложно, но принципиально важно. И главным вопросом, в отношении которого сложнее всего было прийти к консенсусу, был как раз выбор оптимального пути экономического развития.

Огромное значение для формирования будущего современного облика Швеции сыграли тогда, несомненно, социал-демократы. Не зря социолог Р. Дарендорф называл двадцатый век «социал-демократическим веком».² Показательно, что в среде социал-демократов в двадцатые годы разгорелись дебаты относительно критики национализации, поскольку нужен был альтернативный подход. Возглавлявший в то время комитет по национализации Нильс Карлеблю оказался одним из центральных лиц на дебатах. Другими же видными социал-демократами на этих дебатах были Гуннар Мюрдаль и Эрнст Вигфорс.

Но в обсуждении участвовали не только члены Социал-демократической рабочей партии Швеции (СДРПШ). Огромное влияние на развитие определенных экономических идей оказали либералы,

такие как Бертиль Олин. В основе нового экономического подхода лежала дискуссия о влиянии партии на общество. Основной идеей было право на принятие решений вместо права собственности.³ Именно в двадцатые годы СДРПШ сформировала программу, стержнем которой был вопрос о социализации. Характерно, что в базовых принципах программы 1920 г. господствовали требования почти полной социализации производственного аппарата общества. Был даже создан комитет по социализации, задачей которого было затронуть право частной собственности.

Тем не менее, директивы, направленные правительством Брантинга, отличались от идей партийной программы. Место тезисов о полной социализации было занято весьма расплывчатыми формулировками о недостатке воздействия «общественности» на производство. Директивы содержали несколько важных пунктов: роль государства и местных органов власти в некоторых сферах (транспорт, связь, энергетика), формы организации, рекомендации по отказу от жестких форм организации.⁴ Причем, вероятно, на это следует обратить особое внимание, поскольку данный вопрос стал ключевым в последующем развитии экономики и форме экономической организации в Швеции в целом. Вместо примитивной социализации директивы предусматривают выделение отдельных областей, в которых социализация была бы целесообразна. Единственным условием было лишь то, что в период перехода важнейших природных ресурсов и крупных средств производства в общественную собственность объем производства не должен был сократиться.⁵

Как мы видим, теоретическая основа в виде программы партии и действия на практике значительно различались. Сложность составления четкой экономической линии состояла еще и в том, что внутри самой партии мнения относительно самой социализации тоже расходились. На стороне полной социализации стоял секретарь партии Густав Мёллер, противоположную позицию в этом вопросе занимал, игравший важную роль в партийных дискуссиях, журналист Нильс Карлебу, который явно придерживался центристских взглядов, подчеркивая значение децентрализации и рыночной экономики в рамках разных форм коллективной собственности. Эти же мысли выражал и Эрнст Вигфорс (министр финансов с 1932 по 1949 гг.).⁶

Исследователь И. В. Гришин, проанализировав документы партии, пришел к выводу, что, по мнению лидеров и идеологов партии,

не институт развития цивилизации, а некое неизбежное зло, заслуживающее не меньшей функциональной лимитации, чем частная собственность.⁷ В итоге мы можем наблюдать не просто незначительное расхождение взглядов в отношении вопроса социализации, а наличие в корне противоположных позиций.

Итогом дебатов в отношении государственного регулирования экономики стал отход СДРПШ и Центрального объединения профсоюзов Швеции (ЦОПШ) от идеи национализации взамен на концепцию функциональной социализации, которая предусматривала обращение результатов частнокапиталистического предпринимательства и экономического роста не только на поддержание последнего, но и на социальное выравнивание, а также установление производственной демократии. Социальное выравнивание при этом рассматривалось и как самоцель, и как фактор экономического прогресса. Это означало широкое государственное вмешательство в экономику, увеличение налогов, усиление перераспределительной и социал-законотворческой роли государства. Эти установки основывались на коллективистском и универалистском принципах социал-реформистской идеологии, предусматривают их особый приоритет централистских методов в управлении социально-экономическими процессами.⁸

Стоит подчеркнуть то, что именно в этот период социал-демократы начинают формировать планы по усовершенствованию экономической системы, что отражается в спорах и решениях относительно вопроса о социализации. И что очень важно, как отмечает исследователь А. С. Лебедев, в «шведской модели» можно обнаружить одну очень важную черту шведского характера – поиск компромиссов, означающую нахождение множества теорий внутри «народного дома», под влиянием которых происходили изменения в политической парадигме Швеции.⁹ Так и в отношении столь сложного вопроса, несмотря на сильные разногласия, социал-демократы постепенно приходят к компромиссу. Таким образом, экономика Швеции, претерпев сильные изменения в этот период, пережив взлеты и падения, накапливает кризисные явления, справляется с ними, постепенно подходя к важнейшему этапу формирования нового облика.

1. Волков А. Швеция: социально-экономическая модель. М., 1991. С. 5.

**«Русская Финляндия»:
встреча культур между Западом и Востоком**

2. Работяжев Н. В. «Новая» и «старая» социал-демократия в Западной Европе // Политическая наука. 2013. № 4. С. 106.
3. Карлссон И., Линдгрэн А.-М. Что такое социал-демократия. М., 1996. С. 12.
4. Бергстрем В. Партийная программа и экономическая политика: социал-демократы у власти // Создавая социальную демократию. Сто лет социал-демократической рабочей партии Швеции. М., 2001. С. 187.
5. Там же. С. 188.
6. Там же.
7. Гришин И. В. Социал-демократия Швеции - трудное расставание с прошлым // Мировая экономика и международные отношения. 2000. № 9. С. 75.
8. Гришин И. В. Дихотомия рынок-политика в шведской модели развития // Социальное развитие в условиях экономических трансформаций. М., 2001. С. 33.
9. Лебедев А. С. Модель Рена-Мейднера в контексте трансформации шведского государства всеобщего благосостояния // Вестник Ленинградского гос. ун-та им. А.С. Пушкина. 2012. Т. 6. № 4.

«Русская Финляндия» не столько географическое, сколько культурно-историческое явление. Само понятие «русская Финляндия» сложилось в конце XIX – начале XX вв., корни которой уходят далеко в древность к первым векам христианства на Руси. Но в разные исторические периоды оно менялось по мере происходивших здесь исторических событий. Данное культурное пространство можно рассматривать применительно к его древнейшей истории, как «земля Калевалы», где встречались культуры финно-угорских и славянских народов в период их этногенеза и становления государственности, выбора религиозной идентичности, которые сказались на выборе религиозных и культурных приоритетов, что впоследствии повлияло на развитие культуры.

Географическим фактором был задан еще один императив развития и встречи разных культур – это торговый путь «из варяг в греки» и далее на восток «в арабы», что указывает на цивилизационную составляющую, как встречу двух культур Востока и Запада. Генезис культуры восточной и западной определился выбором веры, обусловлен религиозным фактором. Вхождение в состав Российской империи дало импульс подъема национального самосознания финской нации, чему способствовала политика сохранения политического устройства и сложившегося уклада жизни, предав финскому языку статус государственного.¹

Оценивая же исторический путь, пройденный обоими народами, можно согласиться с мнением патриарха Кирилла, который отметил очевидное взаимодействие финского и русского народов в их представителях культуры, государственных и общественных деятелях и роли православия в Финляндии.² Эту точку зрения также поддержал митрополит Хельсинский Амвросий. Он четко указал, что «на протяжении тысячелетия Финляндия была местом встречи восточного и западного христианства». Подводя же итог этому, Амвросий подчеркнул, что «в период мира и взаимопонимания в стране восточная и западная церковные традиции делают Финляндию в широком смысле перекрестком и местом встречи разных

культур, где различия уже не угрозы, а богатство».³ Это подтверждают и определенные исследователи. Так, Е. Белик обращает в данном случае свое внимание на то, что даже «в архитектуре православных храмов в Финляндии... отразились элементы любимые местным населением». Причем она прямо свидетельствует: «В современном искусствознании принято говорить о диалоге культур. В Финляндии, расположенной между Востоком и Западом, православным и лютеранским миром в формах искусства наблюдается диалог культур».⁴

Все вышеприведенные высказывания показывают, что современную Финляндию многие воспринимают как государство, которое позиционирует себя, как место, находящееся между Востоком и Западом. Это также подчеркнул в начале 2000-х гг. и посол Финляндии в России Р. Ньюберг. Он четко заявил: «Финляндия находится на границе между восточной и западной культурой. Более тысячи лет на этих землях лежит отпечаток и западной, и восточной ветвей христианства. Сегодня в Православной церкви Финляндии существуют христианские традиции Востока и ценности западной демократии. Церковь принимает через открывающиеся границы православных вне зависимости от языковых и культурных различий. Таким образом, Православная Церковь Финляндии в буквальном смысле находится между Западом и Востоком».⁵

Действительно, можно с уверенностью говорить, что здесь, где встречаются представители двух столь разных культур – русской и финской, и начался своеобразный диалог.⁶ Особенно он проявился в культурном контексте еще в XIX столетии и в период т.н. «серебряного века», когда имела место встреча скандинавской и русской культур. Как подметил А. С. Пушкин: «Здесь Петр прорубил окно в Европу». Европейская культура и русская имеет одни корни как христианская цивилизация, но у них разная ментальность, основание которой зиждется на религиозной традиции. Западная — это западная ветвь христианства, и именно в этом культурном ареале пришлось вести свое бытование в Финляндии русской диаспоре. В условиях империи, однако, сохранялся процесс инкультурации, встреча двух культур проходила на уровне элитарной культуры.

Начиная с пушкинской эпохи, русское общество стало открывать для себя Финляндию: поездки, царские дачи, военные гарнизоны, в которых служили поэты и ссыльные декабристы, первые русские салоны (как Авроры Карамзиной), лечение в финских санаториях.

Петербургские журналы знакомили с историей Финляндии, ее бытом и культурой. На рубеже XX в. строительство железной дороги способствовало «дачному буму» на Карельском перешейке. Представители различных слоев российского общества летом выезжали на дачи, среди них было много ученых, писателей и творческой интеллигенции. Культурная жизнь на лето замирала в столице и переносилась в дачные местности «русской Финляндии». Кто-то со временем обосновывается и на постоянное место жительства, и такие места становятся культурными центрами. Природа, образ Финляндии и дачная жизнь становятся темой русской поэзии и прозы, финские пейзажи появляются на картинах русских художников. Это время обоюдного интереса друг к другу русской и скандинавской культур, включая и финскую.

Достаточно перечислить десяток имен тех, кто облюбовал эти края: Д. И. Менделеев, В. М. Бехтерев, В. А. Серов, А. Н. Бенуа, И. Е. Репин; В. Г. Короленко, М. Е. Салтыков-Щедрин, К. И. Чуковский, Д. С. Мережковский, Л. Н. Андреев, Б. К. Зайцев, А. И. Куприн и др. Показательно, что, скажем, Леонид Андреев построил на Карельском перешейке дом в стиле старинного норвежского замка, в котором поселился вместе с семьей, здесь же он и умер.⁷ Его дом, как и Репина, Бенуа, Чуковского, поэтессы и художницы Елены Гуро и писательницы Картавцевой стали культурными салонами. Картавцева, как и Репин, хотели, чтоб их усадьбы стали санаториями для творческой интеллигенции, но этим планам не удалось сбыться в силу исторических событий.⁸ Культурная жизнь продолжалась в дачных театрах. Особенно известными стали постановки в репинском «Прометее» и терийокском казино, куда на лето перебиралась «Бродячая собака» во главе с В. Э. Мейерхольдом и Л. Д. Блок. На спектакли собирался весь цвет «серебряного века».

Карельский перешеек привлекал к себе внимание и представителей финской культурной общественности. Здесь бывали Я. Янемфельт, А. Актэ, Э. Раутавара, О. Мераканто, М. Утинен.⁹ В Келломяки (сов. пос. Комарово) отдыхала финская писательница Эльза Сайни, композитор Тайво Сааренляя, писатель Имари Кианто, скульптор Матти Хаунт. В период после закрытия границы, когда улеглись революционные страсти и вновь началась налаживаться дачная жизнь в Терийоки (сов. г. Зеленогорск), так же продолжали приезжать деятели финской культуры, такие как писательница Керсти Бергрот,

романист Мика Валтари, поэты Эйно Лейно и Рупперт Хайнулайнен, драматург Самуил Сихво, здесь отдыхал и творил архитектор Алвар Аалто.¹⁰ Однако эпоха «серебряного века» уже закончилась, и для тех русских, кто прочно обосновался на Карельском перешейке, автоматически закрывается граница. Для Л. Н. Андреева и И. Е. Репина здесь окончится их жизненный путь. Другие вернутся сюда в период эмиграции. Но это будет уже другая историческая эпоха и другая социокультурная реальность.

1. Дерябин Ю. С. О 200-летию Великого Княжества Финляндского // Северный Благовест. 2009. № 1 (20). С. 28.
2. Патриарх Московский и Всея Руси Кирилл. Послание участникам III Сретенских чтений. «200-летие вхождение Великого Княжества Финляндского в состав Российской Империи» // Северный Благовест. 2009. № 1 (20). С. 6.
3. Митрополит Хельсинский Амвросий. Православие как культура финского меньшинства // Северный Благовест. 2009, №1(20). С.10-11.
4. Белик Е. О православных храмах Финляндии // Северный Благовест. 2009. № 1(20). С. 54.
5. Нюберг Р. Православные Финляндии между Востоком и Западом // Православный паломник. 2002. № 4 (6). С. 46, 53. Приведенные слова полномочного посла Финляндии в РФ полностью совпадают с высказыванием главы Финской Православной церкви. См.: Слово Льва, Архиепископа Карельского и всея Финляндии // Северный Благовест. 2009. № 1(20). С. 8.
6. Володин Б. Ф. Современная российская жизнь в финском духовном пространстве прошлого: историко-культурологический аспект // Райвола – Рошино: история и люди. Материалы научной конференции. Выборг, 2000. С.8.
7. Дом Леонида Андреева запечатлел фоторепортаж опубликованный в журнале «Нива» (См.: Нива. 1912. № 47. С. 958–959). См., также: Андреева В. Дом на Черной речке. М., 1974. С. 32.; Григорьева Н. В. Путешествие в Русскую Финляндию. СПб., 2002. С. 24, 25, 28; Балашов Е. А. Карельский перешеек. Земля неизведанная. Ч. 2 Уусикиркко. СПб., 1998. С. 153; Казанков Б. Выдающиеся деятели науки и культуры в Териоках и окрестностях // Териюки. Зеленогорск 1548–1998. История, культура, традиции. СПб., 1998. С. 28.; Казанков Б. Выдающиеся деятели науки и культуры в Териоках и их окрестностях // Териюки. Зеленогорск 1548–1998. С. 28–30.
8. Карл Булла запечатлел гостей приехавших на знаменитую репинскую среду в его усадьбу «Пенаты». Эта фотографию можно увидеть на первой странице приложения «Петербургской газеты» (1913. № 77). См. также: Григорьева Н. В. Путешествие в Русскую Финляндию. СПб., 2002. С. 81.
9. Молчанов А. Териюки: прошлое, далекое и недавнее. // Териюки. Зеленогорск 1548–1998. История, культура, традиции. 1998. С. 14.
10. Там же. С. 15.

К вопросу о формировании представления о Выборге как «старинном русском городе»

Случай Выборга, ставшего в марте 1940 г. советским городом, представляется продуктивным для рассмотрения идеологом, т.е. идеологически-окрашенных лексических конструкций, риторических фигур, использовавшихся в официальной советской риторике 1940–1941 гг. Речь идет, таким образом, об анализе риторических приемов, а не об интерпретации и оценке конкретных военно-политических событий военного времени.

Исключительную важность в выборгской политике памяти советского периода (1940–1941 гг. и с 1944 г.) имеет идеологизация исторического нарратива, точнее говоря – обусловленность идеологией этого нарратива как в целом, так и в любой его части.¹ На примере идеологизации исторического письма в советском Выборге можно подтвердить и уточнить закономерности, свойственные всему советскому историко-идеологическому дискурсу. Общие закономерности апроприации «символического капитала» на присоединенных Советским Союзом в 1940-х гг. территориях (страны Балтии, Бессарабия, Западная Украина) находят в Выборге и свои специфические черты.

20 июня 1964 г., у входа в Выборгский замок, незадолго до того переданный Министерством обороны СССР новообразованному Выборгскому краеведческому музею, в торжественной обстановке, под гимн Советского Союза, была открыта мемориальная доска. Надпись на ней гласила: «Героическим воинам 21-й армии Ленинградского фронта, освободившим 20 июня 1944 года старинный русский город Выборг».²

Возникает вопрос, что подразумевалось под понятием «старинный» и имелся ли в виду Выборг в составе Российской империи или был осуществлен некий перенос с «советского Виипури» 1941 г. на «старинный русский город»? Кроме того, несомненно, важно понять, в какой момент возникло представление о Выборге как о «старинном русском городе» и какова была позиция советских органов массовой информации (как центральных, так и местных) в 1940–1941 гг. При этом, безусловно, любопытным является то, как данная позиция мотивировалась и кто был проводником этого тезиса.

Очевидно, что в любом случае, для советского идеологического аппарата и призванного обеспечивать его потребности сообщества профессиональных историков взятие Выборга в марте 1940 г. поставило на очередь задачу наглядно и доходчиво объяснить советским гражданам, почему советско-финляндская война не только обусловлена текущими соображениями национальной безопасности СССР, но и имела мотивировку в историческом прошлом.

История была призвана легитимировать политическую актуальность. Первым шагом в этом направлении стала публикация книги Я. Ильинского «Финляндия»,³ вышедшей в конце 1940 г. в Москве. Книга была призвана дать комплексную характеристику Финляндии как страны, воевавшей с СССР и только что войну проигравшей.

Я. Ильинский, хотя и признает (без приведения каких-либо конкретных фактов) принадлежности Восточной Финляндии «с незапамятных времен» Новгороду, никак не подчеркивает специальную роль Выборга в этом. Совершенно определенный акцент Ильинский делает, лишь говоря о роли Выборга в совсем иную эпоху – в событиях гражданской войны в Финляндии в 1918 г.

Еще до публикации книги Я. Ильинского появилось одно из наиболее развернутых высказываний об истории Выборга в советской печати. Им стала статья Н. Н. Турчанинова «Выборг», опубликованная в июне 1940 г. в «Военно-историческом журнале» в рубрике «Военное прошлое новых советских городов».⁴ Турчанинов, подчеркивая древность Выборга и описывая решающие русско-шведские и советско-финские столкновения, никак не акцентировал и, более того, вовсе не упоминал, какой-либо изначальной или усвоенной с течением времени «русскости» Выборга.⁵

Власти советского Виипури уже вскоре после взятия города в марте 1940 г. были озабочены вопросом репрезентации исторической памяти Выборга. 7 марта 1941 г. «Виипурский большевик» печатает под заголовком «Историческое прошлое города Виипури (Выборга)» статью сотрудницы Виипурской городской библиотеки Е. Фридберг «Под властью шведов».⁶ Статья стала, сколько можно судить, первой попыткой развернуто сформулировать ответ на вопрос: «Чей город взяли советские войска в марте 1940 г.?». Главной мотивировкой «естественности» вхождения Выборга в состав СССР для автора оказывается вовсе не эта «праистория», а факт петровского завоевания Выборга в 1710 г. и «большое революционное прошлое» города (речь идет о событиях 1918 г.).

В мае 1941 г. в Ленинградском университете, на кафедре истории СССР исторического факультета, прошла научная сессия, посвященная истории территорий, незадолго до того присоединенных к СССР

– Западной Украины, Западной Белоруссии, стран Балтии. Прозвучавший доклад Е. С. Гардина был призван, как представляется, сыграть важную роль. Исключительно важны слова газетного отчета о докладе ведущего историка Петрозаводского университета: «Характерно, что вместе с карелами против шведов выступали и новгородцы. До середины XIII в. карелы в союзе с ними не давали шведам упрочить над собой их владычества».⁷ Таким образом, формировалось представление «русский и карел – братья навек» («вместе», «в союзе»), с имплицитным смыслом – «карельское – следовательно, фактически русское», «карельская земля – следовательно, русская земля».

1 июня 1941 г. «Виипурский большевик» начал цикл публикаций под рубрикой «По историческим местам Виипури». Первым номером серии стала статья научных сотрудников Виипурского музея Н. Алексеевой и М. Рухлина «Крепость».⁸ Статья должна была стать неким концептуальным введением к систематическому описанию истории Выборга. В ней предлагался принципиально новый взгляд на дошведскую историю Выборга и его окрестностей. Текст газетной статьи изобилует внутренними противоречиями и несогласованностями.

В период 1940–1941 гг. и на центральном, и на местном (в советском Виипури) уровнях уже начался процесс формирования представления о Выборге как об «исконно-русской земле». Для этого процесса были характерны апелляция к «незапамятным временам», «далекой древности», а также отсутствие указаний на конкретные источники и оперирование крупными хронологическими периодами. Все это сочеталось со смешением недокументированных процессов и (часто ретроспективных) юридических формул («пользование», «владение», «принадлежность», «собственность»). При этом делалась опора на представление о некоей изначальной принадлежности той или иной территории конкретному этносу.

В этой связи важно, однако, понять, каковы были мотивы формирования данной идеологемы.

Очевидно, что они были связаны, прежде всего, с необходимостью, после взятия Выборга в марте 1941 г., исторически обосновать его принадлежность России, «удревняя» русское присутствие на выборгской земле. Причем показательно, что взятие Выборга в 1710 г. войсками Петра I было, вероятно, сочтено даже недостаточным основанием для того, чтобы представить российское присутствие исторически-мотивированным. В силу этого, основание шведами Выборгского замка в 1293 г., было представлено не как результат конкурентной борьбы двух равноправных сил, русских и шведов, а как захват шведами «исконно-русских» земель.

Можно также предположить, что создание представления об изначальной принадлежности Выборгской земли русским было результатом и обратной перспективы, поскольку Выборг квалифицировался как один из центров пробольшевистского движения в финской гражданской войне 1918 г. Он был также отчасти связан с биографией В. И. Ленина и подготовкой им Октябрьского вооруженного восстания 1917 г. Из всего этого уже напрашивался вывод, что Выборг это не «заграница», а часть истории российского пролетариата. Поскольку история российского пролетариата это и есть история России, то и история Выборга должна быть включена в нее, пусть и ретроспективно. В результате, представлению о Выборге как оплоте шведской агрессии и финской реакции легко могло быть противопоставлено представлением о Выборге как о месте, изначально связанном с Россией.

Идеологема «Выборг – старинный русский город» так и не была сформулирована в 1940–1941 гг. Вернее будет сказать, что в этот период для нее были созданы некоторые предпосылки. Свою законченную форму эта риторическая фигура обретет после 1944 г. в уже новых геополитических и идеологических условиях.

ВЗАИМОВОСПРИЯТИЕ В УСЛОВИЯХ ВОЙНЫ

1. См., напр.: *Афанасьев Ю. Н.* Феномен советской историографии // Советская историография. М., 1999. С. 7–64; Очерки истории отечественной исторической науки XX века. Омск, 2005; *Тихонов В.* Историческая наука 1920–1940-х годов в контексте советской семиосферы (опыт первичного анализа). Сталинская историческая наука: формирование или отражение советской семиосферы? – Режим доступа: <http://gefter.ru/archive/15261> (обращение – 2015.05); *Markwick R. D.* Rewriting History in Soviet Russia: The Politics of Revisionist Historiography, 1956–1974. N.Y., 2001; *Mazour A. G.* The Writing of History in the Soviet Union. Stanford, CA, 1971; Whittier Heer N. Politics and History in the Soviet Union. Cambridge, Mass, 1971.
2. В честь 20-летия освобождения Выборга. Памяти героев // Выборгский коммунист. 1964. № 122 (5031). 21 июня. С. 1.
3. *Ильинский Я.* Финляндия. М., 1940. Книга сдана в набор в конце августа 1940 г., подписана в печать в начале декабря 1940 г.
4. *Турчанинов Н.* Выборг: военное прошлое новых советских городов // Военно-исторический журнал. 1940. № 6. (Далее текст цитируется по электронной публикации: <http://www.retropressa.ru/vyborg-voennoe-proshloe-novykh-sovetskikh-gorodov/>)
5. Важным обстоятельством здесь является то, что призванный представить историю Выборга в официальном издании Наркомата обороны СССР Н. Н. Турчанинов был уроженцем Выборга и одним из крупнейших знатоков его истории. То есть официальные инстанции считали возможным и допустимым представлять массовому читателю историю новоприобретенного города глазами местного специалиста, а не стороннего лица.
6. *Фридберг Е.* Под властью шведов [Историческое прошлое города Виипури (Выборг)] // Виипурский большевик. 1941. 7 марта. № 56 (127). С. 3. (Далее текст цитируется по этой публикации).
7. Научная сессия, посвященная истории Молдавской и Карело-Финской ССР // Виипурский большевик. 1941. 23 мая. № 119 (190). С. 1.
8. *Алексеева Н., Рухлин М.* Крепость [По историческим местам Виипури] // Виипурский большевик. 1941. 1 июня. № 127 (198). С. 3.

Красногорское сражение 23–24 мая 1790 г. в свете новых данных

Хотя случившееся в районе мысов Красная Горка – Стирсудден 23–24 мая 1790 г. морское сражение, ставшее одним из самых напряженных эпизодов в судьбах Российской империи и Санкт-Петербурга, сложно назвать обойденным вниманием, лагун в его изучении по-прежнему хватает. В этой связи анализ имеющихся в фондах РГА ВМФ шканечных журналов участвовавших в сражении русских кораблей становится серьезным подспорьем, позволяющим, с одной стороны, закрыть многие из существующих пробелов, а с другой – перепроверить уже устоявшиеся положения.

Начнем с событий 23 мая 1790 г. – первого дня Красногорского сражения.

Во-первых, представленные в шканечных журналах данные в целом подтверждают утвердившуюся в историографии канву событий, случившихся 23 мая 1790 г. Так, мы видим и три столкновения главных сил (в первом из которых атаковали русские моряки, во втором и третьем – шведские), и попытку атаки шведской гребной флотилии из района Бьорке-Зунда, и выход из русской линии линейного корабля «Иоанна Богослова», и тяжелое ранение вице-адмирала Я. Ф. Сухотина, и приезд на его корабль А. И. фон Круза.

Во-вторых, вполне подтверждается и высказанное историком Н. В. Скрицким первое в истории русского флота применение А. И. фон Крузом построения линии «не по установленному порядку, а по способности».¹

В-третьих, отсутствуют сколько-нибудь значимые расхождения и по составу участвовавших в сражении эскадр, в которых 22-м шведским линейным кораблям противостояли 17 русских².

Таковы сходства картины, представленной в шканечных журналах, с тем, что присутствует в историографии. Теперь нюансы.

В представленных ниже шканечных журналах совершенно отчетливо просматриваются проблемы русской эскадры с сохранением линии баталии, вызванные то выходом из строя отечественных линейных кораблей, то не попаданием их в нее, что постоянно грозило возможностями прорывов и окружений (особенно если бы против-

ник был более мастеровитым). Более того, судя по данным журнала корабля «Сысой Великий», во время первого столкновения оказавшиеся вне линии корабль «Св. Николай», «Всеслав» и «Америка» еще и накрыли огнем собственный же корабль «Сысой Великий»³.

Не менее важно и то обстоятельство, что, согласно шканечным журналам, противники во всех трех столкновениях так и не сблизались на дистанции сколько-нибудь решительного боя (вопреки требования А. И. фон Круза о сближении на дистанцию «ружейного выстрела»⁴ во время первого столкновения). Они ограничились артиллерийскими дуэлями на расстояниях 2–3½ кабельтовых, не дающих возможности ни нанести противнику неприемлемого ущерба, ни воспользоваться трудностями, возникающими у отдельных кораблей при получении опасных повреждений. Особенно красноречивыми выглядят данные журнала корабля «Принц Густав», показывающие, с одной стороны, насколько часто его командующий А. Тезигер прекращал огонь за невозможностью поразить противника, а с другой – насколько минимальными были повреждения этого корабля от огня шведов.

Иными словами выявляется, что противостояние происходило в условиях весьма благоприятных для русской эскадры, имевшей многочисленные проблемы. Впрочем, именно наличие значительной дистанции и поспособствовало упущению случая захватить шведский корабль, уже спустивший было флаг в ходе первого столкновения. Впрочем, больше подобные дистанции помогли все-таки русским морякам, ибо, если у шведов пострадали лишь два корабля, то в эскадре А. И. фон Круза как минимум четыре («Иоанн Креститель», «Иоанн Богослов», «Сысой Великий» и «Пантелеймон»), трем из которых пришлось выходить из линии баталии, что на малых расстояниях всегда таило опасные последствия.

Весьма интересным выглядит и тот факт, что при подтверждении характера повреждений корабля «Иоанна Богослова», как его журнал,⁵ так и рапорт командира,⁶ показывают получение им разрешения на уход в Кронштадт. По журналу фрегата «Брячислав» и вовсе получается, что «сигналом... велено кораблю Иоанну Богослову идти в способный порт», что ставит под сомнение распространенное в историографии мнение о самовольном уходе этого корабля.⁷ Во всяком случае, полученные им повреждения действительно носили серьезный характер.⁸

Нельзя обойти вниманием и другой факт, отмеченный в журнале фрегата «Брячислав» относительно сигнала командующего отрядом фрегатов Ф. И. Денисона об обходе фрегатами шведского авангарда с целью постановки его в «два огня»; и хотя последний выполнен не был, уже одно только его появление, открывающее новые возможности в использовании линии фрегатов в бою, показывает всю неординарность Ф. И. Денисона как флагмана (к сожалению, не раскрывшуюся далее в связи со смертью от ран, полученных в Выборгском сражении 1790 г.).

Впрочем, не меньше интересна и запись из журнала корабля «Св. Петра»: «В 2 часа приметили мы, что против нас находящиеся неприятельские корабли из коих передовой, прибавя парусов и пересекал наш курс, и видно, что хотел поставить между двух огней. В то время прибавили и мы парусов и не допустили пресечь курс». ⁹ Иными словами, запись отражает совершенно обойденную в отечественной историографии попытку шведов окружить русскую линию еще 23 мая 1790 г.

Позволим отметить и случаи многочисленного ручного управления русской эскадрой, связанные с передачей приказов посредством «словесных приказаний» и поездками офицеров, включая контр-адмирала А. Г. Спиридова (особенно см. журнал корабля «Ианнуария»¹⁰).

От событий 23 мая 1790 г. перейдем к сюжетам второго дня противостояния, то есть к сюжетам, имевшим место 24 числа того же месяца.

Как и в случае с событиями 23 мая, общая канва произошедшего 24-го числа вновь не вызывает особых разночтений. Во всяком случае, налицо и единственное столкновение противоборствующих эскадр, и неудачная попытка в ходе него шведов обойти русскую линию, и сохранение больших дистанций ведения боя, и переход шведов на стрельбу преимущественно холостыми зарядами.

Вместе с тем налицо и существенные нюансы, связанные с обстоятельствами означенной выше попытки обхода шведами русской линии баталии.

Так выясняется, что во время и в месте начала шведами своего маневра, русский строй представлял из себя не линию баталии, а «кашу», в которой «приняли участие» аж 5 линейных кораблей – «Америка», «Трех Иерархов», «Константин», «Сысой Великий» и «Св.

Петр». Ситуация была настолько острой, что, судя по журналу «Сысой Великого»,¹¹ даже маневр шведов обнаружили случайно, да еще и не с флагманского корабля!

Не менее очевидно и то, что основную роль в отражении шведского маневра сыграли стихийные действия кораблей «Сысой Великий» и «Св. Петр», а затем распоряжение А. И. фон Круза о спуске всей русской эскадры под ветер для восстановления линии.

Отсутствие во всех журналах информации о сигнале А. И. фон Круза по выдвиганию фрегатов Ф. И. Денисона для отражения начавших обход шведских кораблей ставит под сомнение мнение о рождении именно фон Крузом приема по использованию в бою тактического резерва в лице линии фрегатов.¹²

При всех заслугах русской стороны, представленные материалы не менее определенно показывают, что в условиях возникшего в русской линии хаоса лишь пассивность шведов избавила эскадру А. И. фон Круза от серьезных проблем.

Таким образом, изученные в РГА ВМФ документы, с одной стороны, надежно подтвердили общую канву Красногорского сражения, а с другой – позволили выявить целый ряд крайне важных подробностей.

1. Российский государственный архив Военно-Морского Флота (далее: РГА ВМФ). Ф. 870. Оп. 1. Д. 1876а. Л. 12–21.; Д. 1875а. Л. 3об.–6.

2. Там же. Д. 1876а. Л. 12–21.; Д. 1892а. Л. 21–25.

3. Там же. Д. 1891. Л. 10об.–12 об.

4. Дистанцию, о которой А. В. Суворов писал в 1794–1799 гг. как о дистанции «60–100 шагов» (42–70 метров).

5. РГА ВМФ. Ф. 870. Оп. 1. Д. 1894. Л. 26об.–28об.

6. Там же. Ф. 172. Оп. 1. Д. 346а. Л. 326–326об.

7. Другое дело, насколько командир «Иоанна Богослова» мог постараться исправить полученные повреждения, дабы попытаться остаться в строю, но эта тема для отдельного обсуждения.

8. Чтобы убедиться в этом, достаточно взглянуть на аналогичные ситуации: Материалы для истории русского флота. СПб., 1883. Ч. 10. С. 3; СПб., 1893. Ч. 14. С. 247; Кротов П. А. Эзельское морское сражение 1719 г. в свете новых данных // Морским судам быть. Воронеж, 1996. С. 57.

9. РГА ВМФ. Ф. 870. Оп. 1. Д. 1883а. Л. 13об.–17.

10. Там же. Д. 1875а. Л. 3об.–6.

11. Там же. Д. 1891. Л. 10об.–12 об.

12. Скрицкий Н. В. Георгиевские кавалеры под Андреевским флагом. М., 2002. С. 242, 282.

**Продовольственное снабжение русских военных моряков
в Финляндии в годы Первой мировой войны
(август 1914 – январь 1917 гг.)**

Вопросы снабжения военнослужащих и военных моряков в частности в годы Первой мировой войны остаются второстепенными для исследователей. Некоторое внимание этому вопросу уделил впервые В. В. Петраш, указавший сумму, выделявшуюся на ежедневное питание матросов Балтийского флота в феврале 1917 г.¹ Однако в дальнейшем это направление не получило продолжения. В то же время в 90-е гг. XX в. начался пересмотр отношения исследователей к роли снабжения. Важные замечания о восприятии пищи как одной из фундаментальных основ существования солдата, базировавшиеся на материалах изученных фронтовых писем, были сделаны Е. С. Сенявской.² Среди работ начала XXI в. можно отметить работы А. В. Арановича,³ а также капитальное исследование А. Б. Астахова.⁴

За организацию питания на флоте к началу войны ответственность несло Главное морское хозяйственное управление (ГМХУ), образованное согласно «Временному положению об управлении морским ведомством» в октябре 1911 г. Оно занималось организацией поставок продуктов длительного хранения (круп, чая, консервов). Что же касается остальных видов, то это право принадлежало командирам кораблей.⁵ С началом войны эти функции перешли к флагманскому интенданту. В помощь ему приказом адмирала Н. О. Эссена № 70 от 5 августа 1914 г. была создана комиссия под председательством капитана II ранга Н. С. Вечеслова. Последняя до конца года при поддержке ГМХУ занималась проверкой наличия продовольствия, кассовых книг, составлением соответствующих актов.⁶ Для решения основной задачи – хранения продуктов – комиссия предложила создать в местах основного базирования кораблей флота продовольственные склады. Первый из них появился в декабре 1914 г. в главной базе Балтийского флота Гельсингфорсе. Возглавил его Н. С. Вечеслов.

В дальнейшем для соединений Балтийского флота, базировавшихся на территории Великого княжества Финляндского, сложилась следующая практика заготовок. Продовольственный склад Свеаборгского порта имел возможность получать продукты двумя спо-

собами. Первым из них являлись поставки, организованные ГМХУ. Однако и от услуг частных поставщиков склад и флот отказываться не собирались. В столице Финляндии наиболее известным был А. Ф. Андреев, в частности занимавшийся поставками на корабли, базировавшиеся в Гельсингфорсе, муки и готового хлеба, а также мяса. Что касается поступления продовольствия непосредственно на корабли, то решение зависело от командиров и ревизоров – они могли приобретать их как у склада, так и у поставщиков в зависимости от наличия товаров и цен на них.

Судя по отсутствию материалов, состояние продовольственного снабжения экипажей русских военных кораблей, базировавшихся в Финляндии, оставалось на удовлетворительном уровне до конца 1915 г. Однако с 1916 г. ситуация стала меняться не в лучшую сторону. Особенно сложным становилось положение с мясом и коровьим маслом. Проблемы были связаны с целым рядом обстоятельств.

Первым из них нужно признать сам принцип снабжения экипажей, ориентированный в случае с ГМХУ на внутренние губернии Империи. В ходе длительных военных действий полоса центральных губерний европейской части страны оказывалась не в состоянии обеспечить продовольствием даже и армию. Зимой 1915–1916 гг. источником пополнения запасов стали сибирские губернии. Так, судя по обнаруженной переписке, в этот период командование ожидало поставок из Омска и Новониколаевска (Новосибирск).⁷

Вторая причина была связана с первой. Речь идет о начинавшихся перебоях в работе железных дорог – этих транспортных артерий войны. Так, 19 января 1916 г. уполномоченный ГМХУ Гейман сообщал командующему Балтийским флотом вице-адмиралу В. А. Канину, что запасы мяса для флота, закупленные в Сибири, отправлены. Далее он отмечал, что их прибытие «зависит от успешности разгрузки дорог, в частности Николаевской».⁸ На следующий день начальник штаба контр-адмирал Н. М. Григоров в отношении № 153 просил у министра путей сообщения содействия в скорейшей доставке мяса, упоминая о перебоях в работе Татарско-Омской железной дороги.⁹

Наконец, еще одним обстоятельством, затруднявшим поступление, становились порой весьма сложные взаимоотношения с представителями военного ведомства. Н. М. Григоров в уже упоминавшемся отношении сообщал, что заказы для нужд флота выполняются только лишь после погрузки продовольствия для военного

интендантства.¹⁰ Иногда происходили и более вопиющие ситуации. 13 февраля 1916 г. начальник 2-й бригады линейных кораблей контр-адмирал А. К. Небольсин сообщил в штаб флота, что двумя днями ранее мясо, заказанное поставщиком А. Ф. Андреевым и следовавшее по Финляндской железной дороге, было реквизировано представителями военного ведомства.¹¹

В результате количество потребляемого личным составом мяса стало в 1916 г. снижаться. С 8 февраля на части флота распространилось действие приказа главнокомандующего армиями Северного фронта о норме выдачи рядовому составу 0,5 фунта мяса при двух постных днях в неделю.¹² Согласно новому рациону, вступившему в силу с 1 июня, по вторникам и пятницам у экипажей были постные дни, то есть в их меню отсутствовали блюда, в которые входило мясо. Кроме того, в некоторых блюдах этот продукт либо исчез полностью, либо его количество уменьшилось. Так, если по раскладке января в рисовую кашу надо было класть 12 фунтов свинины на 100 чел., то во втором полугодии каша стала постной. В макаронный и гороховый суп вместо 12 фунтов мяса на 100 чел. стали добавлять 10,4. Также в суп макаронный перестали добавлять специи. Однако и эти меры были признаны недостаточными. С 1 сентября 1916 г. вводился и третий постный день.¹³ С весны 1916 г. стали возникать трудности с заготовкой масла и сахара.¹⁴

В этих условиях русские военные все больше рассчитывали на помощь со стороны властей Финляндии. В то же время этот интерес был взаимным, так как бесконтрольные заготовки на территории Великого княжества Финляндского могли усложнить и без того непростое положение с наличием на прилавках в городских магазинах и на рынках продовольствия. Дефицит мяса, зафиксированный в Гельсингфорсе, Або, Котке ощущался в течение всего года.¹⁵ 18 февраля продовольственная комиссия Сената под руководством вице-президента Хозяйственного департамента М. М. Боровитинова отправила в штаб Северного фронта развернутую аналитическую записку. Ее главным выводом стал запрет на торговлю мясом на территории Финляндии по средам и пятницам. Кроме того продовольственная комиссия обращалась к русским военным с предложением «ограничить потребление мяса». В этом предложении было поддержано и генерал-губернатором Ф. А. Зейном.¹⁶ Однако этих мер оказывалось явно не достаточно. Летом пресса начала сообщать

о перебоях в масляной торговле, у лавок стали выстраиваться очереди. Несмотря на повышение властями 9 октября предельных цен на масло, ситуация лучше не стала. Можно утверждать, что в Гельсингфорсе снабжение этим продуктом шло буквально «с колес»: подвозившееся в течение нескольких часов распродавалось.¹⁷

В этих условиях вопросы снабжения русских войск в Финляндии становились особенно злободневными. 10 ноября 1916 г. состоялось совещание с участием всех заинтересованных сторон. Председательствовал М. М. Боровитинов. Кроме него присутствовали члены Хозяйственного департамента Сената генерал-майор П. А. Кракау, генерал-майор А. Ф. фон Котен и действительный статский советник М. Ф. Ганскау. Местную исполнительную власть представлял нюландский губернатор генерал-майор Б. А. Виднэс. Военных представляли начальник Этапно-хозяйственного отдела VI армии полковник П. Э. Вильчевский, интендант 42 корпуса полковник Г. Л. Лукин и исполнявший обязанности интенданта Выборгской крепости капитан Ф. Е. Спинул. Интересы кораблей Балтийского флота, дислоцированных на территории Великого княжества Финляндского, выражали интендант Свеаборгской крепости полковник А. И. Пенза, начальник продовольственной части коллежский советник барон А. А. Стюарт и заведующий продовольственным складом Свеаборгского порта капитан II ранга Н. С. Вечеслов.¹⁸

Обсуждение свелось к попытке урегулировать два подхода к решению проблемы. Представители гражданских властей Финляндии пытались добиться ограничения поставок. С этой целью представителями Сената было предложено произвести так называемую «централизацию требований». Речь шла о том, что предъявлять списки о поставках могут лишь четверо имеющих прямое отношение к заготовкам лиц, то есть интенданты Свеаборгской и Выборгской крепостей, 42-го корпуса, а также заведующий продовольственным складом судов флота.¹⁹ Тем самым они, по-видимому, надеялись усилить контроль.

Представители военных, согласившись со своей стороны с этими требованиями, предложили произвести пересчет количества необходимых припасов, поставляемых Финляндией. Капитан II ранга Н. С. Вечеслов обозначил потребности продовольственного склада в 255 пудов масла в неделю, что соответствовало 1020–1025 пудам в месяц.²⁰ При среднем потреблении в 1807 пудов это составляло

примерно 56%. Что касается поставок мяса, то его требовалось, согласно его подсчетам, 13 352 пуда в месяц. В результате было принято решение, которое Н. С. Вечеслов в отношении к флагманскому интенданту штаба флота лейтенанту В. Н. Янковичу охарактеризовал как «благоприятное». Хозяйственный департамент постановил поставлять 1200 пудов масла в месяц, начиная с декабря 1916 г. В отношении мяса финляндские власти выражали готовность поставлять централизованно на склад в Гельсингфорсе порядка 2200 пудов в неделю. Остальное предлагалось закупать на рынке по твердым ценам. Для этого должен был отводиться отдельный день.²¹

Тем не менее, в январе 1917 г. продовольственный склад Свеаборгского порта испытывал трудности с наличием запасов масла. 5 января управляющий портом сообщал в штаб флота, что в магазинах осталось не более 350 пудов. При этом минимальная необходимая дополнительная поставка, согласно его расчетам, должна быть не меньше 300 пудов. Принимая во внимание, что, согласно подготовленной справке, месячный расход в декабре 1916 г. составлял 2067 пудов 13 фунтов, норму выдачи предполагалось сократить весьма серьезно.²² Ситуация стала лучше с началом прямых поставок на склад финского масла. За декабрь и январь, судя по отношению Н. С. Вечеслова от 8 января, были получены 1000 пудов масла.²³

Что касается мяса, то, несмотря на поставки и закупки в Финляндии, справляться с дефицитом не удавалось. Поэтому положение основной части экипажей кораблей Балтийского флота оказывалось в прямой зависимости от поставок из Петрограда по железной дороге и морем. 8 января 1917 г. судно-рефрижератор «Великий князь Александр Михайлович» вышло в столицу Финляндии с 15 вагонами мороженого мяса. 13 января еще 8 вагонов прибыло по железной дороге из Петрограда. Эти запасы буквально на следующий день стали передаваться на корабли.²⁴

Таким образом, к началу 1917 г. снабжение кораблей Балтийского флота в Финляндии переживало серьезные трудности, связанные как со сложившейся практикой заготовок, так и транспортными проблемами и нараставшими в регионе продовольственными проблемами. В этих условиях была предпринята попытка придти к соглашению с местными властями. Частично, это дало результат (в отношении масла). Однако этих мер оказывалось недостаточно, и в январе–феврале 1917 г. положение Гельсингфорской военно-

морской базы становилось настолько затруднительным, что командование фактически стало прибегать в отношении некоторых видов продуктов к «снабжению с колес».

1. *Петраш В. В.* Моряки Балтийского флота в борьбе за победу Октября. М.; Л., 1963. С. 26.
2. *Сенявская Е. С.* Человек на войне: историко-психологические очерки. М., 1997. С. 75.
3. *Аранович А. В.* Интендантское снабжение русской армии во второй половине XIX – начале XX века. СПб, 2005; *Аранович А. В.* Система продовольственного довольствия войск накануне и в годы Первой мировой войны // Вестник молодых ученых. 2005. № 1. С. 18–26.
4. *Астаиов А. Б.* Русский фронт в 1914 – начале 1917 года: военный опыт и современность. М., 2014.
5. Российский государственный архив Военно-Морского Флота (далее: РГА ВМФ). Ф. 479. Оп. 3. Д. 798. Л. 121.
6. Там же.
7. Там же. Л. 14.
8. Там же. Л. 10.
9. Там же. Л. 14.
10. Там же.
11. Там же. Л. 50.
12. Там же. Л. 67.
13. Там же. Д. 821. Л. 8.
14. Там же. Д. 794. Л. 15.
15. Финляндская газета. 1916. № 5. 8/21 января; № 238. 8/21 ноября.
16. РГА ВМФ. Ф. 479. Оп. 3. Д. 798. Л. 65 – 67.
17. Финляндская газета. 1916. № 214. 8/21 октября; № 218. 13/26 октября.
18. РГА ВМФ. Ф. 479. Оп. 3. Д. 821. Л. 7.
19. Там же. Л. 10.
20. Там же.
21. Там же. Д. 798. Л. 320.
22. Там же. Д. 821. Л. 17, 22.
23. Там же. Л. 26.
24. Там же. Л. 31, 32.

Русские в гражданской войне в Финляндии

Одной из весьма важных проблем, связанных с событиями гражданской войны в Финляндии 1918 г. является проблема взаимоотношений между русскими, находившимися в данном государстве, и финнами, а также влияния русских и России на характер и ход этой войны.

Очевидно, что в целом противостояние «белых» и «красных» в Финляндии в 1918 г. можно рассматривать как одно из социальных «брожений», вызванных Первой мировой войной,¹ а также революцией в России. Действительно, с началом Первой мировой войны контингент русских войск в Финляндии был увеличен с целью защиты Петрограда и северо-западных границ России,² однако затянувшаяся война вела к ухудшению социально-политической обстановки во всей империи, в Финляндии этот процесс обострялся националистическими и сепаратистскими настроениями. Дисциплина русских войск падала, и их присутствие стало вызывать недовольство.³ Февральская революция вынесла политизацию и ослабление дисциплины в войсках на первый план.⁴ Во многих местах русские солдаты имели связи с «красными финнами»: они обучали последних владению оружием и прочим военным премудростям.⁵

Главными районами формирования красной гвардии были крупные рабочие центры, занятые русскими войсками. В Таммерфорсе почти с первых же дней Февральской революции руководство подготовкой революционно настроенных граждан взял в свои руки местный Комитет социал-демократической партии. Была поставлена задача сформировать подразделения Красной армии с помощью русских войск.⁶

Финляндская политическая элита разделилась четко надвое: одна часть видела будущее страны под покровительством кайзеровской Германии, другая хотела сохранить связь с социалистической Россией. Речь шла о значении для внутренней и внешней безопасности Финляндии нахождения в стране германских или российских воинских частей. Однако ни Германия, ни Россия не хотели рисковать ходом начавшихся уже мирных переговоров. Это одна из причин ограниченного вмешательства России в ход гражданской войны в Финляндии.⁷

Российские военные были изолированы от финляндского общества. Объясняется это, прежде всего, языковыми, конфессиональными и культурными различиями. «Образ врага» и представления о том, что Финляндия и Россия не могут сосуществовать вместе, сложился у финнов только в период гражданской войны.⁸ Миф же об «оккупации» страны русскими войсками находит как подтверждения, так и опровержения в рассказах современников.⁹ В целом отношения с русскими войсками различались на различных территориях страны. Русские солдаты не могли быть полностью понятыми финнами из-за многих различий, при этом взаимопользные контакты между ними все же имели место.

Далеко не все русские части вмешались в ход гражданской войны. Большинство солдат оставались нейтральными, и причина этого кроется в изменившейся политической ситуации в России. До Октябрьской революции русские армия и флот, расположенные в Финляндии, далеко от зоны боевых действий, в любой момент могли быть отправлены на передовую. Поэтому политический радикализм солдатских масс, выступавших за передачу власти Советам и окончание войны, был объясним: гражданская война в Финляндии началась гораздо позже взятия большевиками власти в Петрограде и начала переговоров с немцами о перемирии. Стало ясно, что война подходит к концу. Численность войск уменьшалась ввиду дезертирства и демобилизации. У солдат не было причин рисковать своей жизнью ради «красных финнов».¹⁰

Более того, известно, что к началу финской гражданской войны русские части находились практически в полном разложении.¹¹ Вопрос о сотрудничестве с красной гвардией все еще оставался открытым на тот момент. Советская Россия на официальном уровне не вмешивалась в боевые действия в Финляндии ввиду сложного международного положения.¹²

Формирование финской красной гвардии производилось без определенного плана самими финнами, а русские «военные специалисты» напрямую в процесс не вмешивались, давая лишь возможные указания и советы. Поначалу к тому же финские красногвардейцы были слабо подготовлены, поэтому им приходилось обращаться за помощью к русским солдатам и матросам.¹³ Русских специалистов-инструкторов было не больше пятидесяти человек.¹⁴ Однако, все имеющееся оружие «красные финны» получили от русских

солдат или Советской России, а также при разоружении финской белой гвардии.¹⁵

К концу марта все русские добровольцы вышли из состава русских войск и поступили на службу в финскую красную гвардию. Юридически они перестали числиться солдатами. Подписанный 3 марта 1918 г. Брест-Литовский мирный договор предписывал России немедленно «очистить» Финляндию и Аландские острова от русских войск и русской красной гвардии, а финские порты – от русского флота и русских военно-морских сил. Более того, Россия должна была прекратить всякую пропаганду против правительства Финляндии.¹⁶ В. И. Ленин, комментируя это, отметил: «В договоре приказано вывести наши войска, войска заведомо негодные, но нам не запрещено ввозить оружие в Финляндию».¹⁷ К началу марта в войсках западной Финляндии было не больше тысячи добровольцев.¹⁸

Среди жертв войны было свыше 2000 русских солдат и гражданских, из которых половина была казнена «белыми», по большей части при обстоятельствах, которые можно назвать не иначе как этнической чисткой.¹⁹

Еще с декабря 1917 г. «белое» правительство начало «дерусификацию». Необходимо было «избавиться» от всего русского. Сверху насаждались русофобские настроения. Уже в ходе войны в оккупированных городах убрали все признаки русского влияния.²⁰ Русофобия становилась элементом политики, причем направлялась она на всех, и разницы между сторонниками большевиков и буржуазии не делалось.²¹

1. *Tepera T., Roselius A.* The Finnish Civil War 1918. History, Memory, Legacy. Leiden, 2014. P. 3

2. *Свечников М. С.* Революция и гражданская война в Финляндии. 1917–1918 годы (Воспоминания и материалы). М., 1923. С. 23.

3. *Шкваров А. Г.* Русские гарнизоны в Великом княжестве Финляндском: проблемы взаимоотношений с местным населением. // Санкт-Петербург и страны Северной Европы: Материалы Двенадцатой ежегодной научной конференции (14–15 апреля 2010 г.). СПб., 2011. С. 85–86.

4. *Клинг М.* Имперская Финляндия. СПб., 2005. С. 570.

5. Там же. С. 577.

6. *Свечников М. С.* Революция и гражданская война в Финляндии. 1917–1918 годы (Воспоминания и материалы). С. 26.

7. *Клинг М.* Имперская Финляндия. С. 583.

8. *Дубровская Е. Ю.* «Одни им симпатизировали, другие ненавидели»: Первая мировая война и российские военные в воспоминаниях финляндцев. // Финляндия и Россия: образы общего прошлого. Петрозаводск, 2014. С. 201.

9. *Дубровская Е. Ю.* Население Финляндии и российские военные: проблемы взаимного восприятия в годы Первой мировой войны // Труды Карельского научного центра РАН № 6. 2011. С. 80–89.

10. *Осинский П. И., Элоранта Я.* Социально-политическая динамика революционных процессов в России и Финляндии // Вестник Бурятского государственного университета 14/2012. С. 132.

11. *Свечников М. С.* Революция и гражданская война в Финляндии. 1917–1918 годы (Воспоминания и материалы). С. 42.

12. Там же. С. 44.

13. Там же. С. 76.

14. Там же. С. 109.

15. *Смирнов В.* Из революционной истории Финляндии 1905, 1917, 1918 гг. Л., 1933. С. 167.

16. Документы внешней политики СССР. Т. 1. М., 1957. С. 122.

17. *Ленин В. И.* Полное собрание сочинений. Т. 36. М., 1969. С. 32.

18. *Свечников М. С.* Революция и гражданская война в Финляндии. 1917–1918 годы (Воспоминания и материалы). С. 73.

19. *Tepera T., Roselius A.* The Finnish Civil War 1918. History, Memory, Legacy. P. 2

20. *Мусаев В. И.* Финляндская независимость и «дерусификация» Финляндии // Санкт-Петербург и страны Северной Европы: Материалы Десятой ежегодной международной научной конференции (16–17 апреля 2008 г.). СПб., 2009. С. 48.

21. *Смолин А. В.* Формирование антифинляндских настроений среди русских беженцев в Финляндии в 1918–1920 гг. // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. 2012. № 9. С. 81.

**Ленинградская промышленность
в период советско-финляндской войны 1939–1940 гг.:
создание новых образцов вооружения и техники**

В период советско-финляндской войны 1939–1940 гг., как говорилось в отчете Ленинградского горкома ВКП(б), «потребовалось применение целого ряда новых технических усовершенствований в боевой и вспомогательной материальной части Красной Армии и создание новых образцов вооружений».¹ Ленинградские заводы и научно-исследовательские институты откликнулись на это «массовой подачей рационализаторских предложений и изобретений». Со своей стороны, Ленинградский горком возглавил движение за создание новейшей техники для действующей армии и стал координировать работу по выполнению оборонных заказов между различными предприятиями.²

Прежде всего, боевые действия в декабре 1939 г. выявили слабую защищенность пехоты РККА от сильного ружейно-пулеметного огня противника. Необходимо было решить проблему транспортировки пехотинцев к переднему краю обороны противника с наименьшими потерями. Для этого было решено применять специальные бронесани, которые прицеплялись к танкам и везли на себе до 7 пехотинцев. С подходом танков к неприятельским укреплениям, бронесани отцеплялись, после чего пехота бросалась в атаку на окопы противника.

Массовое производство бронесаней «ТБС» было налажено в Ленинграде на Кировском заводе под руководством М. Д. Козина и на Ижорском заводе. Кроме того, на Кировском и Ижорском заводах было также организовано производство бронещитков-волокуш на лыжах для пехотинцев, рассчитанных на 1 человека. Щиток был устроен таким образом, что боец мог переносить его на руках и стрелять через амбразуру, укрываясь за броней. Всего с декабря 1939 г. по январь 1940 г. было изготовлено 250 бронесаней конструкции Соколова и 55 191 бронещитков на лыжах.³

Помимо бронесаней и бронещитков, велись разработки и других средств защиты пехоты от огня противника. В частности, группа конструкторов Ленинградского Кировского завода, во главе

с К. Кузьминым и Л. Сычевым, разработала проект подвижного пулеметного гнезда («ППГ»). Данная машина представляла собой танкетку и предназначалась для поддержки пехоты на поле боя. Она вооружалась 2-мя пулеметами и имела двигатель, позволявший передвигаться на небольшие расстояния. Однако первый образец «ППГ» был изготовлен уже после окончания боевых действий, в апреле 1940 г., и поэтому их не стали запускать в массовое производство.⁴

Осуществлялись меры, направленные на повышение защищенности танков. Декабрьские бои 1939 г. на «линии Маннергейма» показали, что бронезащита имевшихся на вооружении РККА легких танков является недостаточной и не выдерживает попаданий снарядов 37-мм противотанковых орудий системы «Vofors». Было решено экранировать танки, то есть прикрывать их дополнительной навесной броней. По предложению главного конструктора завода № 174 С. А. Гинзбурга в 20-х числах декабря 1939 г. был изготовлен и испытан экранированный вариант легкого танка «Т-26» с дополнительной броней в 40 мм. Испытания показали, что экранированный танк успешно выдерживал попадания из 45-мм противотанковой пушки на дистанции 400–500 метров. В итоге 31 декабря 1939 г. специальное совещание Военного совета ЛВО поручило заводу № 174 экранировать 27 легких танков «Т-26» и 27 огнеметных танков «ХТ-133», а Кировскому заводу – 16 средних танков «Т-28». К середине февраля 1940 г. танки, оборудованные дополнительной броней, уже поступили в войска. Первые же бои с использованием экранированных танков «Т-26» показали, что финские противотанковые орудия не могут пробить их брони. В результате последовал дополнительный заказ на экранировку еще 20 танков «Т-26».⁵

В целом, за время боевых действий на заводах Ижорском, Кировском и № 174 было впервые в отечественной практике применено экранирование танков, то есть оборудование их дополнительной броней (по 15–20 листов на танк). Всего было экранировано 69 танков «Т-26» и 16 танков «Т-28», что дало возможность увеличить толщину брони на них до 50 мм. Это значительно повысило живучесть боевых машин.⁶

Для борьбы с финскими долговременными оборонительными сооружениями и противотанковыми препятствиями на ленинградском заводе № 185 им. Кирова была создана специальная

телемеханическая группа «Подрывник», состоявшая из телеуправляемых танков и танка управления. Для этого на обычных телетанках «Т-26», оснащенных комплектом телемеханической аппаратуры «ТОЗ-VI», были демонтированы башни и вооружение, установлено дополнительное бронирование, а также оборудование для перевозки, сбрасывания и подрыва специальных броневых ящиков с 300–700 кг взрывчатки. Результаты испытаний данной группы оказались довольно впечатляющими. Правда, принять участие в боевых действиях против финнов группа «Подрывник» уже не успела.⁷

Кроме того, для преодоления минных полей противника, было разработано несколько образцов танковых противоминных тралов. В частности, на Кировском заводе и заводе № 174 им. К. Е. Ворошилова в Ленинграде было изготовлено 142 дисковых минных трала. Тралы весом в 1800–3000 кг предназначались для эксплуатации на танках «Т-26» и «Т-28». Несмотря на некоторые недостатки, эти тралы впоследствии успешно применялись в боях на Карельском перешейке.⁸

Интересным изобретением стали сухопутные торпеды, предназначенные для разрушения укрепленных районов противника (ДОТов, надолбов). Торпеда содержала большое количество взрывчатого вещества (от 100 кг и больше) и обладала большой взрывной силой. Корпус торпеды устанавливался на лыжи, а движущим средством являлись пороховые ракеты, которые применялись для старта самолетов. В НИИ № 3 Наркомата боеприпасов (в Москве) было разработано 5 образцов сухопутной торпеды, которые были отправлены в Ленинград для организации дальнейшего производства. На заводе № 234 в Ленинграде было произведено 100 таких торпед. Постановлением СНК СССР было решено изготовить до 1 тыс. таких торпед. Однако, ввиду невозможности боевого применения сухопутных торпед на фронте (из-за сильно изрытой взрывами снарядов местности), последние были сняты с производства.⁹

Особенно большое значение советско-финляндская война имела для создания и поступления на вооружение Красной Армии новых образцов тяжелых танков. В первую очередь, это были тяжелые танки «КВ» («Клим Ворошилов»), «СМК» («Сергей Миронович Киров») и «Т-100», построенные на заводе опытного машиностроения № 185 им. Кирова и Кировском заводе в 1939 г. Танки оснащались дизельными моторами, мощной броней (до 75 мм) и вооружались 76-мм и

45-мм пушками. Это были принципиально новые боевые машины, не имевшие аналогов в мире по своей защите и вооружению. Уже в августе 1939 г. работы по сборке танков «СМК» и «КВ» были завершены, а в сентябре они вышли на испытания.¹⁰

С началом советско-финляндской войны все три экспериментальных тяжелых танка вошли в отдельную специальную роту танков при 20-й тяжелой танковой бригаде и приняли участие в декабрьских боях 1939 г. по прорыву «линии Маннергейма». По результатам первых боев, которые показали неуязвимость брони новых машин от огня финской противотанковой артиллерии, тяжелый танк «КВ» был принят на вооружение РККА 19 декабря 1939 г. и запущен в серийное производство на Кировском заводе. В январе 1940 г. на ЛКЗ был разработан, а к 14 февраля выпущен еще более мощный вариант танка – специальный танк «КВ» (будущий «КВ-2»), вооруженный 152-мм гаубицей. Первые два спецтанка «КВ» приняли участие в боевых действиях против финских войск на Карельском перешейке в конце февраля – начале марта 1940 г.

Кроме того, на заводе опытного машиностроения им. Кирова № 185 были изготовлены экспериментальные тяжелые самоходные артиллерийские установки «СУ-14Бр-2» и «СУ-100У» («игрек»), предназначенные для прорыва укрепленных районов и уничтожения долговременных огневых точек противника. Интересно, что самоходка «СУ-14Бр-2» имела на вооружении 152-мм пушку большой мощности «Бр-2», а самоходка «СУ-100У» – морскую 130-мм пушку «Б-13». Правда, в боевых действиях этим САУ побывать не удалось¹¹. По итогам боевых действий с финнами, были приняты на вооружение хорошо зарекомендовавшие себя тяжелые танки «КВ-1» и «КВ-2».

Война с финнами показала большую роль минометов в деле подавления вражеской обороны. Поэтому, для обеспечения частей тяжелыми системами минометов, на заводе № 7 были изготовлены два опытных образца 160-мм минометов.¹² Подобных по калибру минометов не было в то время на вооружении ни одной армии мира. Кроме того, на этом же заводе были изготовлены три образца 50-мм миномета «Москит» системы конструктора В.Н. Шамарина и два образца миномета «Оса».¹³

В период «зимней войны» 1939–1940 гг. на ленинградских предприятиях было запущено в производство и опробовано в боевых условиях множество новых видов вооружения и техники. В частности,

Ижорский завод изготовил 17 комплектов приспособлений к танкам для подрыва надолбов, 250 бронесаней «ТБС», 100 комплектов тяг и оглоблей для бронесаней «ТБС», 55 190 бронещитков для пехоты (совместно с Кировским заводом), 50 опытных образцов бронещитков для станковых пулеметов, 100 броненагрудников для стрелков-радиостов авиации. Кировский завод произвел 93 противоминных трала к танкам «Т-28», 45 щитков для ручных огнеметов, 45 комплектов тросов с кошками, а завод № 174 им. Ворошилова – 40 противоминных тралов к танкам «Т-26», санитарный танк и миноискатель к танку.¹⁴

Завод № 185 изготовил специальный инженерный танк, оборудованный тараном и растаскивателем надолбов, но он не выдержал испытаний. Этим же заводом был выпущен специальный «козел» для вытаскивания танков из волчьих ям.¹⁵ Машиностроительный завод им. Ленина создал тракторный трал для расчистки минных полей в тылу. Также на заводе № 185 им. Кирова и Ижорском заводе были изготовлены перекидные мосты для прохода через препятствия. По итогам испытаний на вооружение был принят мост, изготовленный на заводе им. Кирова.¹⁶ А завод № 174 им. Ворошилова сконструировал миноискатель к танку «Т-26», который находился в процессе испытаний.¹⁷

На других ленинградских заводах и фабриках также шла интенсивная работа по внедрению в производство наиболее необходимых для фронта и перспективных видов оружия и техники. Особое внимание уделялось минно-тральному вооружению, средствам связи и различным осветительным и сигнальным приборам. Особенно большую роль сыграла война в деле оснащения РККА миноискателями, которых на вооружении не было.

В целом завод № 210 изготовил 3,5 тыс. миноискателей трех типов и 15 радиоустановок «Зубр» (совместно с Институтом радиовещательного приема и акустики (ИРПА) им. А.С. Попова), завод № 211 – прибор для взрыва мин на расстоянии (монтировался на танке «Т-28»), 100 образцов миноискателей, 120 искателей напряжений, 1 тыс. светящихся карандашей, 3 тыс. 1,5-литровых термосов, 3 тыс. ампул для переливания крови, завод № 327 – 50 образцов миноискателей, завод «Красная заря» – 10 образцов миноискателей, завод № 209 – телемеханическую установку по управлению пулеметным огнем и 10 звукометрических приборов, а завод

№ 208 – 10 специальных радиопеленгаторов и 2 передвижные радиостанции РАТ.¹⁸

Активно шла работа в период войны и в научно-исследовательских институтах и конструкторских бюро. Интересный образец техники был создан в НИИ-9, а именно прибор для ночного вождения танков, основанный на применении невидимых инфракрасных лучей. Данный прибор решал задачу ночного марша танков по различной местности и позволял видеть ночью с танка на расстоянии до 45 метров. Всего было изготовлено 10 приборов для ночного вождения танков (шифр прибора «Дудка»). А в ИРПА был разработан и изготовлен в 50 экз. прибор для обнаружения мин замедленного действия.¹⁹

На электромашиностроительном заводе «Электросила» были изготовлены 2 походные электростанции, 5 электросверл для бесшумного бурения грунта. Завод ГОМЗ (Государственный оптико-механический завод им. ОГПУ) выпустил для нужд фронта около 1 тыс. светосигнальных приборов, а завод «Красная заря» – 200 приборов «Сторожевой сигнал» для сигнализации о приближении противника.²⁰

Для обогрева бойцов в полевых условиях потребовались в большом количестве такие необходимые вещи, как грелки, воспламенители, фонари. На базе Технологического института была выпущена 1 тыс. терочных воспламенителей, на заводе коньков изготовили партию из 20 тыс. бензиновых грелок, в артели «Примус» – 10 тыс. угольных ручных грелок, на предприятиях горместпрома – около 150 тыс. грелок из чугуна, на заводе металлоизделий – 10 тыс. экранированных фонарей «Летучая мышь». Пушкинский химзавод и ликероводочный завод изготовили в действующую армию на Карельском перешейке и на севере около 300 тыс. банок сухого спирта.

На мебельных фабриках Ленинграда было произведено 15 тыс. комплектов лыж для бронещитков пехоты.²¹ А на ленинградском заводе № 7 и механическом заводе им. Сталина было произведено по 300 комплектов лыж для перевозки артиллерии.²²

В целом, за период советско-финляндской войны по линии Управления военно-технического снабжения (УВТС) Северо-Западного фронта, ленинградской промышленности было заказано свыше 70 наименований новых видов изделий и вооружения. Стоимость всех изделий по заказам, утвержденным СНК СССР, составила

Роль финской военной разведки в сражении за Выборг в августе 1941 г.

около 40 млн. рублей, и по заказам, выданным УВТС, – еще около 2 млн. рублей. Причем новые виды вооружения, боевой техники и оснащения для РККА, изготовленные на ленинградских предприятиях, почти сразу же применялись на фронте и принесли большую пользу.²³ Опыт создания и производства новых технических средств борьбы на ленинградских заводах в период советско-финляндской войны показал, как можно быстро и эффективно решать возникшие проблемы в деле оснащения вооруженных сил.

1. Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (далее: ЦГАИПД СПб). Ф. 24. Оп. 26. Д. 638. Л. 56.
2. Там же. Л. 56.
3. Там же. Л. 52, 63. Конструктор боевых машин. Л., 1988. С. 105–106; Коломиец М. Танки в зимней войне 1939–1940 // Фронтовая иллюстрация. М., 2001. № 3. С. 76.
4. Конструктор боевых машин. С. 105; Коломиец М. Танки в зимней войне 1939–1940. С. 76–77; Солянкин А. Г., Павлов М. В., Павлов И. В., Желтов И. Г. Отечественные бронированные машины. XX век. В 4 т. Т. 1: Отечественные бронированные машины. 1905–1941 гг. М., 2002. С. 258.
5. Коломиец М. Танки в зимней войне 1939–1940. С. 76; Коломиец М., Свиринов М. Легкий танк «Т-26». 1931–1941 // Фронтовая иллюстрация. М., 2003. № 1. С. 67, 69.
6. ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 26. Д. 638. Л. 63.
7. Коломиец М. Танки в зимней войне 1939–1940. С. 22. Коломиец М., Свиринов М. «Т-26»: Машины на его базе // Фронтовая иллюстрация. М., 2003. № 4. С. 28.
8. Коломиец М., Свиринов М. «Т-26»: Машины на его базе. С. 73–74.
9. ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 26. Д. 638. Л. 32–37, 52.
10. Костюченко С., Хренов И., Федоров Ю. История Кировского завода. 1917–1945. М., 1966. С. 557–561. Конструктор боевых машин. С. 86–87.
11. ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 26. Д. 638. Л. 58, 63–64; Солянкин А. Г., Павлов М. В., Павлов И. В., Желтов И. Г. Отечественные бронированные машины. XX век. Т. 1: Отечественные бронированные машины. 1905–1941 гг. С. 166–173; Свиринов М. Н. Броневой щит Сталина. История советского танка. 1937–1943. М., 2007. С. 111–115; Свиринов М. Н. Самоходки Сталина. История советской САУ. 1919–1945. М., 2008. С. 124–128; Коломиец М. «Клим Ворошилов»: Сделано в Ленинграде. 1940–1941 // Фронтовая иллюстрация. М., 2009. № 1. С. 70–71; Иринчеев Б. Танки в Зимней войне. Боевые операции. М., 2013. С. 76, 77, 140–141.
12. ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 26. Д. 638. Л. 53.
13. Там же. Л. 66.
14. Там же. Л. 53, 63–66.
15. Там же. Л. 53.
16. Там же. Л. 52, 54.
17. Там же. Л. 53.
18. Там же. Л. 59–60, 64–66.
19. Там же.
20. Там же. Л. 59, 64–65.
21. Там же. Л. 63–64, 66.
22. Там же. Л. 54.
23. Там же. Л. 57.

Сражение за Выборг, так же как и общее наступление финских войск на Карельском перешейке в августе 1941 г., выглядит как весьма хорошо организованная и грамотно продуманная операция, которая закончилась достаточно быстрым взятием Выборга и выходом финской армии на ближние подступы к Ленинграду. Известный финский генерал Э. Хейнрикс, давая этому наступлению оценку, лаконично заметил, что для финской армии «бои на Карельском перешейке были ожесточенными и успешными».¹

Тем не менее достигнутый тогда Финляндией успех можно рассматривать как довольно неожиданный результат, поскольку обороняющиеся имели в целом хороший опыт боевых действий в предшествующий период, а также достаточно времени, чтобы подготовиться к отражению готовящегося наступления, поскольку, в отличие от других фронтов начавшейся Великой Отечественной войны, здесь никакой внезапности нападения не было. Финская армия перешла в наступление более чем через месяц после начала войны, и эта задержка, как считают некоторые финские военные историки, только ослабила их потенциальные возможности, не позволив добиться максимально стремительного прорыва советских оборонительных позиций, что повлекло за собой лишь «снижение боевого духа войск»,² вызванного вынужденным ожиданием начала наступления.

Более того, на Карельском перешейке размешались весьма большое количество советских войск. Здесь находились части сразу двух армейских корпусов 23-й армии (50-й и 19-й). И хотя наступавших тоже было «немало», но о подавляющем численном преимуществе их над советскими войсками говорить не приходилось. Против советских войск на границе находилось так же два армейских корпуса (II-го и IV-го). В целом, против около 75 тыс. советских солдат наступательные действия должны были вести порядка 150 тыс. финнов, что соответствовало соотношению сил один к двум.³ Причем на выборгском участке фронта преимущество наступавших было еще меньше (полтора к одному).⁴ Естественно, в результате превосходство

наступающих по количеству войск никоим образом не могло считаться решающим фактором, обеспечившим стремительный успех. К тому же, части Красной армии здесь имели явное преимущество по количеству танков и самолетов.⁵ Они также занимали на границе достаточно подготовленные оборонительные рубежи, которые еще подкреплялись частично переоборудованными укреплениями т.н. «линии Маннергейма», что могло уже представлять, хотя и не доведенную до полного совершенства, весьма глубокую и эшелонированную линию обороны. Под Выборгом, по мнению известного военного историка Г. А. Олейникова, природный ландшафт вообще резко ограничивал «маневренные возможности войск», создавая «определенные трудности для развертывания крупных наступательных группировок».⁶ Все это должно было гарантировать, по крайней мере, длительные и достаточно напряженные боевые действия.

Однако затяжных сражений не случилось и это, несомненно, не может вызвать некоторое недоумение. Если не рассматривать всевозможные экстравагантные утверждения публицистов о некоей особой благорасположенности советских и финских войск, воевавших друг против друга, продиктованной «взаимной вежливостью», позволяя, таким образом, как отмечает публицист В. Е. Чуров «и финнам, и нашим избежать больших потерь»,⁷ то становится ясно, что стратегический характер боев был удивительно неудачным для советского командования.

Действительно, за период более месяца позиционных боев на границе советское командование так и не смогло определить ни четкое построение финских войск, ни предполагаемого основного направления главного удара противника. Можно считать парадоксальным, но в советских военных документах того времени даже ошибочно полагали, что на данном участке фронта против частей 23-й армии действует некая, реально несуществующая финская «Юго-восточная армия». Эта неверная информация до сих пор еще «кочует» по страницам российских изданий.⁸

Но самое главное заключается в том, что в сражении за Выборг советское командование, не имея четких представлений о противнике, допустило серьезный стратегический просчет. Это проявилось, когда 31 июля началось генеральное наступление финских войск на Карельском перешейке. Оно стало развиваться в весьма «неожиданном» для советского командования районе стыка войск

19-го и 50-го корпусов,⁹ прикрывавших кексгольмское направление. Более того, здесь финское командование смогло добиться уже реального превосходства над обороняющимися. Соотношение сил было как раз для организации возможного прорыва — уже один к трем.

Советские части, конечно, мужественно оказывали сопротивление. Сразу же разгорелись весьма напряженные боевые действия. Причем финские потери за первые три дня наступления были очень существенными. В частях II-го армейского корпуса, наступавших на данном направлении, тогда выбывало из строя за сутки почти по тысяче человек.¹⁰ Кексгольм (Приозерск) взять быстро не удалось. Город был оставлен только по приказу советского командования и лишь 23 августа, т.е. спустя три недели наступления. Таким образом, финские войска на этом участке фронта не до конца справились с поставленными перед ними задачами. Однако они добились другого более значимого результата. Не взяв штурмом город, финские части, тем не менее, прорвалась на наиболее уязвимом участке обороны советских войск в центре Карельского перешейка и, более того, без особых усилий в ночь с 17 на 18 августа бесшумно форсировали реку Вуоксу.¹¹ В результате они, неожиданно для обороняющихся, стали быстро заходить в глубокий тыл мощной выборгской группировке 23-й армии.

Но в этот ответственный период советское командование так же не проявляло должной оперативности. Против прорвавшего на тыловые позиции советской обороны противника срочно направляются лишь только части 33-го погранотряда. Это подразделение срочно было передислоцировано из-под Выборга в район реки Вуоксы, и вместе еще с двумя отдельными армейскими ротами им поставили задачу, прикрывая командный пункт 23-й армии, в дальнейшем «не допустить прорыва» соединений 18-й пехотной дивизии в общий тыл выборгской группировки.¹² Естественно, что с подобной задачей пограничники справиться реально не могли. Финские войска стремительно форсировали Вуоксу, причем в этот критический момент части 23-й армии, развернутые на границе, за Выборгом, практически оставались на своих позициях. Как справедливо заметили исследователи, основные силы советских войск не приняли участие в стратегически важных боях «не вынуждено, а по “воле”, прежде всего командования 23-й армии, да и штаба

фронта», тогда как Выборг просто «как магнит притягивал к себе, все войска». ¹³ Но это, естественно, являлось стратегическим просчетом.

Таким образом советское военное командование допустило свою главную стратегическую ошибку, которая уже на данном этапе во многом предрешила невозможность выполнения дальнейшей задачи, связанной с обороной города. Но, с другой стороны, бросался в глаза другой факт. Финское руководство в тактическом плане действовало предельно безукоризненно. Финские войска наступали там, где этого наступления не ожидал противник. В результате, с форсированием Вуоксы, они заняли стратегические рубежи, оказавшись всего в 25–30 км от основных магистралей, связывающих Выборг с Ленинградом, и, более того, только в 10–15 км от командного пункта 23-й армии. ¹⁴ В итоге появилась перспектива не только просто взять Выборг, но и полностью окружить мощную группировку советских войск, которая состояла из трех дивизий (43-й, 115-й и 123-й).

И сразу же возникает вопрос, почему столь прозорливым и подготовленным к данной операции оказалось, в отличии от советского, финское командование?

Сейчас на это уже можно дать вполне определенный ответ. На самом деле, финское военное командование было прекрасно осведомлено не только о том, какие советские войска находились на Карельском перешейке, но и получало исчерпываемые сведения обо всех секретных донесениях и приказах, которые тогда отдавались по частям 23-й армии. Эта осведомленность достигалась благодаря весьма налаженной системе военной разведки. ¹⁵ Она к выборгской операции была прекрасно подготовлена и строилась по нескольким компонентам, что, прежде всего, опирались на сведения, которые получали по агентурным данным, а также от военнопленных и перебежчиков.

Но самым главным источником, раскрывающим деятельность советских войск, становилась работа финской радиоразведки, занимающаяся прослушиванием радиоэфира в зоне Карельского перешейка. Этот служба имела очень богатый опыт, поскольку возникла в финских разведывательных структурах как достаточно самостоятельное подразделение еще с 1927 г. Она опиралась на технические возможности и хорошую подготовку ее сотрудников, а также на серьезный «стаж» работы по сбору сведений о советских войсках, который был накоплен еще до начала Великой Отечественной

войны. ¹⁶ Кроме того, число сотрудников этой службы являлось самым большим во всей структуре финской военной разведки, и, по мнению авторитетных петрозаводских исследователей С. Г. Веригина и Э. П. Лайдинена, финская радиоразведка предвоенного и военного времени считалась «одной из лучших радиоразведок мира». ¹⁷

Действительно, отлаженная система прослушивания советского радиоэфира стала для Финляндии очень продуманной, ¹⁸ а сам радиоперехват стремились осуществить круглосуточно, причем «диапазон волн, — как отмечают исследователи, — был распределен таким образом, чтобы они перекрывались». ¹⁹ Это давало, можно сказать, приближенный к абсолютному значению результат. Но самое важное, что перехваченные радиосигналы научились расшифровывать. ²⁰ Еще до «зимней войны» финская радиоразведка добилась расшифровки, в частности, распоряжений, которые передавались через конкретные советские армейские радиосети. ²¹ В результате, уже в период войны 1939–1940 гг. финская радиоразведка достигала поразительных результатов и могла получать достаточно надежные сведения о замыслах советского командования. Так, благодаря эффективности деятельности радиоразведки, финское военное руководство сумело небольшими по численности силами нанести поражение 44-й стрелковой дивизии, добившись полного ее окружения в конце декабря 1939 г. ²²

Легкость в возможности получения строго секретных советских данных с помощью радиоразведки была вызвана тем, что система кодов, которая применялась для шифрования радиообмена в советских войсках, не менялась в течении 15 лет. ²³ Более того, как стало известно, сама система кодирования существовала у советских войск в начале Великой Отечественной войны на всем восточном фронте, о чем Германия также получила соответствующую информацию. ²⁴ В результате советские армейские радиogramмы прочитывались противником в интервале времени от одного до пятнадцати часов работы дешифровальщика. ²⁵

Что же касается выборгской операции, то, как отметил в своих воспоминаниях начальник разведки ставки К. Г. Маннергейма полковник А. Паасонен, «во время наступления на Карельском перешейке летом 1941 г. мы прочитывали 80% радиogramм противника в звеньях армия-корпус-дивизия». ²⁶ Более того, он даже не без гордости указал, что у финского «оперативного руководства были

намного лучшие сведения о противнике, чем о своих собственных войсках».²⁷

И это действительно было так. Если ознакомиться с документами отчета разведотдела IV-го армейского корпуса, наступавшего на Выборгском направлении,²⁸ то становится предельно ясно, что для финнов никаких военных тайн о Красной армии просто не существовало. Разведанные, получаемые финским командованием, четко демонстрируют, что практически все донесения, приказы и распоряжения по 23-й армии перехватывались, затем расшифровывались, быстро анализировались и, наконец, на основе полученных сведений, принимались соответствующие оперативные решения. При этом известный финский военный историк Х. Сеппяля, оценивая проведенную тогда Выборгскую наступательную операцию, вообще ее квалифицировал как «частично импровизированную»,²⁹ обращая внимание, очевидно, на то, что многие важные решения принимались тогда «по ходу дела» и под влиянием именно четких сведений военной разведки. Более того, можно даже утверждать, что у финского командования нередко представления о положении советских войск оказывалось лучше, чем, скажем, в штабе 23-й армии о своих собственных войсках.³⁰

Тем не менее, когда советское командование, наконец, почувствовало, что сразу три дивизии могут быть окружены, был отдан приказ отойти от пограничных рубежей. Естественно, этот приказ сразу был перехвачен, и командующий IV-м корпусом генерал К. Л. Эш срочно запросил разрешение «начать наступление».³¹ И оно началось еще раньше планированного финским командованием срока, так сказать, «по пятам» отходящих частей. Причем стремительный прорыв противника негативно повлиял не только на возможности советских войск занять новый рубеж обороны, но и особенно на ситуацию вокруг частей прибрежного сектора обороны Выборга, поскольку они, фактически, оказались прижатыми к западному берегу Выборгского залива.³²

В результате возникли условия быстрого захвата города и окружения трех дивизий, поскольку К. Г. Маннергейм тогда уже отдал приказ «перерезать все дороги, ведущие с юга из Выборга».³³ Таким образом, 23 августа на Выборгском направлении финская армия приступила к главной фазе своей операции, производя глубокий обход города с северо-востока и юга, – наступая как в центре

Карельского перешейка, так и на приморском участке фронта, отрезая, таким образом, Выборг от всех дорог, соединяющих его с Ленинградом.

Опять направление главного прорыва определялось с помощью разведки. Так, в ночь на 24 августа на основе перехваченных данных было установлено, что в узкой части Выборгского залива на противоположном берегу, на полуострове Лиханиеми (совр. наз. Лоханиеми), «отсутствуют советские части».³⁴ Конкретно было расшифровано донесение командира Выборгского гарнизона, которое было адресовано Военному Совету 23-й армии. В нем указывалось, что «Лиханиеми и побережье... беззащитны» и далее в перехваченном сообщении подчеркивалось: «необходимо совместно с моряками обеспечить оборону».³⁵ Получив такие столь важные и своевременные сведения, командование IV-го корпуса, естественно, незамедлительно этим воспользовалось. Через полуостров Лиханиеми на восточный берег Выборгского залива уже той же ночью устремились части 8-й пехотной дивизии.³⁶

Далее, наращивая давление, 25 августа с захваченного плацдарма наступающие сумели совершить прорыв к железнодорожной станции Сомме (Матросово), перерезав сообщение Выборга с портовым поселком Койвисто (Приморск). Одновременно, части 12-й пехотной дивизии, начавшие свое наступление на Выборг с севера, стали также обходить город. 25 августа они прорвались к железной дороге, связывающей его с Ленинградом, а 27 августа перерезали как железнодорожную магистраль, так и основную шоссеиную дорогу, ведущую к Ленинграду. Таким образом, к этому времени финские войска прервали основные тыловые транспортные коммуникации Выборгской группировки.³⁷ Под определенным контролем обороняющихся теперь оставалась лишь небольшая территория у побережья Выборгского залива. Именно туда, собственно, и устремились для выхода из окружения части 23-й армии, поскольку теперь советское командование отдало общий приказ о сдаче города и общем отходе частей 3-х советских дивизий. Причем этот приказ, так же как и вся другая секретная документация штаба 23-й армии, включающая конкретные планы отхода, опять попала в руки финской разведки. Из этих документов стало предельно понятно, что советское отступление будет четко осуществляться в направлении Койвисто.³⁸

Естественно, здесь разгорелись самые ожесточенные бои. Передавая складывающуюся 29 августа ситуацию восточнее Выборга, на приморском направлении, финская военно-историческая литература указывает, что «бои шли и днем и ночью», а «населенные пункты переходили из рук в руки». ³⁹ В целом, ситуация для советских войск приобретала критический характер. 30 августа финские подразделения смогли окончательно блокировать отдельные части 23-й армии. Оказавшись в окружении противостоять финским частям становилось крайне сложно. Это так же хорошо представляло финское командование из перехваченных финской разведкой радиogramм командира 43-й дивизии генерала В. В. Кирпичникова, который тоже тогда оказался в окружении. В частности, финны четко представляли, что в блокированных частях уже не было ни боеприпасов, ни провизии, ни горючего. ⁴⁰ В конечном итоге, 1–2 сентября под напором финских войск сопротивление обороняющихся было сломлено. В результате в плен попали около 3 тыс. человек, включая командира дивизии. ⁴¹ При этом все же большее количество советских войск из окружения смогло вырваться, и за два дня, 1 и 2 сентября, в весьма сложных условиях, усилиями кораблей Балтийского флота, удалось спасти от уничтожения и плена около 20 тысяч бойцов и командиров 23-й армии, ⁴² которых тогда эвакуировали морским путем из района Койвисто.

В целом, можно говорить о том, что выборгская оборонительная операция, несмотря на очевидное мужество и героизм советских солдат, была обречена на неудачу не только вследствие неверных решений, которые принимались советским командованием, но и благодаря весьма эффективной финской военной разведке. Сведения, которые от нее поступали, являлись по своей сути уникальными, и быстро использовались, прежде всего, для оперативных решений, связанных с определением направлений главных ударов наступающих войск, а также для возможного отражения готовящихся контрдействий противника.

1. *Heinrichs E. Mannerheim Suomen kohtaloissa. Osa II. Suomen marsalkka.* Helsingi–Keuruu, 1959. S. 269.

2. *Seppälä H. Suomi hyökkääjänä 1941.* Porvoo–Helsinki–Juva, 1984. S. 127.

3. *Олейников Г. А. Героические страницы битвы за Ленинград.* СПб., 2000. С. 38.

4. Там же. Это соотношение при этом относилось лишь к полевым частям, не учитывая личный состав частей пограничных войск, советских укрепрайонов, а также подразделений Выборгского сектора береговой обороны КБФ.

5. Там же.

6. Там же. С. 18.

7. *Чуров В. Е. Тайна четырех генералов.* М.–Жуковский, 2005. С. 33.

8. См., например: *Битва за Ленинград. 1941–1944.* М., 1964. С. 80; *Христофоров В. С. Финляндия в плане «Барбаросса»: военное сотрудничество двух стран в 1940–1941 гг. // Великая Отечественная война. 1941 год: Исследования, документы, комментарии.* М., 2011. С. 69.

9. Стык 115-й и 142-й стрелковых дивизий.

10. *Seppälä H. Suomi hyökkääjänä 1941.* S. 127.

11. *Suomen sota 1941–1945. Os. 3. Helsinki,* 1951. S. 185.

12. *Олейников Г. А. Героические страницы битвы за Ленинград.* С. 89.

13. Там же. С. 88; *Seppälä H. Suomi hyökkääjänä 1941.* S. 150.

14. *Олейников Г. А. Героические страницы битвы за Ленинград.* С. 91.

15. См.: *Лайдинен Э. П., Веригин С. Г. Финская разведка против Советской России.* Петрозаводск, 2004. С. 74–125; *Mäkelä J. L. Salaista palapeliä. Tiedustelupalvelua ja tapahtumien talvisodan ja jatkosodan vaiheilta.* Porvoo–Helsinki, 1964. S. 33–68.

16. *Lehtonen L. Radiotiedustelu jatkosodassa // Jatkosodan pikkujättiläinen.* Helsinki, 2006. S. 173; *Лайдинен Э. П., Веригин С. Г. Финская разведка против Советской России.* С. 122.

17. *Лайдинен Э. П., Веригин С. Г. Финская разведка против Советской России.* С. 123.

18. См., например: *Lehtonen L. Ilmavoimien radiotiedustelu jatkosodassa // Sotahistoriallinen Aikakauskirja.* 2008, № 27. S. 137–165.

19. *Лайдинен Э. П., Веригин С. Г. Финская разведка против Советской России.* С. 124. См.: *Lehtonen L. Radiotiedustelu jatkosodassa.* S. 184–185.

20. См.: *Lehtonen L. Radiotiedustelu jatkosodassa.* S. 184–191.

21. См.: *Лайдинен Э. П., Веригин С. Г. Финская разведка против Советской России.* С. 204–205; *Барышников Н. И., Лайдинен Э. П. Избранное. Из истории советско-финляндских отношений.* СПб., 2013. С. 368–369.

22. *Лайдинен Э. П., Веригин С. Г. Финская разведка против Советской России.* С. 209.

23. *Paasonen A. Marsalkan tiedustelupäällikkönä ja hallituksen asiamiehenä.* Helsinki, 1971. S. 150.

24. *Ibid.* S. 150; *Lehtonen L. Radiotiedustelu jatkosodassa.* S. 183.

25. *Lehtonen L. Radiotiedustelu jatkosodassa.* S. 188

26. *Paasonen A. Marsalkan tiedustelupäällikkönä ja hallituksen asiamiehenä.* S. 150.

27. *Ibidem.*

28. См.: *Козуненко Д. А. 1941 год. Хроника боев на Карельском перешейке.* С. 199–319.

29. *Seppälä H. Itsenäisen Suomen puolustuspolitiikka ja strategia.* Porvoo–Helsinki, 1974. S. 220.

30. *Козуненко Д. А. 1941 год. Хроника боев на Карельском перешейке.* С. 249, 272–273, 276 и др.

31. *Suomen sota 1941–1945.* S. 227.

32. Они сражались за Койвисто. СПб., 2008. С. 73.

33. *Suomen sota 1941–1945.* S. 237.

34. *Ibid.* S. 250

35. Цит. по: *Козуненко Д. А. 1941 год. Хроника боев на Карельском перешейке.* С. 252.

36. *Jatkosodan pikkujättiläinen.* S. 240–241.

37. *Antila O. Suomi suursodassa.* Jyväskylä, 1984. S. 129.

38. *Suomen sota 1941–1945.* S. 270, 279; *Козуненко Д. А. 1941 год. Хроника боев на Карельском перешейке.* С. 274–277.

39. *Suomen sota 1941–1945.* S. 284.

40. *Козуненко Д. А. 1941 год. Хроника боев на Карельском перешейке.* С. 297, 303. В районе Выборга, после окончания боевых действий, было похоронено около 7 тыс. советских солдат (См.: *Seppälä H. Taistelu Leningradista ja Suomi.* Porvoo–Helsinki, 1969. S. 135). В самом же окружении, по финским сведениям, погибло 2 тыс. советских солдат (*Suomen sota 1941–1945.* S. 300).

41. *Suomen sota 1941–1945.* S. 302; *Jatkosodan pikkujättiläinen.* S. 244; *Фролов Д. Д. Советско-финский плен 1939–1944. По обе стороны колючей проволоки.* Хельсинки–СПб., 2009. С. 132. Всего в Выборгском сражении финские войска смогли взять в плен около 9 тыс. человек (См.: *Seppälä H. Taistelu Leningradista ja Suomi.* S. 135; *Antila O. Suomi suursodassa.* S. 133.).

42. Российский государственный архив Военно-Морского флота. Ф. р-1534. Оп. 1. д. 66. Л. 25.

**Война в присутствии высоких гостей:
деятельность командующего Выборгским окружным военным
управлением Арно Туурна в 1941–1943 гг.**

15 июля 1941 г. приказом Главной ставки финской армии было образовано «Военное управление присоединенных к государству возвращенных территорий». Согласно этому же приказу, Карельский перешеек был разделен на военные округа.¹ Управление самого крупного и ответственного округа – Выборгского – возглавил капитан Арно Туурна.

В августе Выборг стал одним из основных направлений удара финских войск, продвигавшихся к Ленинграду на Карельском перешейке. 29 августа 1941 г. части IV-го финского армейского корпуса под командованием генерал-лейтенанта К. Л. Эша вошли в город. Через два дня состоялся парад финских войск на Старой Ратушной площади, напротив Выборгского замка. Среди выступавших перед войсками был А. Туурна. С этого дня и до июля 1943 г. Туурна был тем человеком, на которого было возложено управление городом в условиях военного времени. Возглавляемому им Выборгскому окружному военному управлению предстояла трудная работа: восстановление из руин Выборга, 60% жилого фонда которого было разрушено в ходе военных действий,² ремонт коммуникаций, приспособление жилищного фонда для возвращающегося гражданского населения, обеспечение защиты населения от авианалетов, полицейский контроль.

Арно Отто Туннеберг (1894–1976, с 1935 г. – Туурна), родился в 1894 г. в Лохья в семье камерера³ Карла Туннеберга. Активист егерского движения, в 1918 г. Туурна принимал участие в гражданской войне в Финляндии, по окончании которой решил остаться на военной службе, прошел в Выборге курсы офицеров-аспирантов, служил в полку Карельской гвардии, а в 1922 г. окончил Кадетскую школу в Хамине.⁴ В 1924 г. он вышел в отставку в чине капитана, после чего служил исполнительным директором на заводе своего тестя Т. Халленберга. В 1928 г., в результате реформы городского управления, была утверждена должность выборгского градоначальника, и Туурна стал первым (и единственным) финским мэром Выборга.

Назначение А. Туурна на пост командующего Выборгским окружным военным управлением в 1941 г. нельзя назвать случайным. За то предвоенное десятилетие, когда он был мэром Выборга, Туурна многое сделал для укрепления городской экономики, способствовал новому строительству, поощрял деятельность общественных организаций. Городское хозяйство и коммуникации Туурна знал лучше, чем кто бы то ни было. Кроме того, как член всевозможных организаций и союзов, журналист, знаток истории города, Туурна пользовался уважением горожан. Отзывы современников о нем на редкость благожелательны, и едва ли не единственное, что вменялось «в вину» градоначальнику, был его возраст: «Казалось, он был слишком молод для градоначальника, особенно для такого старого города как Выборг».⁵ Но не только опыт Туурна и признание его заслуг стояли за его назначением на должность командующего Выборгским военным округом. Это назначение имело символический смысл, подчеркивая преемственность вновь завоеванного и довоенного Выборга.

За несколько месяцев (с марта 1940 по август 1941 гг.) город сильно изменился. Дело было не только в разрушениях, снятых табличках с названиями улиц и квартирах, в которых сохранились брошенные вещи недавних советских жителей. Суть произошедшей с городом метаморфозы точно охарактеризовал архитектор Ю. Виисте, написавший: «Выборг устал, словно иссякли источники жизненных сил».⁶ Л. Яаскеляйнен, одна из тех, кто приехал в Выборг в начале сентября 1941 г., констатировала: «... это уже не тот Выборг, из которого однажды мы отправились в неизвестность».⁷ Особенно гнетущее впечатление производило почти полное отсутствие в городе гражданского населения.

Уже в первые дни работы в Выборге, 4 сентября, Туурна привозит в город группу специалистов, которые должны были дать свои рекомендации по вопросам, связанным с восстановлением города.⁸ Из числа этих экспертов было сформировано 12 групп: по делам строительства, электроснабжения, водоснабжения, поставок стройматериалов, торговли и промышленности, сельского хозяйства, школ и др. Характерно, что все эти специалисты были бывшими выборжанами и знали городскую специфику по собственному опыту. Так, группу по делам строительства возглавлял выдающийся выборгский архитектор У. Ульберг, группу по вопросам печати – многолетний

редактор главной Выборгской газеты «Карьяла» О. Брюммер, группу по вопросам школ и библиотек – лектор Т. Валтавуо.

В отложившемся в Национальном архиве Финляндии отчете о деятельности Выборгского окружного военного управления содержатся сведения о том, что к концу сентября 1941 г. управление поступило в прямое подчинение IV армейского корпуса. При штабе управления были сформированы подразделения: полиция, отдел по работе с перемещенным населением, отдел коммунального хозяйства, полевой суд и др.⁹

Первые восстановительные работы в Выборге велись на точках водозабора, которые требовалось расчистить и ввести в строй. К началу октября проблема водоснабжения города была решена. Одновременно силами военнопленных велась работа по расчистке и восстановлению железнодорожных путей, и 23 сентября 1941 г. в Выборг прибыл первый поезд. В этот период Туурна постоянно проводит рабочие встречи по вопросам организации восстановительных работ, использованию труда военнопленных, инспектирует работы. Опасения командующего вызывала возможность воздушных налетов советской авиации на Выборг. В городе началось строительство бомбоубежищ, которых к 1943 г. было оборудовано 15, общей вместимостью 6450 человек.¹⁰ С конца 1941 г. в городе действовал комендантский час.¹¹

8 октября 1941 г. Выборг посетили президент Финляндии Р. Рюти, маршал К. Г. Э. Маннергейм, премьер-министр Ю. Рангель, генералы В. Ненонен, К. Л. Эш и А. Айро. А. Туурна провел для гостей экскурсию по городу, уделив внимание уже выполненным работам и планам восстановления города. Осмотрев Выборг, гости высказали мнение, что, «несмотря на разрушения, город готов к возрождению в нем жизни»,¹² после чего Туурна в этот же день отдал распоряжение о подготовке жилого фонда для гражданского населения, которое пожелает вернуться в Выборг. К концу 1941 г. разрешения на возвращение в Выборг получило 5200 чел., из которых 600 были младше 15 лет.¹³ Преимущественное право на возвращение получили инженеры и иные специалисты, которые могли принять участие в восстановлении города.

С возвращением гражданского населения началось постепенное восстановление мирной жизни. В ноябре–декабре в Выборге открылись первые магазины, больницы, ресторан, почтовое отделение,

кинотеатр. В феврале 1942 г. начали работу две народные школы. В городе стали проводиться первые спектакли, был основан мужской хор «Памаус», летом 1942 г. состоялся футбольный матч на центральном городском стадионе. Почти все эти события сопровождались торжественными церемониями, на которых А. Туурна выступал с речью об успехах в восстановлении Выборга, не раз подчеркивая, что «один день сегодня равен десяти другим».¹⁴ И, чем больше было сделано, тем больше становилось тех, кто хотел лично увидеть город, который больше года принадлежал Советскому Союзу, а теперь был вновь завоеван и восстанавливался к прежней жизни. Уже с конца 1941 г. А. Туурна вынужден постоянно принимать делегации, устраивать официальные приемы и встречи с крупными военными чиновниками, иностранными журналистами, сотрудниками министерств, дипломатами, представителями политических партий и общественных организаций. Характерно, что визиты в Выборг носили и представители стран, с которыми Финляндия вела военное сотрудничество (Германии, Японии, Румынии), гости из оккупированной Дании, из нейтральной Швеции, американские журналисты. Командующий Выборгским окружным военным управлением часто сам проводит экскурсии для прибывших делегаций, ориентируясь на их интересы, и всегда в программу этих встреч включает краткий рассказ об истории Выборга и о событиях Зимней войны.

Важно отметить, что А. Туурна во время этих приемов выступает в роли своего рода хранителя предвоенной выборгской истории и культурного наследия города, доставшегося выборжанам от поколений их предков и подвергшегося в военное время опасности уничтожения. Он показывает гостям замок, Круглую башню, здание архива и библиотеки – т.е. те памятники Выборга, которые наиболее полно отражают его историю. Некоторые делегации получили от А. Туурна в подарок фотоальбом с видами предвоенного Выборга, выпущенный в 1940 г.

То, что командующий военного управления так много времени уделял приемам делегаций, говорит о том, что демонстрация успехов в восстановлении города использовалась как элемент пропаганды, показ возможностей финского народа, способного преодолеть травму войны. И не менее характерно, что летом 1943 г., когда наступил перелом в войне, количество иностранных гостей Выборга существенно сократилось. А. Туурна покинул пост командующего

Выборгским окружным военным управлением, и его место занял бывший начальник полицейского отдела управления Э. Кокко.¹⁵

С. Г. Веригин

Советские военнопленные в финских концлагерях на оккупированной территории Медвежьегорского района Карелии в 1941–1944 гг.

1. Ленинградский областной государственный архив в городе Выборге (далее: ЛОГАВ). ф. 69. оп. 1. Д. 43. Лл. 1, 2 об.
2. *Shikalov J., Hämynen T.* Viipurin kadotetut vuodet 1940–1990. Helsinki, 2013. S. 78.
3. Кампер – должностное лицо, ответственное за сбор налогов.
4. *Halila A.* Hallinto ja kunnalliselämä // Viipurin kaupungin historia. Osa V. Lappeenranta, 1978. S. 106.
5. *Jääskeläinen L.* Kevät vanhassa kaupungissa. Helsinki, 1957. S. 98.
6. *Viiste J.* Viihtyisä vanha Viipuri. 3 painos. Porvoo, 1948. S. 162.
7. *Jääskeläinen L.* Vanhan Viipurin hiljaiseloa, kertomuksia 1800-luvun Viipurista. Helsinki, 1941. S. 5, 6.
8. Kansallisarkisto (далее: КА.). Toimintakertomus 21.07.1941 – 01.07.1943; Sota Arkisto (далее: SA). Sotapäiväkirjat. Viipurin sotilashallintopiiri. Esikunta. 1941–1944. T 5868.
9. КА. Toimintakertomus 21.07.1941 – 01.07.1943. SA. Sotapäiväkirjat. Viipurin sotilashallintopiiri. Esikunta. 1941–1944. T 5868.
10. ЛОГАВ. ф. 236. оп. 1. Д. 7. л. 25.
11. *Lappalainen N.* Viipuri toisessa maailmansodassa. Porvoo–Helsinki–Juva: WSOY, 1991. S. 105.
12. КА. Toimintakertomus 21.07.1941 – 01.07.1943; SA. Sotapäiväkirjat. Viipurin sotilashallintopiiri. Esikunta. 1941–1944. T 5868.
13. *Shikalov J., Hämynen T.* Viipurin kadotetut vuodet 1940–1990. Helsinki: Tammi, 2013. S. 80.
14. КА. Toimintakertomus 21.07.1941 – 01.07.1943; SA. Sotapäiväkirjat. Viipurin sotilashallintopiiri. Esikunta. 1941–1944. T 5868.
15. КА. Viipurin sotilashallintopiiri; SA. Esikunta. Sotapäiväkirjat. 25415; <http://digi.narc.fi/digi/view.ka?kuid=3403952>

Одной из наиболее трагических страниц истории Великой Отечественной войны является судьба советских военнопленных, оказавшихся в концентрационных лагерях на оккупированной территории СССР. На оккупированной территории Карелии и в приграничных с ней районах Финляндии также была создана сеть лагерей для советских военнопленных, в которых обращение с заключенными мало чем отличалось от обращения с гражданским населением. К концу 1941 г. таких лагерей насчитывалось 18,¹ а всего за 1941–1944 гг. было создано 35 финских лагерей и рот для советских военнопленных.² Кроме того, к настоящему моменту в архивах удалось обнаружить сведения о 27 немецких лагерях советских военнопленных, которые были созданы в оккупированных районах северной Карелии и на территории Финляндии.

Судьба советских военнопленных, содержащихся в лагерях на оккупированной территории Карелии, в отличие от гражданского населения слабо освещена в отечественной историографии. Перед историками стоит задача на основе анализа документальных источников, многие из которых за последние годы были рассекречены и введены в научный оборот, всесторонне осветить картину финских концлагерей для советских военнопленных на оккупированной территории Карелии в 1941–1944 гг.

Данная проблема состоит из различных аспектов, к одному из которых относится вопрос о положении и судьбе советских военнопленных в финских концлагерях на территории оккупированного Медвежьегорского района республики в период Великой Отечественной войны. Прежде всего, необходимо выяснить: сколько всего финских лагерей для советских военнопленных находилось на территории оккупированного Медвежьегорского района в 1941–1944 гг. и какова была в них численность военнопленных. По архивным документам из фондов Центрального архива ФСБ РФ (далее – ЦА ФСБ РФ), которые сравнительно недавно были рассекречены и стали доступны исследователям, следует, что всего существовало 6 концлагерей: четыре в городе Медвежьегорске (лагеря № 31, № 74

и № 1343, который назывался распределительным лагерем при роте финской полиции), а также лагерь Пристань-ветка, и два – в Медвежьегорском районе (финский лагерь военнопленных № 71 – 2-я Кумса и лагерь военнопленных № 73 в д. Чебино).³

Финские лагеря для военнопленных были крупнее, чем немецкие. Во многих из них численность заключенных превышала тысячу человек. Характерно, что многие лагеря для советских военнопленных финны организовывали на месте существовавших до войны лагерей НКВД, которых на территории Карелии, особенно в зоне ББК, насчитывалось довольно много. Так, лагерь № 74 с количеством 240–260 чел., организованный в феврале 1942 г., располагался на территории бывшего лагеря ББК в северо-восточной части г. Медвежьегорска с правой стороны шоссе на Пиндуши. В одной зоне с лагерем № 74 находился лагерь № 31, в котором летом 1943 г. содержалось более 200 военнопленных.⁴

Все лагеря военнопленных на территории Медвежьегорского района охранялись солдатами из батальона охраны Медвежьегорского гарнизона. Для охраны выделяли солдат преклонного возраста и инвалидов, вооруженных винтовками и пистолет-пулеметами «Суоми». На ночь, как правило, охрана усиливалась, а сами бараки закрывались: вход и выход был запрещен.⁵ Заключенные концлагерей на территории оккупированного Медвежьегорского района использовались на различных работах: заготовке леса, обжиге угля для газогенераторов, сельскохозяйственных и других работах.

Во всех лагерях военнопленных (кроме, временно, лагеря Пристань-ветка) существовал суровый лагерный режим. За малейшее его нарушение выносились суровые наказания: «мордобитие», битье палками и розгами, посадка в карцер или изолятор, вплоть до расстрела. Расстреливали обессиливших военнопленных при конвоировании или на месте работы. За попытки к бегству полагался расстрел перед строем.⁶

Рабочий день устанавливался в 10 часов: с 6.00 до 11.00 и с 12.00 до 17.00. Часто военнопленные работали и после ужина по 2–3 часа. Тяжелая работа сочеталась со скудным питанием. На сутки пленному в лагерях № 74 и № 31 было положено: на завтрак – 1 литр кипятка, 10–15 гр. сахара, хлеба 175 гр. и столько же сухарей; обед – 1 литр жидкого супа из крупы или картофеля с кониной и 175 гр. хлеба; ужин – 1 литр баланды из муки.⁷

В лагерях советских военнопленных в период финской оккупации следует выделить и факты коллаборационизма. Кроме финской охраны лагерей наблюдение за выполнением лагерного режима вели финские ставленники из самих военнопленных: старшины, переводчики, полицейские и др. Из числа военнопленных выделялись и специальные палачи, которые приводили телесные наказания в исполнение. Коллаборационисты из числа военнопленных питались хорошо, так как получали паек с финской кухни.⁸

Отличительной чертой финских лагерей для советских военнопленных было то, что военнопленные родственные финнам национальностей – карелы, вепсы, ингерманландцы, размещались отдельно от русских и других славянских народов. Они носили на рукаве белую повязку с надписью «Heimokansalainen», находились в более лучших бараках и питание у них также было лучше, чем у русских военнопленных.⁹ Так, карелы и родственные им национальности в отличие от других военнопленных ежедневно дополнительно получали по 20 гр. масла и 3 сигареты. Работу им давали более легкую и чистую.¹⁰

Все военнопленные имели личные номера, на которых был выбит номер лагеря и личный номер из жести круглой и прямоугольной формы с буквами «RE». Кроме того, на спине гимнастерки у каждого пленного была буква «V» (начальная буква слова «Ванки» – пленный) и белые полосы поперек карманов и на брюках по бокам. Этих знаков не имели только военнопленные финской и карельской национальности.

Тяжелые условия проживания, скудное питание, болезни, издевательства охраны лагерей приводили к высокой смертности в финских лагерях для советских военнопленных. Факты высокой смертности признают и финляндские исследователи. Так, Ю. Куломаа пишет: «В общей сложности за время оккупации в Янислинне (Петрозаводске. – С. В.) умер примерно каждый двадцатый из свободно проживавших жителей и примерно каждый пятый из находившихся в лагерях. Следует упомянуть, что в финских лагерях для военнопленных смертность в период с 1941 по 1944 г. поднялась еще выше, составив почти треть от общего числа военнопленных».¹¹

Х. Сеппяля в книге «Финляндия как оккупант в 1941–1944 годах» отмечает: «Всего финнами было взято в плен 64 188 человек, а после войны вернули лишь 42 412. По сведениям военной статистики,

в лагерях для военнопленных умерло 18 318 советских людей. Писатель Эйно Пиэтола опубликовал в 1987 г. труд «Военнопленные в Финляндии, 1941–1944», в котором он на конкретных примерах показывает, как обращались с военнопленными. В своем исследовании Пиэтола говорит о 18 700 погибших военнопленных». ¹² Это число, вероятно, точнее ранее названного, поскольку основано оно на следственных документах.

Высокая смертность была характерна и для финских концлагерей советских военнопленных на территории города Медвежьегорска и Медвежьегорского района в период финской оккупации. Это подтверждают и допросы военнопленных Медвежьегорского района – агентов финской разведки, арестованных советскими сотрудниками УКР «Смерш» Карельского фронта летом 1943 г. – весной 1944 г. Согласно «Справке по финскому распределительному лагерю советских военнопленных № 1343 при роте финской военной полиции г. Медвежьегорска» от 31 января 1944 г., подготовленной сотрудниками УКР «Смерш» Карельского фронта на основе допросов военнопленных, следует, что с начала войны и до конца 1943 г. в этом лагере было много расстрелов. В период 1942–1943 гг. было расстреляно 17 советских разведчиков и 20 человек осуждено к пожизненному тюремному заключению. ¹³ Анализ архивных документов показывает, что расстрелять военнопленных могли не только за совершение побега из лагеря, но и за малейшее нарушение существующего лагерного режима и даже без всякого повода.

До последнего времени не установлены места захоронений сотен погибших от расстрелов, побоев и голода советских военнопленных финских концлагерей Медвежьегорска и Медвежьегорского района. Выскажем свою версию. Документально известно, что финны для создания и функционирования концлагерей для военнопленных в Медвежьегорском районе в 1941–1944 гг. использовали уже имеющуюся здесь структуру – лагерей ББК. Вполне вероятно им были известны и места захоронений советских заключенных ББК – лесное урочище Сандормох. Поэтому, естественно, что советских военнопленных, погибших в финских концлагерях, могли хоронить в расстрельных ямах Сандормоха.

Еще один не исследованный до сих пор вопрос – это вопрос о том, кто строил мощные оборонительные укрепления в Медвежьегорске в период оккупации. Медвежьегорск был взят фински-

ми войсками в декабре 1941 г., после чего финское военное командование приняло решение о создании в городе мощного укрепрайона. С конца 1941 – до лета 1944 гг. все господствующие высоты вокруг города – с трех сторон – были превращены в опорные пункты. Комплексные сооружения вырублены в скалах и тщательно замаскированы. Финны проделали титаническую работу, привлекая в качестве рабочей силы, на наш взгляд, и военнопленных из концлагерей, которых было достаточно на территории оккупированного района.

Правда, финские исследователи отрицают факт привлечения советских военнопленных к работам по сооружению Медвежьегорского укрепрайона, ссылаясь на необходимость сохранения секретности данного объекта в военный период. Однако объем выполненной работы позволяет усомниться в том, что только силами финских рабочих и специалистов в столь короткий период можно было создать это грандиозное сооружение. К сожалению, в документах пока не удалось обнаружить ответ на этот вопрос. Но вполне возможно, что советские военнопленные, погибшие на тяжелых работах по сооружению Медвежьегорского укрепрайона в период финской оккупации, также захоронены в местечке Сандормох.

-
1. Чумаков Г. В. За колючей проволокой // Отечественная история. 2006. № 4. С. 81–82.
 2. См.: Веригин С. Г. Карелия в годы военных испытаний. Политическое и социально-экономическое положение Советской Карелии в период Второй мировой войны. 1939–1945. Петрозаводск, 2009.
 3. Центральный архив Федеральной службы безопасности Российской Федерации (далее – ЦА ФСБ РФ). Ф. 4. Оп. 2. Д. 346. Л. 69.
 4. Там же. Л. 72.
 5. Там же. Л. 72, 73.
 6. Там же. Л. 74.
 7. Там же.
 8. Там же.
 9. Там же. Л. 73.
 10. Там же. Л. 74, 92.
 11. Куломаа Ю. Финская оккупация Петрозаводска, 1941–1944. Петрозаводск, 2006. С. 76.
 12. Сеппяля Х. Финляндия как оккупант в 1941–1944 годах // Север. 1995. № 4–5. С. 113.
 13. Там же. Л. 215.

**Личность Видкуна Квислинга
в контексте борьбы в оккупированной Норвегии.**

Роль психологического портрета в его деятельности и политике

Оккупационный режим В. Квислинга – это безусловно важная и, пожалуй, одна из самых трагичных страниц в истории Норвегии XX в. Как и в других странах, оказавшихся под властью Германии, события, произошедшие в период Второй мировой войны, подверглись тщательному анализу историков и политиков. Довольно большое количество русскоязычных книг, ранее написанных на эту тему, подробно освещают движение Сопротивления, внешнюю и внутреннюю политику оккупантов, однако совсем фрагментарно (в отличие от зарубежной литературы) касаются самого главного участника действий, вошедшего в историю под клеймом предателя и ставшего одним из самых отрицательных символов в норвежской истории. И сейчас, в условиях появления и развития новой волны национал-социалистической идеологии в Скандинавии (Северное движение сопротивления), изучение личности В. Квислинга в момент нахождения у власти, его политики и идей являются действительно актуальными и существенными для понимания обстановки тех времен. В результате весьма важно не просто рассмотреть деятельность В. Квислинга, но и увидеть реакцию на нее общества.

Прежде всего важно учитывать, что партия «Национальное Единение»¹ и В. Квислинг, как ее лидер, никогда не пользовались популярностью среди норвежского общества и не набирали больше 27 тысяч голосов избирателей, оставаясь без мандатов в норвежский парламент.² Именно этим обуславливается тот факт, что Квислинг был назначен министром-президентом лишь только в 1942 г. Как выяснилось уже позднее, после первого его визита в Германию 11–18 февраля, союзники Квислинга в такой же мере, что и народ, не сочувствовали его идеям. На встрече никаких реалий положения в стране обсуждено не было. Произошел лишь формальный обмен мнениями о правительстве и обсуждение вступления Норвегии в т.н. «Большой Германский Рейх», речь о котором велась уже не первый год.³ И так происходило из раза в раз, когда В. Квислинг приезжал в Германию с попыткой добиться изменения положения своей

страны. Йозеф Геббельс, встретивший норвежского министра-президента, позже, на торжественном приеме, писал о нем в своем дневнике: «Я не чувствую особой симпатии к нему. Он догматик и теоретик, и вряд ли когда-нибудь станет великим политиком».⁴

В сущности, ждать от А. Гитлера норвежской автономии, стремясь построить новую сильную страну с традициями и устройством Третьего рейха, было не совсем разумно. Как и в принципе нацеливаться на такую глобальную вещь и не обращать внимания на возникавшие по всей стране насущные проблемы, усугубленные учреждением таких организаций, как: норвежское СС, молодежная лига Национального единения и специальные ассоциации для учителей.

Попытка В. Квислинга поставить под контроль все сферы общества возмущала население страны. Первыми восстали учителя, выразившие недовольство по поводу закона об обязательном вступлении детей в молодежную лигу. За ними последовала церковь, недовольная тем же законом.⁵ Конфликты улаживались довольно просто: самая радикальная часть восставших преподавателей была арестована, а священнослужители были просто освобождены от своих обязанностей.⁶ В этих условиях еще с 1941 г. продолжали формироваться группы движения Сопротивления. Но они так и не объединились в общий поток.

Тем не менее, вести собственную политику В. Квислинг прежде всего не мог из-за вмешательства гитлеровского командования, которое боялось разрастания Сопротивления. Более того, за первые три месяца нахождения у власти министр-президент ухитрился, фактически, настроить против себя половину страны, а за следующие два года – уже всех остальных. Это все не кажется удивительным. Слепленный идеей великой Норвегии, он просто забывал про качество и комфорт жизни обычных людей, загоняя их в шаблоны, созданные в Германии. Все это имело свои последствия, и уже в сентябре 1942 г. Квислинг потерял расположение своего фюрера, который направил ему письмо, где потребовал, чтобы все письма проходили через немецкого рейхкомиссара в Норвегии Й. Тербовена.⁷

С другой стороны, как ни странно, на протяжении почти всего времени нахождения у власти В. Квислинг отличался от своих иностранных коллег одним очень интересным качеством – он никогда не переставал верить, что сумеет привести Норвегию к светлому будущему. Еще с детства его преследовала уверенность, что он был

рожден для управления своей страной, и судьбой ему предназначено привести скандинавское общество к лучшему миру. Несмотря на это, неудачи преследовали министра-президента в любом новом его начинании. С каждым днем ситуация все больше накалялась. Увеличивалось количество арестов и расстрелов, а в партии наблюдался полный хаос. Более того, в некоторых областях Норвегии было введено чрезвычайное положение. В 1943 г. провалилась первая трудовая кампания, больше двух третей призывников сбежало/не явилось/или заполнило неверно данные.⁸ Военные мобилизации, проведенные позже, также не принесли никаких результатов. Постепенно пришлось закрывать весьма авторитетные учреждения, такие как, например, университет Осло, считавшийся «рассадником» антиправительственной деятельности.⁹ А разрозненное движение Сопротивления постоянно «действовало на нервы», взрывая железные дороги, которые, в условиях геологических особенностей Норвегии, было довольно тяжело восстанавливать.

Ближе к завершению войны, однако, В. Квислинг никоим образом уже не показывал своего волнения. Он так же продолжал писать А. Гитлеру просьбы сделать Норвегию автономной, так же пытался добиться аудиенции. Изменилось только одно – он начал проводить более-менее ярко выраженную социальную политику. Была расширена медицинская страховка для людей пенсионного возраста, предоставлялись особые условия страхования по болезни людей, отправившихся на фронт или исполнявших гражданскую службу.¹⁰ С января 1945 г. было введено детское пособие. Значительной переработке подверглось трудовое законодательство. Однако в социальной политике Квислинга осуществлялись и довольно своеобразные реформы, которые можно квалифицировать как расистские. Например, тогда были учреждены особые трудовые лагеря для бездомных и бродяг цыганского происхождения. Более того, тогда уже заходила речь о таких радикальных методах расовой политики, как попытки с помощью стерилизации добиться сохранения «чистого скандинавского» генофонда.

В последние дни существования режима, когда сопротивление оккупации приняло уже широкие масштабы,¹¹ В. Квислинг думал лишь только о том, как бы ему спасти Норвегию от гражданской войны, которая, по его мнению, вот-вот должна была неминуемо разразиться.¹² Тогда он очень много занимался теологией и не раз

заявлял о своем желании уйти в отставку и устроиться пастором в дальнюю провинцию Норвегии.¹³

После падения немецкого правительства партия Национальное единение почти сразу капитулировала, а немецкий ставленник в Норвегии Йозеф Тербовен совершил суицид. В. Квислинг же признал вину и покорно сдался вместе со всем министерским составом. Однако последующие многочисленные допросы показали, что он продолжал расценивать свои действия как «правильные» и «молил», чтобы больше молодых норвежских людей рождались с такими же убеждениями и амбициями, как у него, и не были бы посажены в тюрьму.¹⁴ Не раз в своих защитных речах он клялся в полной отдаче в борьбе за свой народ и рассказывал о невероятных усилиях, потребовавшихся для этого.

Психотерапевты, работавшие с Квислингом, проведя анализы и эксперименты, единогласно пришли, тем не менее, к выводу, что он страдал параноидальной социопатией – сильнейшим расстройством личности, характеризующимся неспособностью поддерживать нормальные отношения с людьми и частыми вспышками агрессии. Причем жена бывшего министра-президента, Мария Квислинг, подавала даже апелляцию в суд, требуя пересмотра судебного дела, основывая это прошение на душевном состоянии ее мужа. Однако эта бумага была отклонена.¹⁵ 24 октября 1945 г. Видкун Квислинг, ждавший долгое время оглашения приговора, был казнен по обвинению в государственной измене.¹⁶

Тем не менее, десять лет спустя после вынесенного судом приговора было доказано, что он никогда не играл той роли, какой ему приписали в планах гитлеровского командования по захвату Норвегии.¹⁷ Дальнейшие расследования показали, что на защите он не действовал с «мстительностью и злобой», а просто пытался выстроить в своей речи ту систему доказательств, которую себе лично представлял. До сих пор среди специалистов в области психиатрии ведутся споры, было ли правильно со стороны суда объявлять смертный приговор человеку, имевшему наследственное психическое расстройство.

В результате, можно говорить, что до сих пор достаточно сложно оценить политику В. Квислинга и вообще оценивать его как политика. Один английский исследователь назвал его «политическим феноменом»,¹⁸ что, как видно, лучше всего характеризует его

противоречивую натуру. С другой стороны, некоторые вообще считают, что он был «хорошим человеком» и лишь был втянут в «плохую политику». Но реально до сих пор большинство все же его осуждает или предпочитает вообще не вспоминать В. Квислинга.¹⁹ В целом, его «яркие» идеализированные идеи никогда не воплотились в жизнь, да и в тех немногих, которые все же реализовывались, откровенно не было ничего новаторского. Видкун Квислинг покинул этот мир, оставив после себя свою фамилию, которая в английском и норвежском языках спустя много лет так и осталась эквивалентом слова «предатель».

1. Национальное единение (Nasional Samling) – национал-социалистическая партия Норвегии, созданная в 1933 г. В. Квислингом.
2. *Veimo M. Verdal: Utgitt av motstandsgruppen 1940–1945.* Verdal, 1987. P. 176.
3. Documents on German Foreign Policy. Series D. V. XI. Washington, 1961. P. 398.
4. *Lochner L. P. The Goebbels diaries 1942–1943,* Goebbels J. New York, 1948. P. 68.
5. *Warbey W. Look to Norway.* London, 1945. P. 171.
6. *The Living Church.* 1942. № 5. 02, 08. P. 5.
7. *Dahl H. F. Quisling – en norsk tragedie.* Oslo, 2012. P. 400.
8. *Носков А. М. Норвегия во второй мировой войне 1940–1945.* М., 1973. С. 206.
9. Там же. С. 198.
10. *NS-administrasjonen 1940–1945, Protokoll.* Oslo, 1943. P. 499.
11. *Foreign relations of the United States diplomatic papers,* 1945. Europe. Vol. V. Washington, 1968. P. 65.
12. *Larsen K. A history of Norway.* Princeton, 1948. P. 563.
13. *Hayes P. M. Quisling's Political ideas.* Journal of Contemporary History, Vol. 1 №1, 1966. P. 153.
14. *Kaplan R. M. Norwegian psychiatry and the trial of Vidkun Quisling.* Nord J Psychiatry Vol. 66 № 3, 2012. P. 157–158.
15. *Gjøvik O. J. Hird Utdannelsen under okkupasjonen Intensjon og praksis.* Myggveien, 1988. P. 79.
16. *Kaplan R. M. Norwegian psychiatry and the trial of Vidkun Quisling.* P. 156.
17. *Dahl H. F. Quisling: A Study in Treachery.* Cambridge, 1999. P. 410.
18. *Hayes P. M. Quisling. The Career and Political Ideas of Vidkun Quisling 1887–1945.* Bloomington, 1972. P. 183.
19. *Andenaes J., Riste O., Skodvin M. Norway and the Second World War.* Oslo, 1983. P. 91.

Д. А. Гуляев

Советская дипломатия и деятельность Коминтерна в Швеции в контексте борьбы коалиции Союзников и Германии за влияние в Северной Европе 1939–1943 гг.

С 1939 по 1943 гг. взаимоотношения Швеции и СССР неоднократно претерпевали значительные изменения. В первый период Второй мировой войны они были скорее натянутыми, однако уже после победы РККА в битве под Москвой достаточно явно обозначились тенденции к сближению Швеции и Советского Союза. Очевидно, что и взаимное восприятие двух этих стран также подвергалось динамическим изменениям, на что оказывало влияние большое количество различных факторов.

Летом и в начале осени 1939 г. Москва рассматривала Швецию в основном как потенциального союзника Финляндии в случае ее конфликта с Советским Союзом. СССР достаточно ясно представлял, что в условиях ведения полномасштабной войны на море, шведский флот сможет оказать серьезное сопротивление силам КБФ. В этой гипотетической ситуации советским командованием предусматривалась операция по занятию Аландского архипелага,¹ с целью перерезать основной коридор снабжения между Швецией и Финляндией. Москва также осознавала, что зависящее от импорта угля и топлива шведское государство может стать плацдармом для распространения немецкого или британского влияния в Скандинавии. Иными словами, в первые месяцы Второй мировой войны Советский Союз воспринимал шведское государство как возможного противника в прогнозируемых потенциальных конфликтах с Финляндией, а также Британией и Францией.² Стокгольм, в свою очередь, был взволнован подобной позицией Москвы и стремился избежать возможной конфронтации с СССР. Правительства обеих стран, несмотря на разногласия, все же рассматривали сохранение Швецией нейтрального положения как наиболее приемлемый вариант развития событий.

Тем не менее, ситуация изменилась с началом «зимней войны». Шведский народ и правительство расценивали начавшуюся войну, как неприкрытую агрессию СССР против Финляндии. Взаимоотношения Стокгольма и Москвы осложнились также активизацией в Скандинавии влияния западных союзников под главенством

Великобритании. Лондон был настроен решительно и зимой 1939–1940 гг. неоднократно демонстрировал намерение заставить выступить Швецию на стороне Финляндии в войне против СССР. Это позволило бы сформировать западным союзникам на территории Скандинавии плацдарм для нанесения ударов по Германии и Советскому Союзу. В подобных условиях Москва была вынуждена усилить дипломатическое давление на Стокгольм, с целью убедить Швецию сохранять нейтральный статус. В этом деле полпредству должен был косвенно помочь Коммунистический Интернационал. Однако влияние просоветских кругов в Швеции было серьезно подорвано, так же как и коммунистов в целом. И, тем не менее, СССР сохранял возможность использовать определенные ресурсы Коминтерна в Швеции, поскольку в Москву по данному каналу продолжали поступать общие информационные сводки, а также обзоры прессы и анализ текущей внутривосточной ситуации в данной стране.³ Это обеспечивало советскую дипломатию важными сведениями, позволяющими более тщательно планировать в отношении Швеции определенные внешнеполитические инициативы. Подобная осведомленность Москвы о положении непосредственно внутри шведского общества и правительства обеспечила зимой 1939–1940 гг. успех действий полпредства в дипломатической борьбе против нарастающего влияния Великобритании. В феврале СССР выступил с открытым заявлением о том, что Москва не собирается вступать в вооруженный конфликт с шведским государством и не имеет планов по нападению на него.⁴ Стокгольм получил формальный повод для демонстрации своего желания не принимать непосредственное участия в «зимней войне». Тем не менее, к весне 1940 г. отношения между СССР и Швецией в результате возникшего кризиса, связанного с этой войной, серьезно ухудшились. Советский Союз большинством шведов воспринимался исключительно в негативном свете, а определенные просоветски настроенные круги внутри шведского общества подвергались откровенному преследованию.

Весной 1940 г. в Скандинавии разворачивается крупномасштабная борьба Германии и западных союзников. Третий рейх стал серьезно опасаться возможного втягивания скандинавских стран в сферу влияния Великобритании и Франции. Берлин расценивал активизацию действий западных союзников в Северной Европе

как прямую угрозу немецким стратегическим интересам. Особенно Германию беспокоила перспектива дальнейшего сохранения из Швеции поставок высококачественной железной руды. После развернувшегося в апреле вторжения немецких вооруженных сил в Данию и Норвегию, СССР по-прежнему рекомендовал шведскому государству неукоснительно соблюдать нейтралитет. Коммунистическая же партия Швеции начала готовиться к деятельности в условиях подполья.⁵

В целом, после оккупации германскими войсками Дании и Норвегии, отношения между Москвой и Стокгольмом немного улучшаются. Во многом это было вызвано нарушением немцами традиционных торговых связей Швеции со странами Запада. В новых условиях усилившейся ресурсной зависимости от Германии, Стокгольм вынужден был пойти на некоторое сближение с СССР. Тем не менее, стратегическая инициатива в Скандинавии перешла к Третьему рейху. Период с середины 1940 г. по 22 июня 1941 г. был достаточно стабильным во взаимоотношениях Москвы и Стокгольма. Швеция и СССР на тот момент не имели серьезных разногласий. Несколько осложнило взаимоотношения между двумя этими странами лишь включение в состав Советского Союза Эстонии, Латвии и Литвы, где, к тому же, на тот момент проживало некоторое число этнических шведов и шведоязычных граждан.

1941 г. ознаменовал совершенно новый период для взаимоотношений между СССР и Швецией. Вторжение нацистских войск на территорию Советского Союза консервативная шведская пресса оценивала в целом положительно. Это было вызвано солидным давлением на Швецию со стороны Германии. Шведские СМИ просто не имели возможности высказывать подлинно свою точку зрения на развязанную гитлеровцами войну, поскольку это противоречило тогдашнему внешнеполитическому курсу страны. Обычные же шведы восприняли акт агрессии против Советского Союза негативно. СССР, в свою очередь, еще в первые месяцы 1941 г. постепенно восстанавливавший влияние в рядах шведских коммунистов,⁶ осознавал в достаточной мере высокую степень зависимости шведской экономики от немецких ресурсных поставок. Москва по-прежнему была нацелена на сохранение Швецией нейтрального положения, отчасти потому что эта страна стала бы удобным плацдармом для сбора информации о Германии.

СССР поставил своей задачей проведение активной пропагандистской кампании в шведском обществе. Эту программу должно было осуществлять советское полпредство во главе с А. М. Коллонтай, при косвенном содействии данной работы со стороны шведских коммунистов. Исполнительный комитет Коминтерна призвал тогда к всеобщему межклассовому компромиссу. В документах ИККИ говорилось: «Мы не будем на этом этапе призывать ни к свержению капитализма в отдельных странах, ни к мировой революции. Речь теперь идет в отдельных странах о борьбе против режима порабощения оккупантами, о борьбе за национальную свободу. В этой борьбе мы не должны отталкивать ту часть мелкой буржуазии, интеллигенции и крестьянства, которые честно стоят за национально-освободительное движение. Наоборот, нужно завоевать их в качестве союзников и коммунистам стоит включиться в это движение в качестве руководящего элемента».⁷ В этих условиях Советский Союз постарался особо «не заметить» решение риксдага от 25 июня 1941 г. – о разрешении транзита вооруженных сил Германии и боеприпасов через территории Швеции. Москва, безусловно, выказывала некоторое недовольство, однако стремилась не допустить ухудшения отношений со Стокгольмом.

О действительно значимом сближении Швеции и СССР можно однако говорить лишь в начале 1942 г. Это было связано как с нанесением поражения силам Вермахта под Москвой, так и со вступлением США в войну на стороне формирующейся Антигитлеровской коалиции. В 1942–1943 гг. советская дипломатическая, агитационная и разведывательная деятельность в Швеции несколько активизируется. 16 апреля 1942 г. А. М. Коллонтай писала по поводу организованного по ее инициативе пропагандистского информационного бюллетеня следующее: «Наш бюллетень имеет огромный успех, расходуется и количестве 10 (десяти) тысяч экземпляров в день. Шлют запросы на него со всех концов Швеции, и даже попы просили прислать им бюллетень (на шведском языке), благословляя Красную Армию за то, что она спасает мир от фашизма».⁸

Следует отметить, что, несмотря на следование в фарватере германской политики, Швеция не была всецело на стороне рейха. Шведское государство было вынуждено занять прогерманские позиции для того, чтобы огородить свою страну от войны. Поэтому значительные стратегические сдвиги в сторону Антигитлеровс-

кой коалиции вызывали в шведском обществе резонанс и негласное одобрение.

С осени 1942 г. Коммунистическая партия Швеции собирает сведения о положении внутри своей страны и организывает информационную пересылку этих данных в Москву. Получаемая Советским Союзом информация позволяла объективно подойти к решению внешнеполитических вопросов в Скандинавии и, в конечном итоге, косвенно обеспечила успех дипломатической кампании СССР 1943–1944 гг. по выведению из войны Финляндии. Великобритания и США также оказывали в эти годы значительное воздействие на Швецию, пытаясь решить ресурсный вопрос последней и нивелировать, таким образом, ее зависимость от немецких поставок угля и топлива. Тем не менее, Вашингтон и Лондон, имевшие ряд разногласий по вопросу о дальнейших действиях в североевропейском регионе,⁹ не сумели обеспечить в полной мере ресурсную независимость шведского государства. В целом, США и Великобритания также оказали значимое влияние на политику Швеции. Тем не менее, наибольшую роль в переориентации курса Стокгольма в сторону стран Антигитлеровской коалиции сыграли непосредственные военные победы над силами нацистской Германии, в особенности – победы Советского Союза.

1. Кен О., Рупасов А., Самуэльсон Л. Швеция в политике Москвы 1930–1950-е гг. М., 2005. С. 270–271.

2. Документы внешней политики СССР. Т. 22, кн. 2. М., 1992. С. 181.

3. Российский государственный архив социально политической истории (далее: РГАСПИ). Ф. 495. Оп. 15. Д. 195. Л. 1. Доклады о положении в компартии Швеции, в стране и другие.

4. Документы внешней политики СССР. Т. 23, кн. 1. М., 1995. С. 101.

5. РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 15. Д. 195. Л. 11 // Доклады о положении в компартии Швеции, в стране и другие.

6. Коминтерн и Вторая мировая война. Ч. II: после 22 июня 1941 г. М., 1998. С. 171.

7. Там же. С. 95.

8. Александров-Агентов А. М. От Коллонтай до Горбачева: Воспоминания дипломата, советника А. А. Громыко, помощника Л. И. Брежнева, Ю. В. Андропова, К. У. Черненко и М. С. Горбачева. М., 1994. С. 29.

9. Montgomery V. The dynamics of British policy towards Sweden, 1942–1945. London, 1985. P. 77–78.

А. Линдгрэн и вторжение Германии в Скандинавию

В конце марта 1940 г. над Скандинавским полуостровом собирались «грозовые тучи мировой войны». Противоборство Англии и Франции с Германией ставило под угрозу нейтралитет скандинавских стран, в частности Швеции. Безусловно, большое значение в освещении данных событий представляют документальные источники. Вместе с тем, для лучшего понимания проблематики темы важно привлечение источников личного происхождения. В частности, в данной работе для анализа были выбраны дневники современника событий, шведской писательницы А. Линдгрэн.

9 апреля 1940 г. угроза обрушилась на Скандинавию вторжением германской армии на территорию Норвегии и Дании.¹ Как пишет А. Линдгрэн, в этот день Швеция еще никогда не была так далека от мира, когда датские власти сдались без сопротивления, а Норвегия была в состоянии войны с Германией. При этом отмечается, что норвежское население сопротивлялось до последнего.² Как подчеркивает исследователь П. А. Левайн, в этот день Швеция столкнулась с тяжелым испытанием, связанным не только с оккупацией соседних стран, с которыми у Швеции были издавна важные политические и культурные связи, и с возможной оккупацией самой Швеции, сколько с осознанием неизбежного ослабления независимости и нейтралитета и лавирования между Великими державами.³

В дневниках также указывается предлог захвата Германией скандинавских соседей Швеции – «вооруженная защита нейтралитета»,⁴ о чем было сказано шведскому руководству в первые дни проводимой кампании.⁵ Безусловно, для населения Швеции было очевидно, что данные действия германской стороны было задолго спланированы.⁶

Несомненно, действия Германии в Скандинавии не могли не волновать Швецию. Общее беспокойство шведов отмечает А. Линдгрэн, говоря «мы ждем всеобщей мобилизации, и это ведь только вопрос времени, когда немцы «защитят» и наш нейтралитет».⁷ Это подтверждается и в воспоминаниях шведского публициста А. Рундберга, отмечавшего ожидание шведским населением повторения датских и норвежских событий в Швеции,⁸ а также работавшего в то время

в Швеции советского журналиста Д. Ф. Краминова.⁹ Отметим, что шведское правительство, почувствовав угрозу со стороны Германии, стало предпринимать меры по проведению всеобщей мобилизации сразу же после событий 9 апреля 1940 г. Мобилизуемые получали персональные повестки, вместо слова «мобилизация» применялся термин «организация». Как подчеркивает шведский политик и историк В. Карлгрэн, кампания по проведению всеобщей мобилизации официально объяснялась как «состояние повышенной готовности». 9 апреля около 85 тысяч мужчин были призваны по мобилизации, а уже неделю спустя их было свыше 320 тысяч человек.¹⁰

12 апреля в дневнике шведской писательницы отмечен как день, который был полон «тревоги и печали». Среди населения ходили разные слухи, в частности о том, что «Швеция позволила Германии захватить ее соседей».¹¹ Вероятно, данные заявления не были без доли истины. Как известно, германское правительство в тот момент потребовало от Швеции соблюдать строжайший нейтралитет, воздержаться от любых действий, направленных против немецких действий в отношении Норвегии и Дании, в особенности от мобилизации и переброски войск; временно оставить свой военный флот в пределах шведских территориальных вод (признаваемой Германией трехмильной зоны);¹² обеспечить сохранение телефонной и телеграфной связи между рейхом и Норвегией через Швецию; продолжать поставки руды в Германию, не допуская актов саботажа, «вдохновляемых Англией».¹³ В свою очередь, в ответе германскому руководству было подчеркнуто желание шведской стороны воздержаться от действий, перечисленных в германской ноте, во избежание конфликта с рейхом¹⁴. Однако устно было сказано, что шведская военная подготовка может быть усилена, но данные действия не будут направлены против Германии.¹⁵ Таким образом, последовал первый нажим на Швецию со стороны Германии.

Кроме того, германское правительство выступало против возможного использования шведского нейтралитета норвежским правительством.¹⁶ В частности, через шведского посла в Берлине А. Ричерта был направлен запрет на возможное выступление председателя норвежского стортинга К. Хамбро на шведском радио. В результате чего данное выступление было запрещено шведским правительством. Помимо этого, когда министр иностранных дел Норвегии Х. Кут попросил гарантии возвращения в Норвегию

короля Хакона и принца Олафа после пересечения ими границы Швеции, таких гарантий шведская сторона не предоставила.¹⁷

Как мы видим, Швеция не стремилась предоставить помощь своему северному соседу. Прохладу в отношении к Норвегии можно проследить и в дневниках шведской писательницы. В частности, она пишет, что «немецкий сюрприз в Норвегии удался благодаря государственной измене. Норвежские нацисты предали свою страну. Король Хакон скрылся».¹⁸

Возвращаясь к дальнейшим событиям, происходящим в регионе, А. Линдгрэн подчеркивает, что север Норвегии остается свободным. Войскам Союзников удается удерживать Нарвик.¹⁹ Действительно, в это время германская сторона терпела определенные неудачи.²⁰ В рассматриваемый период в Норвегии происходили ожесточенные бои, огромные территории были опустошены. Южная часть страны была в руках немцев и ее положение было ужасным. В Берлине существовал мощный рычаг давления – «защита от нападения войск Союзников».²¹ Как известно, еще во время пребывания 15–16 апреля 1940 г. шведской делегации во главе с прогермански настроенным генералом Таммом в Берлине А. Гитлер во время встречи сделал акцент на том, что ответственность за вторжение германских войск в Скандинавию лежит на Англии.²²

В рассматриваемый период Швеция была единственной территорией на Севере Европы, которая оставалась вне войны, однако, по словам А. Линдгрэн, неизвестно, сохранится ли данное положение в дальнейшем.²³

Рассматривая дневники А. Линдгрэн, можно отметить, что, как и к любому источнику личного происхождения, к ним нужно относиться крайне осторожно. В дневниках можно найти информацию далеко не обо всех событиях, относящихся к Швеции в данный период. В частности, в труде шведской писательницы не нашли отражение предоставленные Германии уступки Швеции. Как известно, шведское правительство дало согласие на транзит на прохождение одного железнодорожного состава с этими материалами и с медперсоналом в составе 40 человек, а 23 апреля был разрешен транзит и в обратном направлении 528 потерпевших кораблекрушение и раненых немецких моряков, в том числе военных, а позднее – 159 тяжелораненых немцев.²⁴ Вместе с тем, дневники содержат ценную информацию о внутреннем состоянии Швеции, о настроении ее на-

селения. Обращаясь к данному историческому источнику, можно сделать вывод о том, что у Швеции существовали объективные причины для того, чтобы стараться сохранить свой нейтралитет.

1. Кан А. С. Внешняя политика скандинавских стран в годы Второй Мировой войны. М., 1967. С. 139, 200.
2. Lindgren A. Krigsdagböcker 1939–1945. Lidingö, 2015. S. 44.
3. Levine P. A. Swedish neutrality during the Second World War: tactical success or moral compromise? // European neutrals and non-belligerents during the Second World War / Ed. by N. Wylie. Cambridge, 2002. P. 317.
4. Lindgren A. Krigsdagböcker. S. 44.
5. Documents on German foreign policy 1918–1945: From the archives of the German foreign ministry. Series D. Vol. 10. Washington, 1956. P. 95.
6. Lindgren A. Krigsdagböcker. S. 44.
7. Ibid. S. 45.
8. Рундберг А. Мемуары шведского рабочего / Пер. со швед. Н. И. Крымовой. М., 1976. С. 98.
9. Краминов Д. Ф. В орбите войны. Записки сов. корреспондента за рубежом, 1939–1945. М., 1980. С. 126.
10. Carlgren W. Swedish Foreign Policy during the Second World War / transl. by A. Spencer. London, 1977. P. 60.
11. Lindgren A. Krigsdagböcker. S. 45.
12. Кан А. С. Внешняя политика скандинавских... С. 140.
13. Documents on German... P. 94.
14. Кан А. С. Внешняя политика скандинавских... С. 141.
15. Carlgren W. Swedish Foreign policy... P. 60.
16. Кан А. С. Внешняя политика скандинавских... С. 146.
17. Carlgren W. Swedish Foreign policy... P. 61.
18. Lindgren A. Krigsdagböcker. S. 46.
19. Ibid.
20. Откровения и признания: Нацистская верхушка о войне «третьего рейха» против СССР: Секретные речи. Дневники, воспоминания / Пер. с нем. и сост. Г. Я. Рудой. М., 1996. С. 188.
21. Lindgren A. Krigsdagböcker. S. 47.
22. Documents on German Foreign policy. Series D. Vol. 11. Washington, 1960. P. 183.
23. Lindgren A. Krigsdagböcker. S. 49.
24. Кан А. С. Внешняя политика скандинавских... С. 147.

Применение артиллерии особой мощности на Карельском перешейке зимой 1939–1940 и летом 1944 гг.

Появление в ходе Первой мировой войны в 1914–1915 гг. на театрах военных действий большого количества долговременных укреплений, объединенных в оборонительные рубежи, обозначило серьезную проблему их преодоления, именно тогда боевые действия принимали позиционный характер. Образование сплошного позиционного фронта требовало от командований армий противоборствующих сторон поиска особых методов и средств для прорыва укрепленных рубежей.¹

Впервые эта проблема частично была решена германскими войсками в ходе Горлицкого прорыва (1915), а затем и русской армией в ходе Брусиловского прорыва (1916). Одним из таких методов был метод разрушения долговременных полевых сооружений огнем тяжелой артиллерии.²

Первый опыт прорыва мощных оборонительных рубежей Красная Армия приобрела лишь в ходе советско-финляндской войны 1939–1940 гг. Именно тогда советские войска столкнулись с системой обороны финнов, построенной с учетом всех выгодных особенностей местности Карельского перешейка. Территория перешейка, имеющая ширину от 70 до 120 км, с одной стороны граничит с Финским заливом, а с другой с Ладожским озером. Обилие крупных озер, непроходимых болот сплошных лесов, полноводных и широких рек, глубоких оврагов, огромных валунов позволило Финляндии создать здесь мощную полосу обороны – так называемую «линию Маннергейма». Всего в полосе обороны в оперативной зоне заграждений, на трех оборонительных рубежах и в Выборгском оборонительном районе было создано 356 железобетонных дотов и 2425 дерево-земляных сооружения, объединенных в 32 мощных узла сопротивления.³

Для разрушения особо прочных оборонительных сооружений в полосе наступления Северо-Западного фронта в его состав, кроме гаубичных артиллерийских полков резерва главного командования, на различных этапах войны были переданы 5 отдельных артиллерийских дивизионов большой мощности (34, 40, 315, 316 и 317-й отдельный артиллерийский дивизион большой мощности резерва главного командования). Четыре дивизиона действовали в составе группировки войск на Карельском перешейке (34-й, 316-й, 40-й и 317-й). Всего эти части насчитывали 22 мортиры калибра 280-мм и

3 гаубицы калибра 234-мм.⁴ Таким образом, на Карельском перешейке было сосредоточено 80% всей артиллерии калибра 234–280-мм, имевшейся в составе Северо-Западного фронта. Действуя поэтапно на протяжении всей операции в составе групп артиллерии разрушения, орудия отдельных артиллерийских дивизионов большой мощности нанесли противнику немалый урон. Их боевую работу можно проследить на примере 316-го отдельного артиллерийского дивизиона большой мощности, который был сформирован в Пушкине (Ленинградская область) в период с 12 сентября по 9 октября 1939 г. на базе 111 артиллерийского полка большой мощности, и включал три двухорудийные батареи 280-мм мортир (Шнейдера).⁵

В декабре 1939 г. дивизион, подчиненный начальнику артиллерии 19-го стрелкового корпуса, совершил марш и занял район сосредоточения в районе деревни Майнила. 15 декабря дивизион разместил свои боевые порядки в районе высоты 54,4 в полосе действий 123-й стрелковой дивизии, и с 17 декабря 1939 г. по 28 января 1940 г. принял непосредственное участие в прорыве «линии Маннергейма».

Командир 402-го гаубично-артиллерийского полка большой мощности капитан С. Ф. Ниловский в своем донесении начальнику штаба артиллерии 19-го стрелкового корпуса писал: «Вступив в бой с белофиннами, дивизион правильно организовал разведку долговременных укреплений противника и их вскрытие огнем своих 280-мм орудий, так как предварительное вскрытие дот орудиями калибра 152-мм успеха не имело. За время с 15 декабря 1939 г. по 28 января 1940 г. дивизион принял участие в разрушении железобетонных дот № 006, 008, 0011, 0018, 0021, самостоятельно разрушил каменную стенку и несколько дерево-земляных блиндажей». Для разрушения перечисленных оборонительных сооружений дивизион израсходовал 440 снарядов.⁶

После переподчинения начальнику артиллерии 10 стрелкового корпуса, 29 января батареи дивизиона заняли огневые позиции в районе населенного пункта Кархула (Дятлово) и до 17 февраля 1940 г. участвовали в разрушении узла сопротивления «Ка», ведя огонь по целям № 10, 13, 16, 17, 18, а также уничтожая дерево-земляные огневые точки. В целом дивизион израсходовал 419 снарядов.⁷

28 февраля начался прорыв второго оборонительного рубежа; дивизион, перемещаясь за корпусной артиллерией, занял район сосредоточения 800 м восточнее деревни Кайяла и находился в резерве 10-го стрелкового корпуса.

Совершив марш, дивизион 2 марта занял боевые порядки в районе станции Нуора, где был включен в состав группы артиллерии

разрушения – 113. Действуя в составе этой группы, со 2 по 13 марта дивизион вел огонь по целям № 5 и 7, по высотам 13,7; 36,5; 29,4; 21,8 и по Выборгской крепости. В этот период дивизион израсходовал 574 снаряда.⁸

О напряженной боевой деятельности дивизионов большой мощности в ходе советско-финляндской войны свидетельствуют сведения о расходе боеприпасов к орудиям калибра 234–280-мм. Так, в период с 30 ноября 1939 г. по 13 марта 1940 г., орудиями калибра 234 и 280-мм было израсходовано 494 и 5197 выстрелов соответственно.

Опыт применения артиллерии большой мощности в советско-финляндской войне был обобщен и тщательно проанализирован, что позволило советскому военному руководству сделать определенные выводы. Подтвердились предвоенные взгляды о том, что для успеха прорыва позиций укрепленного района решающее значение имела именно артиллерия большой (особой) мощности. При этом, организационно-штатная структура отдельного артиллерийского дивизиона была признана наиболее оптимальной для системы артиллерии особой мощности.

Поэтому осенью 1940 г. в организации артиллерии резерва главного командования произошли изменения. Артиллерийские полки, на вооружении которых состояли орудия калибра 234–280-мм, были расформированы, а на их базе созданы отдельные дивизионы, на вооружение которых поступили новые артиллерийские системы.⁹ После принятия их на вооружение, артиллерия калибра 210-мм и выше стала относиться к артиллерии особой мощности. Таким образом, к началу Великой Отечественной войны, в состав артиллерии резерва главного командования входили пятнадцать отдельных артиллерийских дивизионов особой мощности¹⁰ и две отдельные тяжелые пушечные батареи.¹¹

Учитывая опыт оборонительных действий зимой 1939–1940 гг., финское командование в период Великой Отечественной войны на занятой в 1941 г. советской территории на Карельском перешейке постаралось так же создать глубокоэшелонированную оборону, состоящую из трех рубежей. При этом главным считалась вторая линия укреплений, а также оборонительные рубежи проходящие по внешнему и внутреннему обводам Выборга.¹² Средняя плотность долговременных сооружений, стены которых были толщиной в 2–2,5 метра и усиливались 1,5 метровым гранитным навалом, составляла 10–12 огневых точек и 12–15 убежищ на километр фронта.¹³ Более двух с половиной лет укрепляя свои позиции на Карельском перешейке, военно-политическое руководство Финляндии

намеревалось прочно удерживать захваченный в 1941 г. плацдарм на подступах к Ленинграду.

Для прорыва столь мощной системы укреплений на Карельском перешейке Ленинградскому фронту были переданы 30 гвардейский ленинградский артиллерийский корпус прорыва и другие артиллерийские части и соединения усиления, в том числе четыре отдельных артиллерийских дивизиона особой мощности (32, 34, 40, 329).¹⁴ Дивизионы включались в группы артиллерии разрушения стрелковых корпусов, действовавших на направлении главного удара 21-й армии. Так, на начальном этапе операции, при прорыве первого оборонительного рубежа 329 и 40 дивизионы особой мощности входили в состав группы артиллерии разрушения 30-го гвардейского стрелкового корпуса. Только за один день 9 июня 1944 г. 329-й отдельный артиллерийский дивизион особой мощности полностью разрушил крупный дот и укрепленные узлы сопротивления «Красная казарма» и «Александровка», израсходовав 109 снарядов и получив при этом 40 прямых попаданий. В свою очередь, 40-й дивизион особой мощности вел огонь по целям в районе станции Белоостров. За сутки дивизион израсходовал 131 снаряд, при этом полностью разрушил 5 дотов.¹⁵

Но больше всего артиллерия особой мощности применялась при прорыве главного оборонительного рубежа. В качестве примера можно привести действие 32-го отдельного артиллерийского дивизиона особой мощности в составе 108-й группы артиллерии разрушения, которая выполняла задачу по уничтожению оборонительных сооружений на правом фланге наступающего 108-го стрелкового корпуса. Из района огневых позиций в районе Хаапала (Осетровое), дивизион своим огнем разрушил два дота, цели 021 и 025, обеспечив тем самым успешное продвижение стрелковых подразделений.¹⁶ Всего в ходе проведения наступательной операции дивизион разрушил: 3 дота и 5 дзотов, подавил в узлах сопротивления и опорных пунктах 12 целей. Огнем дивизиона рассеяно и уничтожено свыше батальона солдат противника.¹⁷ После прорыва главного оборонительного рубежа, в связи с отсутствием целей для артиллерии особой мощности, по приказу командующего артиллерией фронта 11 июня все дивизионы особой мощности были выведены в резерв армии.

Таким образом, при прорыве «линии Маннергейма» в 1939–1940 гг. и «Карельского вала» в 1944 г., артиллерия крупных калибров являлась главным средством разрушения мощных долговременных сооружений и обеспечения успеха других родов войск. Кроме того, опыт применения артиллерии особой мощности на Карельском перешейке, полученный Красной Армией в 1939–1940 гг., позволил

в 1944 г. взломать оборону финнов за 11 дней, тогда как в ходе советско-финляндской войны на это потребовалось три с половиной месяца.

Необходимо отметить, что опыт применения артиллерии особой мощности при прорыве оборонительных рубежей на Карельском перешейке не потерял своего значения и в конце 1950-х гг. прошлого столетия, когда на вооружение артиллерии Советской Армии были приняты артиллерийские и ракетные системы, способные доставлять к цели ядерный заряды.

Несмотря на то, что ядерные, а по терминологии тех лет – атомные, удары в сочетании с ударами обычных средств позволяли произвести сильные разрушения оборонительных сооружений одновременно на широком фронте и на большую глубину, существовала необходимость в осуществлении огневого вскрытия долговременных оборонительных сооружений, так как эффект применения ядерных боеприпасов для разрушения важных объектов долговременной обороны противника зависел от успеха их вскрытия.

Кроме того, ряд артиллерийских частей особой мощности послужили основой для формирования частей атомной и тяжелой реактивной артиллерии, которая была способна применять ядерные боеприпасы.

ВЗАИМОВОСПРИЯТИЕ В НАУКЕ И КУЛЬТУРЕ

1. Сплошной позиционный фронт образовался на Западно-европейском театре военных действий в 1914 г., а в 1915 г. на Восточно-европейском театре военных действий.
2. *Смирнов П. С.* Прорыв укрепленной полосы. М., 1941. С. 4–50, 52.
3. *Постников А. Г.* Особенности боевого применения артиллерии большой (особой) мощности в советско-финляндской войне // История в подробностях. 2015. № 2. С. 24–31.
4. Тайны и уроки зимней войны. 1939–1940. СПб., 2000. С. 288.
5. Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (далее: ЦАМО РФ) Ф. 316 оадн ОМ. Оп. 570705. Д. 1. Л. 1.
6. Там же. Л. 2.
7. Там же. Л. 2 об.
8. Там же. Л. 3.
9. 210-мм пушки Бр-17 и 305-мм пушки Бр-18.
10. *Калашиников К. А.* Красная армия в июне 1941 года: (статистический сборник). Новосибирск, 2003.
11. Там же. С. 30; *Дунаев Н. Н.* Развитие артиллерии в годы Великой Отечественной войны. СПб., 1994. С. 41.
12. *Жарков С., Брауде З.* Система укреплений финнов на Карельском перешейке // Военная мысль. 1944. № 10–11. С. 88–95.
13. *Фролов М. И.* Артиллеристы в боях за город Ленина. Исторический очерк. Л., 1978. С. 223.
14. Советская артиллерия в Великой Отечественной войне (исторический очерк). М., 1960. С. 403–429.
15. ЦАМО РФ. Ф. 73913. Оп. 590054. Д. 1. Лл. 8-9.
16. *Жданов Н. Н.* Об использовании групп АР в прорыве долговременной обороны (из опыта боев) // Боевой опыт артиллерии. М., 1946. С. 316.
17. ЦАМО РФ. Ф. 73898. Оп. 917170. Д. 1. Лл. 15-16.

Сходство и различия скандинавской и романо-германской историографии Средневековья

Сходство между северной и южной ветвями европейской историографии заключалось в корпусе античных и классических источников, им одинаково доступном. Схожим было и высшее образование, которое будущие историки получали в университетах Скандинавии и остальной Европы. Разница начиналась в области источников, с которыми приходилось иметь дело при написании оригинальных трудов. Археологии как науки тогда еще не существовало. Поэтому единственными источниками для историков являлись надписи на каменных или деревянных носителях.

В этом отношении средневековые историки Севера оказались в лучшем положении, чем их южные собратья. При чем дело было не в отсутствии или сравнительной бедности археологического материала. В Средние века вещественные артефакты по большей части буквально лежали на поверхности. Вся Европа – и Север, и Юг – была покрыта древними надгробными плитами и руинами старинных построек. Так, в Англии у всех на виду высились развалины укреплений Честера, на правом берегу Дуная – стены римского Карнунтума, на Иберийском полуострове – доримские стены и фундаменты Сагунта или Нуманции.

Еще больше артефактов было скрыто под тонким еще слоем земли – монеты, плиты, обломки сосудов обнаруживались при копке колодцев, в бороздах, проведенных по непаханой пустоши. А при прокладке каналов в Дании обнаруживалось столько археологического материала, что это вызывало всплеск в исторических исследованиях. Другой вопрос – использование артефактов в исторических исследованиях. Для этого требовались специальные знания, которым историки большей части Средневековья не обладали. Даже эпиграфики как исторической дисциплины еще не существовало.

А без ее методик и справочников расшифровка надписей сталкивалась с непреодолимыми трудностями. В древности, когда каменные, да и пергаментные носители текстов были за пределами дороги, тексты пытались максимально сжимать путем сокращений. Имеются в виду античные и классические аббревиатуры обоих типов – инициальные и сложносокращенные. С помощью так называемой

суспензии, то есть используя лишь начальные буквы слов, древние римляне сокращали имена собственные (G. – Gaius, Q. – Quintus) и другие слова (cos. – consul, v. c. – vir clarissimus, «светлейший муж»). Ими широко использовались и различные сократительные знаки для замены целых слов. На формальном письме суспензия использовалась так часто, что уже в древности приходилось составлять обширные своды сокращений, без обращения к которым тексты были нечитаемы даже для современников античных камнерезов. Со временем были разработаны сложные и обширные системы сокращений букв.

Далее, с тех пор, как в древности вошли в употребление прописные греческие и латинские буквы, появились настоящие сократительные знаки для слогов, двойных согласных, двойных гласных и целых слов. Метод контрактуры, то есть сокращение слова с помощью его начальных букв и окончания, греки использовали для сокращенного написания так называемых *Nomina sacra* («священных имен»), например $\theta\varsigma$ вместо $\theta\epsilon\acute{o}\varsigma$ («бог»). Римляне заимствовали эту систему и применяли ее и для обозначения как священных, так и самых обычных, ходовых понятий (*frs* – fratres, братья; *gra* – gratia, благодарность). Условное обозначение сокращения, черта над аббревиатурой, сменила примерно в III веке н. э. обычную ранее точку, появились со временем и иные новации.¹

В дальнейшем, когда бумажные носители подешевели, практика аббревиатур, а также упоминавшиеся письменные своды сокращений вышли из употребления. Так что в Средние века их уже не существовало.

Поскольку навыков чтения таких текстов у средневековых ученых не имелось, они впадали в тяжелые ошибки. Так, даже чрезвычайно богатые петроглифическим материалом руины знаменитого в древней истории Карнунтума² не могли натолкнуть исследователей на мысль, с каким городом они вообще имеют дело. Не умея прочесть рубленую латынь плит и памятников, они чуть ли не до конца XV в. считали, что перед ними развалины Целии.³ Поэтому и абсолютное большинство историков Средневековья, сталкивавшихся с латинской петроглификой, были не в состоянии ее прочесть. Такая ситуация весьма напоминала всю тщету трудов европейских египтологов до Шамполиона. Древние системы римских и греческих аббревиатур полностью были реконструированы гораздо позже, в ходе

разработки эпиграфических методик (XVIII–XIX вв.). Лишь тогда они стали достоянием науки на территории всей Европы.

Потому-то средневековые исторические труды не были результатом исследований все более новых источников, в том числе археологических. В большинстве своем они представляли собой компиляции из наследия ученых античного и классического периодов или, в лучшем случае, творчески переработанные и перекомпонованные все те же Иосиф Флавий, Тит Ливий и несколько других. На естественный вопрос, много ли их таким образом было создано, можно получить ответ у одного из самых выдающихся и авторитетных историков. Приблизительно в 560 г. этот ученый, Кассиодор, составил список историков, труды которых составляли основу тогдашней учености и знание которых он почитал необходимым. Этот список начинался с представителей дохристианской науки – таковыми являлись Сократ, Созомен и Теодорет – затем следовали неизбежные Флавий с Ливием, Орозий, Марцеллин и хронисты Евсевий Кесарийский, святые Иероним Стридонский и Проспер Аквитанский, а также Геннадий Массилийский. В совокупности они составляли фундамент, на котором Кассиодор полагал единственно возможным построить историческую науку будущего.

Можно ли сказать, что выбор Кассиодора действительно на многие века определил путь развития западной науки? Об этом, к счастью, имеются вполне точные сведения. Известно, что все великие и не столь известные историки, работавшие после Кассиодора, опирались при этом на авторов, названных в его списке, хотя неизвестно, насколько осознанным было это «послушание». Но факт остается фактом: тот же Беда Достопочтенный штудировал Иосифа Флавия, Евсевия, Иеронима Стридонского и Геннадия Массилийского. Кажется, единственный из источников Беды, неназванный Кассиодором, оказался св. Исидор Севильский, первый великий энциклопедист (и святой покровитель Интернета), что и понятно – его исторические труды, посвященные великим мужам древности (*De viris illustribus*), а также происхождению готов, свевов, вандалов и других северных народов (*De origine Gothorum et regno Sueborum*), были написаны уже после смерти Кассиодора.⁴ Сказанное относится, в целом, и ко всем историкам – младшим современникам Беды, как и жившим несколько веков спустя. Поэтому вполне резонно заключение современного историографа о том, что после Кассиодора «на протя-

жении веков историческая культура Запада основывалась на дюжине сочинений, написанных христианскими историками до 800 года».⁵

Так романо-германская историография, отрезанная от любых, кроме античных и классических, источников, оказалась в хронологическом, а значит и тематическом, тупике

Что же касается невозможности строить свои труды на источниках, то подобного исследовательского тупика не наблюдалось в Скандинавии. Здесь латинских надписей не имелось. А существовали каменные плиты или необработанные глыбы, реже – древесные стволы, покрытые местными рунами. Старейшие из них относились ко II в. Умение же читать их позже не исчезло, а сохранялось с тех самых пор, когда ими повсеместно пользовались. Мало того, кое-где руны оставались в ходу и в позднее Средневековье, и даже в XIX в. Поэтому уже самые ранние из известных нам историков Дании активно использовали местные надписи.

Конечно, информативная ценность рунных петроглифов гораздо меньше, чем у преданий или саг. Но они выгодно отличались от последних своей почти абсолютной адекватностью действительности. Так, если некая вдова воздвигала камень в честь павшего мужа и указывала на нем свое и его имена, дату события, а иногда и его ближайшие последствия, то можно было не сомневаться в истинности высеченного. Руны не лгали. Правда, информация, ими передаваемая, была относительно скудна. Но это не мешало использовать их в качестве ценнейших реперов, по которым можно было править богатым, но не всегда точным материалом преданий-сагнов.

На наш взгляд, эта ситуация и несет в себе объяснение факту бесспорному, хоть и несколько неожиданному. А именно тому, что средневековая историография скандинавских стран намного опередила творчество историков всей остальной Европы в смысле новизны и массы использованных источников. А значит и в оригинальности исследований, и в значительности научных выводов.

1. Подр. см. в: *Schmidt M. G.* Einführung in die lateinische Epigraphik. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 2004. Passim. Hälvä-Nyberg Ulla. Die Kontraktionen auf den lateinischen Inschriften Roms und Afrikas bis zum 8. Jh. n. Chr. Hels., 1988. Passim.
2. Карнунтум (совр. Петронелль, Австрия) – крупный римский город в узле торговых путей на берегу Дуная, центр имперской провинции Верхняя Паннония.
3. *Uiblein P.* Die Anfänge der Erforschung Carnuntums // Mitteilungen des Instituts für österreichische Geschichtsforschung. Bd. 59. 1951. Passim.
4. Рождение средневекового энциклопедизма. Исидор Севильский. // *Уколова В. И.* Античное наследие и культура раннего Средневековья. М., 1989.
5. *Гене Б.* История и историческая культура средневекового Запада. М., 2002. С. 345.

Первый словарь финского языка и государственный канцлер Николай Петрович Румянцев

Первый словарь финского языка, имевший латинское название «*Lexikon Linguae Fennicae*» и содержащий перевод финских слов на латинский и немецкий языки, был составлен финским лингвистом и теологом Густавом (Кустаа) Ренваллом (*Gustaf (Kustaa) Renvall*, 1781–1841) и издан в Великом княжестве Финляндском в 1826 г.¹ Менее известен тот факт, что финансировал работу над словарем и его изданием российский политический деятель и меценат граф Николай Петрович Румянцев (1754–1826). А инициатором и посредником при издании был замечательный датский лингвист Расмус Раск (*Rasmus Kristian Rask*, 1787–1832).

Расмус Раск занимает почетное место среди выдающихся лингвистов мира. Он один из основоположников сравнительно-исторического языкознания, впервые описавший регулярные соответствия между индоевропейскими и германскими согласными. На долю многих ученых выпадает честь, которая выпала Раску – издаваемый в Дании лингвистический журнал называется «Раск».²

Раск с юных лет проявил удивительные способности и потрясающее трудолюбие.³ Будучи учеником «латинской» школы в Оденсе, он получил в качестве премии только что вышедший перевод на датский язык книги «Круг земной» Снорри Стурлусона. А когда ему на время дали исландский оригинал того же произведения, он совершенно самостоятельно составил полную грамматику исландского языка и исландско-датский словарь с добавлением слов шведского, норвежского, немецкого и голландского языков. В Копенгагене он учился в университете, жил в общежитии бесплатно, но денег у него практически не было, и он ел горячее далеко не каждый день. Записан он был студентом теологического факультета, но занимался в основном тем, что ему нравилось – языками. Известно, что за один только 1812 г. он проработал 12 языков, включая русский, польский и чешский. Самый большой интерес он по-прежнему испытывал к исландскому языку, о котором он в 1809 г. написал свою первую книгу, вышедшую два года спустя.

В это время Королевская Датская академия наук (*Det kongelige Danske videnskabernes selskab*) объявила конкурс на написание работы, которая помогла бы выяснить вопрос об истоках древнескандинавского языка. Раск горячо взялся за дело. Он побывал в Швеции,

где – дополнительно к шведскому – изучил финский и лапландский (саамский) языки. Потом он два года провел в Исландии. Здесь особенно проявились его гениальные языковые способности. Он в такой степени овладел современным исландским языком, что его принимали за местного жителя. Но главным делом для него была подготовка книги, и Датская академия наук разрешила ему немного задержать публикацию. В 1814 г. он в основном закончил свою, ставшую впоследствии всемирно известной, книгу «Разыскания о происхождении древнесеверного, или исландского языка» (*Undersøgelse om det gamle nordiske eller islandske Sprog Oprindelse*). По ряду не зависевших от него причин книга вышла в свет лишь в 1818 г., когда Раск уже совершал самое большое в своей жизни путешествие. Во время поездки он, как и всегда, интересовался не природой или архитектурой городов и стран, а языками и их историей. Раску было ясно, что для поиска истоков древнескандинавского языка надо выйти за пределы Скандинавии.

Из королевской казны была выделена значительная сумма денег на поездку Раска. В ноябре 1816 г. он приехал в Стокгольм, где пробыл 15 месяцев. Там он занимался финским, русским, арабским и персидским языками, издал хрестоматию исландского языка. Там же, в Стокгольме, Раск опубликовал в 1818 г. «Старшую Эдду», «Младшую Эдду» Снорри Стурлусона и, так сказать, между делом, издал «Курс англосаксонского языка». В январе 1818 г. в Стокгольме он получил сообщение о присуждении ему звания профессора, а также о выделении из королевской казны дополнительной суммы для продолжения путешествия.

В феврале 1818 г. из Стокгольма Раск прибыл на Аландские острова, затем в Финляндию, которая сравнительно незадолго до этого получила статус Великого княжества Финляндского в составе Российской империи. Три недели он прожил в городе с шведским названием Або (Турку). Або за шесть лет до этого был лишен статуса столичного города Финляндии, поскольку столицей стал Гельсингфорс (Хельсинки), ближе находившийся к Санкт-Петербургу. Но в Або оставался университет, который только в 1827 г. был переведен в Хельсинки. Раск тут же занялся изучением финского языка. Главным его помощником стал Густав Ренвалл, работавший доцентом по финскому языку. Ренвалл уже опубликовал две серьезные работы на латинском языке: в 1811 г. «О произношении и правописании финского языка» (*De orthoepia et orthographia linguæ finnicæ*) и в 1815–1817 гг. «О склонении существительных в финском языке»

(De signis relationum nominalium in lingua fennicæ). Совместная работа двух ученых немного позже дала замечательные результаты.

Раск продолжил свой путь — биография фиксирует, что он побывал в Тавастегусе (Хямеэнлинна), Вильманстранде (Лаппеэнранта) и Выборге. В Санкт-Петербург Раск прибыл в марте 1818 г. Он был, как и всегда, очень активен и тут же стал совершенствоваться в русском языке, а также изучать армянский, арабский, персидский. Узнавая о новых для себя языках, он тут же принимался описывать их. На основании всего только нескольких встреч с носителем он создал первое описание алеутского языка.

Важнее всего для себя он, тем не менее, считал занятия санскритом. Впервые именно в Санкт-Петербурге для него стало ясной необходимостью исследования этого языка для определения путей возникновения и развития индоевропейских языков. Он даже подумывал о прекращении поездки, хотел вернуться в Копенгаген и там засесть за написание грамматики санскрита.

Заниматься русским языком Раску помогал молодой талантливый ученый Иван Николаевич Лобойко (1786–1861), которого Раск в свою очередь обучал датскому языку. Они подружились. Впоследствии Раск помог ему, при его большой поддержке Лобойко был избран в 1825 г. членом Общества северных древностей в Копенгагене. Дальнейшая его жизнь пролегла в области образования и науки, он был профессором Виленского университета.

Биография Раска рассказывает, что во время пребывания в Петербурге Раск был очень частым гостем во дворце на Английской набережной, в котором жил «Rigskansleren grev Romanzoff (Rum'ancev)».⁴ Дворец принадлежал известному российскому государственному деятелю конца XVIII – начала XIX в. графу Николаю Петровичу Румянцеву. В 1808 г. он был назначен министром иностранных дел, в 1809 получил пожизненный титул государственного канцлера – высший российский чин I класса. К лицам такого ранга полагалось обращаться «Ваше Высокопревосходительство». В 1810 г. Румянцев стал председателем Государственного Совета. К моменту приезда Раска Румянцев был вынужден выйти в отставку в связи с полной потерей слуха. Однако он сохранил неумную энергию, организовывал и финансировал многочисленные научные исследования разного рода и объединил вокруг себя группу талантливых ученых. Были изданы десятки книг, собрана коллекция древностей, ставшая

впоследствии основой знаменитого Румянцевского музея. Позже он был избран почетный членом Императорской Российской академии.

Известно, что Раск был принят канцлером буквально с распростертыми объятиями, имел с ним многочисленные встречи. Именно Раск убедил Румянцева в крайней необходимости создания финского словаря и в качестве идеальной кандидатуры составителя предложил Ренвалла. Румянцев согласился оплатить его написание и выпуск. И действительно, Ренвалл оправдал его надежды — за очень короткий срок, всего за несколько лет, он составил и издал упомянутый словарь, который 30 лет был главным источником знаний о финском языке во всей Европе.

В 1827 г. Ренвалл стал профессором. Позже, в 1840 г., вышла его же книга о финском языке на шведском «Finsk Språklära. Enligt den rena Vest-Finska – Bokspråk vanliga Dealecten». При этом и здесь не обошлось без участия Раска. Занимаясь финским языком, он обнаружил, что падежи этого языка не имеют устоявшихся названий и предложил целый ряд названий: иллатив, инессив и другие, впервые использованные в книгах Ренвалла, а в наши дни ставшие общеупотребительными. Сам Раск написал несколько небольших работ, в частности очень важную о финно-угорских языках и их классификации.

Затем Раск продолжил путь в поисках самых ранних истоков древнего северного языка. Получив деньги в июне 1819 г., он продолжил путь, приехал в Москву, где пробыл более трех месяцев. Из Москвы отправился на юг, путь шел вдоль Волги. Известно, что из Астрахани он выехал 1 октября 1819 г. на Кавказ. На гостиницы денег у него не было, ночевал он часто прямо в повозке, умывался в ближайшей речке. В ноябре 1819 г. он приехал в Тифлис, где провел четыре месяца. Власти с подозрением отнеслись к странному датчанину, его даже сочли шпионом. А он с большим прилежанием изучал в Тифлисе персидский, турецкий и грузинский языки. Затем он покинул территорию Российской империи. В марте 1820 г. прибыл с караваном в Персию, побывал в Тебризе, Тегеране, Исфагане, затем жил в Индии. В 1823 г. вернулся в Данию и тем самым завершил путешествие, продолжавшееся шесть с половиной лет.

1. Renvall, Gustaf // https://sv.wikipedia.org/wiki/Gustaf_Renvall (Дата обращения: 12.07.2016)

2. Rask. Internationalt tidsskrift for sprog og kommunikation. Institute of Language and Communication. University of Southern Denmark. Odense.

3. См.: Thomsen V. Rask, Rasmus // Dansk Biografisk Leksikon. København. 2. Udg. 1932–1944. Bd 19. S. 180–194.

4. Thomsen V. Rask, Rasmus. S. 186.

Исландский учёный Финн Магнусен (1781–1847) – корреспондент российского дипломата П.А. Николаи (1777–1866), на материалах архива усадьбы Монрепо

Известное многим в России и за рубежом имение Монрепо под Выборгом с пейзажным парком в английском стиле (ныне на его территории расположен ГИАПМЗ «Парк Монрепо») с конца XVIII до первой половины XX вв. находилось во владении рода баронов Николаи. Основателем пейзажного парка и создателем его концепции был ученый и поэт Людвиг Генрих (Андрей Львович) Николаи (1737–1820), а продолжил дело отца его единственный сын Пауль, или Павел Андреевич (1777–1866). До выхода в отставку в 1847 г. он состоял на дипломатической службе при российских миссиях в Лондоне и Копенгагене и нечасто навещал родное имение, однако именно в период службы его вклад в формирование облика парка Монрепо был весьма значительным. Достаточно вспомнить, что к числу лондонских знакомых П. Николаи относился архитектор Ч. Х. Тэтам, «пионер английского неоклассицизма» и последователь Палладио, автор двух сохранившихся до наших дней архитектурных доминант парка Монрепо – обелиска Броглио (1827) и капеллы Людвигсбург на острове-некрополе Людвигштайн (1822).¹ Третья доминанта имеет косвенное отношение к теме данной статьи. Это статуя героя карело-финского эпоса «Калевала» Вяйнямёйнена работы датского скульптора Готтхельфа Боруа. Сегодня на ее месте находится воссозданная статуя «Вяйнямёйнен, играющий на кантеле» (оригинал работы Й. Таканена был установлен в Монрепо в 1872 г. на месте прежней скульптуры, разбитой вандалами).

Та часть парка, где расположена статуя, еще при Л. Г. Николаи (а, возможно, и ранее) называлась Мааилманлоппу, что по-фински значит «Край света». Она представляет собой довольно суровое гранитное ущелье, в центре которого возвышается валун, служащий постаментом для памятника. Интересно, что Л. Г. Николаи планировал поместить здесь статую святого Николая, и даже описал ее как уже существующую в своей поэме «Имение Монрепо в Финляндии. 1804»,² однако замысел не был воплощен в действительность. Вместо этого, после смерти отца, Пауль Николаи использовал ущелье со-

вершенно иным образом, выказав чутье в отношении «genius loci», а также превосходное знание карело-финской мифологии. Ведь первая статуя Вяйнямёйнена появилась в Монрепо в 1831 г., за четыре года до выхода в свет первого издания «Калевалы». К тому времени в Финляндии существовало еще только одно скульптурное изображение этого героя работы Э. Кайнберга в здании Або Академии (1814).

Известно, что Пауль Николаи, подобно своему отцу, очень интересовался прошлым разных народов, особенностями их быта, фольклором. Скорее всего, он был знаком с увидевшей свет в 1827 г. диссертацией о Вяйнямёйнене собирателя рун «Калевалы» Э. Лённрота. В книжном собрании его родового имения Монрепо были работы по финской мифологии и лингвистике: «Mythologia fennica» Кристфрида Ганандера (Або, 1789) и «Dissertationis de poësi fennica» Хенрика Габриеля Портана (Або, 1766–1778). Несколько книг из библиотеки Портана Пауль приобрел на аукционе в Турку (Або) 14 октября 1812 г.³ Кроме того, в библиотеке Монрепо имеется несколько трудов исландского ученого Финна Магнусена (1781–1847), такие как «Priscae veterum borealium mythologiae lexicon» (Havniae, 1828), «Runamo og runerne» (Копенгаген, 1841) и «Om de gamle skandinavers inddeling af dagens tider» (Копенгаген, 1844). Последний из них снабжен дарственной надписью «Его превосходительству г-ну барону фон Николаи...от составителя». Дело в том, что Ф. Магнусен был одним из основателей в 1824 г. и до самой своей смерти – вице-президентом Датского Королевского Общества любителей древностей (антиквариет) Севера, в котором состоял и П. Николаи. В бумагах последнего, в составе «Архива усадьбы Монрепо», сохранились разные документы о работе этого Общества, а также печатный текст на французском языке, озаглавленный «Antiquitates Rossicae, или воспоминания о землях и древних обитателях Российской империи, найденные в древних рукописях и других источниках, относящихся к литературным памятникам исландцев и древних скандинавов, с латинской версией, критическими и литературными примечаниями, опубликованные Королевским Обществом любителей древностей Севера» (Копенгаген, 1835).⁴ Сохранились также и письма Ф. Магнусена к П. Николаи, к которым мы еще вернемся.

Находясь в датской столице с 1816 г. в течение тридцати с лишним лет в качестве чрезвычайного посланника и полномочного

министра, П. А. Николаи, безусловно, тесно общался с Магнусеном, который прожил в Копенгагене практически всю свою сознательную жизнь. Будучи уроженцем исландского города Скалхолта, он сперва обучался в Копенгагенском университете, а с 1815 г. преподавал там, а также читал курсы в академии наук Копенгагена, членом которой являлся. Предметом его особого научного интереса были руническая литература и рунические надписи. В 1821-23 гг. Магнусен руководил публикацией полного издания Эдды, которое сопровождалось введением, примечаниями и сопутствующим «Словарем скандинавской мифологии», вышедшим затем в 1828 г. как отдельное издание (этот труд есть в библиотеке Николаи). Параллельно с изданием Эдды в оригинале Магнусен выпустил ее датский перевод. В 1826 г. вышел его капитальный труд «Учение об Эдде и ее происхождении», в котором исследовались восточные корни одиических верований. Из множества других работ этого ученого можно упомянуть «Объяснение нескольких пунктов скандинавской археологии, касающихся Оссиана» (1813), «О пиктах и происхождении этого названия» (1817), «Вклад в северную археологию» (1820) и «Происхождение и развитие древних гильдий Севера» (1829). Интересно, что, помимо датского ордена Данеброг, Магнусен был награжден также российским орденом Св. Анны. Умер он в Копенгагене в 1847 г., в год отставки П. Николаи.

Сохранившиеся в составе «Архива усадьбы Монрепо» письма Ф. Магнусена на немецком языке относятся к 1845–1846 гг.⁵ и касаются известного финского ученого, академика Санкт-Петербургской Императорской Академии наук Иоганна Андреаса (Андрея Михайловича) Шёгрена (1794–1855). Из них мы узнаем, что П. А. Николаи имел непосредственное отношение к награждению Шёгрена в 1846 г. датским орденом Данеброг.

Первое письмо Магнусена датировано 10 ноября 1845 г. В нем ученый, исполняя поручение «г-на коллежского советника Шёгрена (в Санкт-Петербурге)», который также был членом Общества любителей древностей Севера в Копенгагене, обращается к П. Николаи с просьбой о содействии. Как известно, в 1835–1838 гг. Шёгрэн посетил Кавказ, изучал там осетинский и грузинский языки, и по результатам путешествия в 1844 г. опубликовал на русском и немецком языках «Осетинскую грамматику с кратким словарем», первое научное исследование осетинского языка с выявлением та-

ких грамматических категорий, как падежи, временные формы и формы спряжения глагола и т. д. Именно этот труд Магнусен просит помочь представить датскому королю Кристиану VIII, который «теперь сам (с 1844 г.) стал почетным членом Императорской Академии в Санкт-Петербурге». Он обращается именно к П. Николаи по этому вопросу, так как знает его сам по собственному опыту как «благоклонного и эффективного покровителя наук» («als einen holden und wirksamen Beschützer den Wissenschaften»). Ученый утверждает, что ходатайство Николаи перед королем Дании «будет для г-на Шёгрена очень желательно и почетно».

К письму прилагался роскошный экземпляр книги Шёгрена об осетинском языке для представления королю, причем автор письма выразил надежду, что эта работа Паулю Николаи уже знакома. Действительно, из всех трудов И. А. Шёгрена в библиотеке усадьбы Монрепо имеются этот, под названием «Ossetische Sprachlehre, nebst kurzem ossetisch-deutschen und deutsch-ossetischen Wörterbuche» (Санкт-Петербург, издание Императорской Академии наук, 1844), и еще один, посвященный работе Ф. Магнусена «Runamo og Runerne» (St. Petersburg bei W. Gräff's Erben und Leipzig bei L. Voss, [1842]). Другое приложение к письму – это полный перечень титулов И. А. Шёгрена на тот период времени, на французском языке.

Хотя П. Николаи, как явствует из его писем к сыну, в то время сам находился в Копенгагене, он ходатайствовал за И. А. Шёгрена через неустановленное лицо, письмо которого от 29 января 1846 г. также сохранилось. В нем сообщается, что труд Шёгрена был представлен королю, который «всегда проявлял столь необыкновенный интерес к научным изысканиям, составляющим предмет данного труда», и он «с большим удовлетворением узнал, что усилия автора увенчались полным успехом. Таково суждение, которое наши лучшие этимологи единодушно вынесли о его труде, и они согласны равным образом воздать г-ну Шёгрэну должное в целом за то, что он потратил столько времени на [занятия] языком и историей Финляндии». Желая осязаемым образом подтвердить свое признание заслуг российского академика, свое уважение и благосклонность, король Дании пожаловал ему «крест кавалера своего ордена Данеброг», о чем автор письма поспешил уведомить П. Николаи. За сим последовало благодарственное письмо Ф. Магнусена от собственного имени и от имени И. А. Шёгрена, датированное 31 января 1846 г.

Российская власть в финляндской политической периодической печати начала XX века

Можно еще добавить, что, хотя имя Шёгрена обычно связывают со становлением финно-угроведения как научной дисциплины, его изыскания по кавказским языкам также получили мировую известность. Именно в 1844 г., после выхода труда об осетинском языке, этот ученый стал ординарным академиком по Историко-филологическому отделению Академии наук (филология и этнография финских и кавказских народов в России). Шёгрэн считается создателем осетинской кириллической азбуки, используемой с некоторыми изменениями и сегодня. Из первого письма Ф. Магнусена к П. Николаи следует, что «30 лет тому назад [т.е. в 1815 г. – прим. авт.]» он сам и «многие другие ученые» интересовались Осетией в связи с древнейшей историей своего собственного народа. Иными словами, для членов Общества любителей древностей Севера в Копенгагене была характерна определенная широта взглядов, которую и монархи были способны оценить по достоинству.

1. См.: Дмитриева Н. В. Дж. А. Мартинелли и Ч. Х. Тэтам – два архитектора имения Монрепо под Выборгом // Русские в Италии. Итальянцы в России: взаимовлияние культур. М-лы Международной н. конф. СПб., 2012. С. 125–138.
2. Николаи Л. Г. Имение Монрепо в Финляндии. 1804 // Санкт-Петербург. 1994. № 4 (10). Спец. выпуск, посвященный Монрепо. С. 11.
3. Havu S. The Monrepos Library // Eurooppalainen Monrepos. Det europeiska Monrepos. Monrepos – a European Haven. Hels., 2006. P. 33.
4. Национальная Библиотека Финляндии (Suomen Kansalliskirjasto). Отдел рукописей. Фонд «Архив усадьбы Монрепо» («Monrepos'n kartanon arkisto»). Шифр Ms.Mf. 833. С.о.
5. Там же. Шифр Ms.Mf. 827. С.а.

Периодическая печать является ценным источником для изучения того, как формировалось восприятие российской власти жителями Финляндии в начале XX в. Благодаря отмене предварительной цензуры в княжестве после всеобщей забастовки 1905 г. и большой популярности политических газет среди населения, финляндские партийные органы печати оказывали большое влияние на общественное мнение края. В статьях финляндских политических газет, а также в карикатурах, публиковавшихся в журналах политической сатиры княжества находит отражение отношение финляндцев к местным представителям российской власти, императору и Государственной Думе.

Младофинская газета «Суомалайнен Канса» утверждала, что «нет ни одной страны в мире, в которой бы принцип монархизма так глубоко укоренился в народе, как в Финляндии».¹ По ее представлению, в Финляндии всегда любили и боготворили своих монархов, считали, что слова монарха надежнее всего на свете. При этом, несмотря на то, что в 1809 г. Великое княжество Финляндское вошло в состав Российской империи, в финляндской прессе 1900-х годов довольно часто можно встретить косвенные упоминания, что Финляндия соединена с Россией «одним общим монархом», т.е., по сути, состоит с ней в личной унии.² Кроме того, императора Николая II, вопреки его официальному титулу, многие финляндские издания именовали “hallitsija”, что в переводе с финского значит «правитель», в то время как титул «император» на их страницах практически не встречается.³

Власть императора в Финляндии, по мнению местных изданий, не носила абсолютный характер. Так, младофинская газета «Хельсингин Саномат», ссылаясь на основные законы княжества и на основании того, что Николай II, «один общий правитель», установил Манифестом 1905 г., что ни один закон не может вступить в силу без одобрения Государственной Думы, делала вывод, что и для Финляндии ни один закон не может вступить в силу без одобрения сейма.⁴ По мнению шведоманской газеты «Хувудстадсбладет», основные

законы Финляндии требовали, чтобы монарх правил страной при помощи местных, а не «иноземных» представителей, каковыми газета считала министров Российской империи.⁵ Старофинская «Ууси Суометар», как правило печатавшая очень осторожные и умеренные высказывания, усмотрела превышение императором своих прав в требовании от Финляндии выплат на военные нужды империи.⁶ Газета признавала, что основные законы Финляндии предоставляют монарху большую власть расходовать средства страны исходя из соображений ее пользы и блага, но, по мнению издания, эта власть не настолько широка, чтобы предоставлять ему право заставлять княжество выплачивать денежную компенсацию вместо того, чтобы содержать установленную законами военную силу. Шаги императора, противоречащие представлению финляндской прессы о его правах, расценивались ею как «безграничное оскорбление» финляндским основным законом.⁷

Принимая во внимание действовавший в Российской империи закон «Об оскорблении Величества», газеты княжества аккуратно подбирали слова в адрес императора, а в популярных в Финляндии в начале XX в. журналах политической сатиры карикатуры на Николая II не встречаются. О том, что некоторые из карикатур должны были ассоциироваться с императором, можно узнать лишь по такому символу как офицерские сапоги, изображенные на ступенях трона.⁸ Крайне редко, как на карикатуре из журнала «Курилка», где человек в военной форме ведет за собой связанную и покорную Деву Финляндию, в персонаже явно угадываются черты Николая II.⁹

Появление в Российской империи такого политического института как Государственная Дума не было встречено в финляндской прессе особым восторгом. Еще в конце XIX в. финский философ Й. В. Снельман предрекал, что только самодержавие было способно защитить особое положение Финляндии в империи.¹⁰ В феврале 1908 г., когда стало известно о готовящихся к рассмотрению в Думе запросов по финляндским делам, шведоманская газета «Хувудстадсбладет» открыто выразила свою боязнь русского народного представительства.¹¹ Если раньше, по словам газеты, покушения на автономию Финляндии исходили от могущественной, но немногочисленной группы, то теперь этим занялись партии большинства в Государственной Думе. «Все указывает на то, что новая гроза скоро разразится над нашей страной»,¹² – отмечала газета.

Социал-демократические издания видели в Думе арену для агитации «поедателей Финляндии», саму Думу называли «черной» и «реакционной», у которой российское правительство ищет поддержку для возврата к «дьявольской бобриковской политике» и для начала «новой грабительской политики» в Финляндии.¹³ Старофинские издания, напротив, называли Думу «оплотом и защитой дарованной России свободы», но при этом видели в ней возможность послужить «орудием попрания прав Финляндии».¹⁴

В комментариях к принятию 10 июня (28 мая) 1910 г. Думой законопроекта «О порядке издания касающихся Финляндии законов и постановлений общегосударственного значения» финляндские органы печати выражали «вечную признательность» в каждом, даже самом отдаленном уголке Финляндии думской оппозиции: «если мы, тем не менее, несмотря на все те страдания, которые теперь вынуждены переносить, не бросаем обвинения против русского народа, то это прежде всего благодаря тем сынам России, которые так блестяще и обдуманно защищали наше дело перед своими соотечественниками и миром», – писала шведоманская газета «Нюа Прессен».¹⁵ Думское же большинство финляндская пресса подвергла нещадной критике. Младофинская газета «Хельсингин Саномат» обвиняла его в провокации: в желании побудить финляндцев к насилию, чтобы получить предлог к окончательному уничтожению их самостоятельности.¹⁶ В свою очередь социал-демократическая газета «Тюомиес» назвала думское большинство «разбойниками» и писала о том, что принятие законопроекта стало для них несмысленным позором, причем в глазах не только русского и финляндского народа, но и в глазах всего мира.¹⁷

Что касается представителей российской власти в самом княжестве, то когда в конце 1905 г. генерал-губернатором Финляндии был назначен действительный тайный советник Н. Н. Герард, финляндская пресса отнеслась к данному событию в целом благожелательно, отмечая то, что новый генерал-губернатор участвовал в работе комитета, решавшего вопрос о финской армии, и занимал в нем позицию в поддержку Финляндии.¹⁸ И в целом, финляндская периодическая печать сохранила благожелательное отношение к Н.Н. Герарду на протяжении всего периода его генерал-губернаторства в крае (декабрь 1905 г. – февраль 1908 г.).¹⁹ В. А. Бекмана, занимавшего поста генерал-губернатора с февраля 1908 г. по ноябрь 1909 г.,

пресса княжества также характеризовала, как «доброжелательного к финляндцам».²⁰ Но совсем другое отношение было у периодической печати княжества к Ф. А. Зейну, назначенному в декабре 1907 г. помощником генерал-губернатора, а в ноябре 1909 г. – генерал-губернатором Финляндии. Финляндская пресса называла Ф. А. Зейна «правой рукой» Н. И. Бобрикова во всех процессах «русификации», а новости о его назначении – вызывающими «леденящее чувство испуга», т.к. с его приходом Финляндии следует ждать нового «периода беззакония».²¹ Визуальное отражение эта идея получила в шведоманском журнале политической сатиры «Фюрен», который вскоре после назначения опубликовал карикатуру, где Зейн был изображен в виде чудовищной «гидры реакции», которая угрожает Деве-Финляндии, тянущейся осторожно к мечу и щиту с надписью «закон».²² Кроме того, удивление прессы вызвал сам факт возвращения Зейна в княжество,²³ т.к. после всеобщей забастовки 1905 г. он был снят с должности в Финляндии и назначен гродненским губернатором.²⁴ По мнению корреспондента старофинской газеты «Виипури», только в России люди из правящих кругов, принимающие решения, на другой день могут быть заменены другими.²⁵

Местная власть в Финляндии в первое десятилетие XX в. действительно сменялась довольно часто. После ухода в отставку 1909 г. финляндских сенаторов из-за отказа опубликовать императорский манифест о замене личной воинской повинности финляндцев денежной выплатой, на их место назначили обрусевших финских офицеров, долгое время находившихся на службе в России. Вице-председателем хозяйственного департамента сената был назначен уроженец Финляндии генерал-майор В. Марков, официальным языком стал русский, а сам сенат современники стали называть «сабельным» или «адмиральским сенатом».²⁶ На страницах финляндских газет можно встретить и более хлесткие и ироничные названия для нового сената: «инородческое грабительское правительство», «группа героев Порт-Артура и славного русского флота», «кучка стервятников».²⁷ Также в газетах княжества отмечалось, что ни один из сенаторов не знал языка Финляндии и не был знаком с ее учреждениями и законами, что не могло не настроить все партии, группы и классы Финляндии против них.²⁸

Незнание новоиспеченными финскими сенаторами официальных языков княжества стало поводом появления карикатур

в финляндских журналах политической сатиры.²⁹ Кроме того, в карикатурах отмечалась, что новый финляндский сенат – марионеточный, он полностью подчиняется воле правительства Российской империи.³⁰ На еще одной любопытной карикатуре, посвященной «русификации» правительства княжества, было изображено здание финляндского сената, на котором колонны заменили русские торговцы и военные, фонари держатся на самоварах и винтовках, на фронтоне – надпись «Пиши дураку», а также бутылка, графин водки, граненые стаканы, чайники, баранки.³¹ Над зданием сената возвышается фуражка, а на флаге вместо льва, герба Финляндии, красуется русский медведь с плеткой.³² Таким было восприятие создателями карикатуры усиления российской власти в княжестве.

Кратко подводя итог, можно сказать, что в начале XX в. периодические издания Финляндии формировали свое отношение к Российской власти всецело через призму идеи об особом положении Великого княжества в составе империи. Николай II расценивался не как император, а как общий правитель Финляндии и России, права которого в княжестве были ограничены основными законами и сеймом княжества. Государственную Думу финляндская пресса опасалась, видя в ней инструмент для ограничения самостоятельности княжества. Оценка деятельности генерал-губернаторов всецело зависела от их отношения к вопросу финляндской автономии и готовности ее отстаивать перед властями империи.

1. Oikeuden puolustajille duumassa // Suomalainen Kansa. 1910, 11.06. S. 2.
2. Valtakunnanlainsäädäntö // Helsingin Sanomat. 1908, 11.06. S. 2.
3. Muutos Suomen asian esittelyn järjestyksessä // Suomalainen Kansa. 1908, 10.06. S. 1; Valtakunnanlainsäädäntö // Helsingin Sanomat. 1908, 11.06. S. 2; Yhä suitsia Suomelle. Stolypinin ohjelmaa toteutetaan // Työmies. 1908, 10.06. S. 1.
4. Valtakunnanlainsäädäntö // Helsingin Sanomat. 1908, 11.06. S. 2.
5. О порядке направления финляндских дел, касающихся интересов Империи : [высочайше утв. положение Совета министров, 1908, мая 20] // Полное собрание законов Российской империи: собр. 3-е. Т. 28, отд. 1. № 30379. С. 267–268.
6. Suurten ratkaisujen tapahduttua // Uusi Suometar. 1909, 15.10. S. 2.
7. Muutos Suomen asian esittelyn järjestyksessä // Suomalainen Kansa. 1908, 10.06. S. 1.
8. Ollila Y. Kiitos // Tuulispää. 1906, 04.05. S. 1; Kallankari. Suomettarelaiten valtiovaiisautta // Kurikka. 1908, 01.05. S. 3.
9. A. W. Vanhoja jälkiä // Kurikka. 1910, 15.06. S. 3.
10. Юссила О. Великое княжество Финляндское 1809–1917. Хельсинки, 2009. С. 711.
11. Den hotfulla ställningen // Hufvudstadsbladet. 1908, 16.02. S. 4–5.
12. Manifesti valtakunnanlainsäädäntöasiasta // Uusi Suometar. 1910, 30.03. S. 1.
13. Suomen asia duumassa. Suomisyöjät duumassa agiteeraamassa suomettaralaisille vaalivoittoa // Työmies. 1908, 19.05. S. 2.
14. Manifesti valtakunnanlainsäädäntöasia // Uusi Suometar. 1910, 30.03. S. 3.
15. Försvararne i duman af Finlands rätt // Nya Pressen. 1910, 11.06. S. 3.
16. Me vetoamme // Helsingin Sanomat. 1910, 12.06. S. 4.

Особенности современного изучения гражданской войны в Финляндии 1918 г.

Первая мировая война оказала огромное воздействие на мировую историю. Одним из ее последствий стал распад многонациональных империй и возникновение новых государств. Одним из государств, провозгласивших свою независимость в последний период Первой мировой войны, является Финляндия. Гражданская война в Финляндии 1918 г. считается одним из самых ключевых моментов истории становления независимости этого государства. Она положила начало новому этапу в истории страны, в ходе которого существенно изменился ее облик, социальная структура, возникли новые политические институты. В финской историографии, в сравнении с отечественной, накоплен богатый опыт изучения событий 1918 г.

Значительная часть современных исследований посвящена «белому террору». Исследователь Тамперского университета Марко Тикка в 2004 г. выпустил в свет книгу с длинным наименованием «Военно-полевые суды. Незамедлительное исполнение приговоров в Гражданскую войну 1918 г. в Финляндии».¹ В своей работе М. Тикка, основываясь на анализе впервые используемых документов военно-полевых судов, пришел к выводу, что акты насилия, совершаемые весной 1918 г. как «белыми», так и «красными» вне театра военных действий, не носили индивидуальный характер, вызванный чувством мести, а являлись осознанно организованными акциями, методом ведения войны, который использовали обе стороны конфликта. Автор квалифицирует гражданскую войну как первую «финскую модерновую войну».² Это утверждение основывается на том, что борьба «красных» и «белых» за власть включала такие характерные для современности элементы, как активное участие в войне детей, жесткие политические чистки, террор, напоминающий военные преступления, боевые действия в городах, а также использование для проведения военных операций в карательных целях т.н. «летучих отрядов». По его мнению, ситуация весны 1918 г. напоминала именно современную борьбу против терроризма, где враг среди своего собственного народа, но при этом не всегда можно определить, кто же «враг», а кто является «своим».³

17. Duuma on täyttänyt apurityötä // Työmies. 1910, 11.06. S. 2.
18. Kenraalikuvernööri Nikolai Gerard // Helsingin Sanomat. 1905, 24.11. S. 3; Uusi kenraalikuvernööri // Uusi Suometar. 1905, 24.11. S. 2; Uusi kenraalikuvernööri // Kansan Lehti. 1905, 25.11. S. 2.
19. Финляндия. Обзор периодической печати. Вып. 13. СПб, 1907. С. 268.
20. Там же. Вып. 18. СПб, 1911. С. 20–23.
21. Generalmajor Seyn – generalguvernörsadjoint // Hufvudstadsbladet. 1907, 02.12. S. 2; Kenraali Seyn'in nimitys kenraalikuvernöörin apulaiseksi // Suomalainen Kansa. 1907, 02.12. S. 4; Kirje Helsingistä ('Wiipurin' omalta kirjeenvaihtajalta). Viimeinen suuri asia // Wiipuri. 1907, 05.12. S. 2.
22. Furuholm O. Inför reaktionens hydra... // Fyren. 1907, 07.12. S. 1.
23. Generalmajor Seyn generalguvernörsadjoint i Finland // Nya Pressen. 1907, 01.12. (№326A). S. 4; Kenraali Seyn'in nimitys kenraalikuvernöörin apulaiseksi // Suomalainen Kansa. 1907, 02.12. S. 4.
24. Luntinen P. F.A. Seyn – A Political Biography of a Tsarist Imperialist as Administrator of Finland. Helsinki, 1985. P. 52–54.
25. Kirje Helsingistä ('Wiipurin' omalta kirjeenvaihtajalta). Viimeinen suuri asia // Wiipuri. 1907, 05.12. S. 2.
26. Юссила О., Хенттля С., Невакиви Ю. Политическая история Финляндии 1809–2009. М., 2010. С. 116.
27. Ensimmäinen voitto – Stolypinin voitto // Suomalainen Kansa. 1909, 14.10. S. 3; Valtiollinen asema vakava // Laatokka. 1909, 14.10. S. 3.
28. Ensimmäinen voitto – Stolypinin voitto // Suomalainen Kansa. 1909, 14.10. S. 3.
29. Kun sapelisenaahti ei osaa maan kieliä... // Kurikka. 1910, 01.02. S. 5.
30. A.H. Suomen marionetti-senatti // Tuulispää. 1910, 02.09. S. 1.
31. Federley A. Vår framtidssenat // Fyren. 1910, 05.02. S. 1.
32. Ibid.

Работа профессора Або Академии Ларса Вестерлунда⁴ является частью большого государственного финского проекта «Людские потери в Финляндии в военные 1914–1922 гг.». В 2013 г. она вышла на русском языке отдельной книгой.⁵ Книга четко структурирована, в конце имеется поименный список известных жертв расправы, составленный автором. Автор не смог достоверно установить, от кого же непосредственно исходила инициатива расстрелять большую группу арестованных в Выборге русских граждан. Однако Вестерлунд категорически отрицает версию о «самоуправстве» ворвавшихся в город солдат «белых», указывая на организованный характер расстрелов. Ученый возлагает вину за их организацию на офицеров-«егерей». ⁶ Более того, автор высказывает интересное предположение, что, устроив резню в Выборге, «егеря» пытались спровоцировать РСФСР на ответные действия и развязать войну между Россией и Финляндией.⁷

В его работе были подняты не менее интересные вопросы, один из которых: являлись ли расстрелы в Выборге «этническими чистками» или тем более геноцидом?⁸ Представляется, что работа ценна прежде всего своим фактическим материалом, но в тех оценках, которые даются автором о ходе событий, все же наблюдаются явные политкорректные и толерантные ноты, которые навязаны автором обществом, в котором он живет.⁹

Продолжает проблему тюремных лагерей в Финляндии работа финской исследовательницы Т. Пеккалайнена, в которой автор рассматривает положение осужденных в «красных» лагерях.¹⁰ По данным, представленным в работе, на основе большого количества архивных материалов, «белые» победители не были готовы к такому количеству заключенных, которое в результате получили к весне 1918 г. и, разумеется, финансирования не хватало.¹¹ Продолжая свои исследования, посвященные изучением лагерей, Пеккалайнен была опубликована монография, касающейся проблемы женщин, заключенных в лагерях.

Следующей же работой в линейке книг о терроре «белых» стала работа о содержании детей в лагерях.¹² Данную проблему, по понятным причинам, долгое время старались умолчать, однако, репрессиям карательных органов подвергались помимо взрослых немалое количество детей, которых также направляли в лагеря.¹³ Автор обращает внимание, что сведения о количестве детей, находившихся в заключении и приговоренных затем к расстрелу, начали откры-

то обсуждать в Финляндии лишь совсем недавно¹⁴ и приводимые объективные по этому поводу сведения могут только вызывать ужас. Но, что весьма показательно, тогда дети, так же как их родители, сами активно включились в гражданскую войну. Исследовательница обращает особое внимание, что самому юному погибшему в бою красногвардейцу было всего девять лет.¹⁵

Действительно, детское население также вынуждено было участвовать в гражданской войне, и в результате около 1500 детей затем оказались в лагерях, а двадцать из них, по соответствующему решению суда, были казнены.¹⁶ В результате исследования Пеккалайнен удалось установить, что во время войны детей до 15-летнего возраста погибло более трехсот человек.¹⁷ Одной из первоочередных причин их смерти стали расстрелы, а также заболевания и голод.¹⁸ Кроме того, дети пострадали от взрывов, аварий и пожаров, которые за время гражданской войны случались повсеместно.¹⁹

Большой вклад в изучение войны, а также лагерей военнопленных внес известный историк, профессор Хейки Уликангас в своей работе «Дорога в Тампере».²⁰ Целью своей работы он считал проведение своеобразной черты под событиями 1918 г. Для того чтобы этого добиться, по мнению автора, надо сказать правду даже о том, о чем до сих пор предпочитали умалчивать. Исследователь рассмотрел ключевой момент в истории гражданской войны – захват в 1918 г. «белыми» войсками Таммефорса (Тампере). Причем Х. Уликангас в своем труде использует большое количество ранее неопубликованных материалов. Эта работа нацелена на определение истинного хода событий, и автор явно не придерживается ни одной из устоявшихся точек зрения на войну. Основой противостояния, по его мнению, был этнический гнев.²¹ Уликангас старательно показывает, что официальное расследование, проводимое в первые годы после войны, имело в себе огромное количество неточностей: неверные данные о пропавших без вести или бежавших в Россию «красных» солдат, а также о расстрелах заключенных.²²

В ходе проделанного исследования четко стало известно, что в Таммерфорсе в конечном счете скончалось около 2 000 «красных», причем более половины из них были казнены.²³ В результате, исследования Улигангаса отличаются от своих предшественников тем, что он предпринял попытку всестороннего изложения событий через повседневную жизнь участников.

В современной историографии отдельную нишу занимают исследования, посвященные гендерной истории. Начинает появляться большое количество работ, посвященных участию женщин и детей в военных событиях.

Интересную тему для своего исследования выбрал профессор университета Тампере Т. Хоппу. Он в своей работе попытался развенчать установленные в финской историографии мифы относительно женщин, выступавших на стороне красногвардейцев в сражении при Таммерфорсе.²⁴ В начале исследования автор рассматривает социальное положение женщин в Финляндии к началу XX в. Далее он уже уделяет особое внимание возникновению вооруженных женских отрядов и той роли, которую они внесли в битву за Таммерфорс в марте 1918 г. В заключительной же главе рассматривается дальнейшая судьба женщин, которые выжили после гражданской войны.²⁵

Также как и профессор Х. Уликангас, Хоппу своей основной целью ставит восстановить истинный ход событий и избавиться от тех мифов, которыми были наделены женщины на фронтах войны в период активного изменения в восприятии войны и наделении «красных» участников чрезмерным героизмом и отвагой, тогда как другая сторона конфликта, «белые», начали обвиняться во всех ужасах войны.²⁶

Исследователь указывает на чрезмерное идеализирование женских отрядов, которые в период 1960–1980 гг. были воспеты как герои, и тот факт, что они непосредственно внесли огромный вклад в битву.²⁷ Это заключение кажется достаточно сомнительным, поскольку в исследовании автор все же затрагивает биографии лишь части женщин, принимавших участие в событиях, и поэтому говорить о массовом нежелании воевать и о дезертирстве кажется, вероятно, неверным. В целом, это тщательно подготовленное исследование, которое обеспечивает новую, важную и интересную информацию о женщинах, которые в 1918 г. взяли в руки оружие; данная работа вносит свой, определенный вклад в проблемы изучения гендерной истории.

Гражданская война 1918 г. расколола финское общество на два лагеря, и, как это можно заметить, в результате анализа изданных в Финляндии в начале XXI в. работ, следы этого раскола ощущаются в национальном сознании и по сей день. Гражданскую войну,

безусловно, нельзя назвать «освободительной», но сама идеология «освободительной» войны до сих пор прочно укоренилась в сознании определенной части финского населения.

Тем не менее, важным, с точки зрения дальнейшего исследования событий гражданской войны, стало еще широкое подключение финского общества к обсуждению тех или иных проблем того периода. В этом плане существенную роль продолжают играть органы массовой информации и различные сайты интернет-ресурсов Финляндии.

Так, помимо большого числа изданных книг на тему гражданской войны, в 2000-е гг. в Финляндии начали свою работу еще ряд интернет-проектов. В рамках интернет-проекта «Финская освободительная война 1918 г.»,²⁸ составлены, в частности, списки с краткими биографическими данными павших в бою, казненных и умерших в заключении как сторонников «красных», так и «белых». Кроме того, стартовал по инициативе премьер-министра Финляндии Пааво Липпонена в 1998 г. проект «Людские потери в Финляндии в военные 1914–1922 гг.», причем он был поддержан всеми фракциями парламента, а при канцелярии Государственного совета была даже сформирована дирекция проекта, которую возглавил ранее упомянутый профессор Хейкки Уликангас. Само же руководство проектом было поручено специалисту по истории государства и права, одному из руководителей архивной службы Финляндии, также уже упоминавшемуся, профессору Ларсу Вестерлунду.²⁹ В рамках проекта были подготовлены и опубликованы несколько томов, посвященных людским потерям 1914–1922 гг., в том числе три тома общим объемом свыше 800 страниц о потерях среди русского населения в этот период.³⁰ Судя по количеству посетителей сайта (более 390 тыс. за четыре года) гражданская война 1918 г. и по сей день продолжает волновать финнов.

В целом, можно сказать, что в финских современных исследованиях видна отчетливая эволюция взглядов на события гражданской войны. Финские ученые практически перестали использовать термин «освободительная война» и уже официально событиям 1918 г. присвоено название «гражданская война». Тенденция в более детальном изучении истории присуща и историческим кругам Финляндии. Сейчас на первый план выносятся исследования, затрагивающие эмоциональную составляющую случившихся событий.

В большом количестве публикуются дневники и воспоминания заключенных лагерей, особое внимание уделяется проблеме участия в войне женщин и детей, начинают появляться работы, рассматривающие какие-либо определенные боевые действия, а не всю войну в целом. При этом очевидно, что финские историки явно стремятся к более объективному восприятию случившихся событий. Ситуация относительно официальной точки зрения и «освободительного» характера войны 1918 г., которая именовалась таковой вплоть до середины XX в., очевидно, начала меняться, поскольку в Финляндии уже стали также весьма открыто заявлять об ужасах не только «красного», но и «белого террора» и о неправомерных действиях правительства.³¹ Причем, в современных условиях некоторые финские историки, занимающиеся изучением гражданской войны, признают сторонников «белого движения» одними из главных организаторов «террора», прокатившегося по территории Финляндии в 1918 г.³² Тем не менее, пытаюсь все же понять природу произошедшей в 1918 г. в Финляндии гражданской войны, некоторые исследователи теперь, стремясь к объективной оценке событий 1918 г. в Финляндии, начали изучение социальных последствий войны.

1. *Tikka M.* Kenttäoikeudet. Välittömät rankaisutoimet Suomen sisällissodassa 1918. Suomalaisen Kirjallisuuden Seura. Hels., 2004. 447 s.
2. Ibid. S. 28.
3. Ibid. S. 29.
4. *Westerlund L.* Me odotimme teitä vapauttajina ja te toitte kuolemaa – Viipurin valloituksen yhteydessä teloitettut venäläiset // Venäläissurmat Suomessa 1914–22: Osa 2.2. Sotatapahtumat 1918–22. Turku. S. 97–189.
5. *Вестерлунд Л.* Мы ждали вас как освободителей, а вы принесли нам смерть... СПб., 2013.
6. См. об этом: Там же. С. 47–50.
7. Там же.
8. Там же. С. 85–89.
9. *Смолин А. В.* Ларс Вестерлунд. «Мы ждали вас как освободителей, а вы принесли нам смерть...» СПб.: Аврора-Дизайн, 2013. – 128 с. // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. 2014. № 12. С. 254–259.
10. *Pekkalainen T.* Punavankileirit 1918: Suomalainen murhenäytelmä. Tampere. 2007. 689 s.
11. Ibid. S. 17.
12. *Pekkalainen T.* Lapset sodassa 1918. Hels., 2014. 546 s.
13. См. об этом: Ibid. S. 245–250; *Tikka M.* Kenttäoikeudet. Välittömät rankaisutoimet Suomen sisällissodassa 1918. Suomalaisen Kirjallisuuden Seura; *Tikka M.* Terrorin aika. Suomen levottomat vuodet 1917–1921. Jyväskylä, 2006; *Turunen M.* Veripellot. Sisällissodan surmatyöt Pohjois-Kymenlaaksossa 1918. Jyväskylä, 2008. S. 105–106.; *Malmi U.* Suomessa ei kaihdettu lasten teloituksia sisällissodan aikaan. Режим доступа: <http://yle.fi/uutiset> (дата обращения: 15.03.2014); *Lindstedt R.* Kadotettiin järjen kesä 1918 – Режим доступа: <http://suomenkuvalehti.fi>. (дата обращения: 22.03.2014).
14. *Pekkalainen T.* Lapset sodassa 1918. S.15.
15. Ibid. S. 148–149.
16. Ibid. S. 24.

17. Ibidem.
18. Ibid. S. 34.
19. Ibid.
20. *Ylikangas H.* Tie Tampereelle. Hels., 1993. 569 s.
21. Ibid. S. 28.
22. Ibid. S.46.
23. Ibid. S. 241.
24. *Hoppu T.* Tampereen naiskaarti. Myytit ja todellisuus. Tampere, 2008. 272 S.
25. Ibid. S. 198–265.
26. Ibid. S. 45–47.
27. Ibid. S. 68.
28. Suomen vapaussota 1918. Режим доступа : <http://www.vapaussota.fi/> (дата обращения: 20.04.2015).
29. Ibid.
30. Venäläissurmat Suomessa 1914–22. Osa 1. Sotatapahtumat 1914–22 // Valtioneuvoston kanslian julkaisusarja. 2004. №1. 283 s.; Venäläissurmat Suomessa 1914–22. Osa 2.1. Sotatapahtumat 1918–22 // Valtioneuvoston kanslian julkaisusarja. 2004 № 2. 285s.; Venäläissurmat Suomessa 1914–22. Osa 2.2. Sotatapahtumat 1918–22 // Valtioneuvoston kanslian julkaisusarja. 2004. 3. 303 s.
31. *Вестерлунд Л.* Мы ждали вас как освободителей, а вы принесли нам смерть... С.5.
32. См.: *Лобанова Д. Р.* Социальные последствия гражданской войны в Финляндии // Санкт-Петербург и страны Северной Европы №16. СПб., 2015. С. 62–72.

**Языковые средства создания образа финна
в текстах советской центральной печати
периода финской оккупации Карелии 1941–1944 гг.**

По сравнению с масштабом действий немецких войск, степень участия финнов в период боевых действий на территории СССР в 1941–1944 гг. была мала, внимание советской пропаганды в это время было отвлечено на более грозного и опасного противника. Фактически возможность обратиться к образу этого противника более или менее пристально пропаганда получила только в 1944 г. – во время освобождения Карельского перешейка и Советской Карелии.

Значительные военно-пропагандистские сборники в этот период, по-видимому, не создавались по причине относительной кратковременности боевых действий против Финляндии в этот период, однако борьба, очевидно, сопровождалась какими-то агитационными мероприятиями – такими, как производство плакатов, листовок и т. п., освещалась в центральной прессе и фронтовых газетах. Исходя из этого, в качестве основного материала можно, вероятно, использовать тексты газеты «Правда» за июнь–август 1944 г. (время проведения Выборгско-Петрозаводской операции), а также некоторые агитационные плакаты того периода и брошюры «Вася Теркин на Ленинградском фронте»,¹ посвященной борьбе с гитлеровцами, где тоже частично использовались определенные образы финнов. Всего было рассмотрено 100 минимальных контекстов, 120 словоупотреблений.

В результате можно на достаточно богатом материале проанализировать, какие языковые средства употреблялись для описания и характеристики финнов в этот период.

В этот момент особенно актуализируется идея преступности действий Финляндии, но в отличие от периода боевых действий 1939–1940 гг., совершенно исчезают характеристики типа «жулики» и т. п., представляющие противника силой несерьезной и малозначимой. Ведущими лексемами, обозначающими врага, становятся «бандит» и «разбойник» (12 случаев употребления, 10,4%): «Бандиты сожгли металлургический завод», «Они бандиты, хуже бандитов», «Раскрываются новые факты чудовищных злодеяний финских раз-

бойников»,² «Финские разбойники продуманно, систематически, планомерно уничтожали всю промышленность».³ Власти Финляндии могут характеризоваться в этом же ключе и называться, например, «главарями»: «Финские главари встревожены массовым бегством финнов, особенно солдат, из Финляндии в Швецию».⁴

Значительным по частоте (15 случаев употребления, 13,1%) средством для обозначения врага становится лексема «захватчик»: «От подлых немецко-финских захватчиков освобождена столица нашей республики»,⁵ «Более двух лет немецко-финские захватчики хозяйничали на значительной части Ленинградской области», «Их родная магистраль освобождена от немецко-финских захватчиков»,⁶ «Немецко-финские захватчики причинили большие разрушения дороге».⁷ Таким обозначением подчеркивается деятельная агрессивная позиция противника. При этом в отличие от лексемы «военщина», характерной для пропаганды конца 1930-х гг., подобное именование знакомит адресата с конкретным совершенным противником действием, а не просто с его агрессивными намерениями, что в пропагандистском плане явно более выгодно, к тому же имеет некоторые основания в действительности. Сама конструкция «немецко-финские» устанавливает прямую связь финнов с немецкими войсками. Идея такой связи последовательно проводится в текстах, при этом финны представлены не самостоятельной силой, а помощниками, подчиненными немцев при помощи лексем «холоп», «лакей» и подобных: «Финским мерзавцам, как и немецким, международные законы не писаны»,⁸ «Финские выгученики Гитлера сделали столицу нашей республики неузнаваемой», «Финские холопы Гитлера в бессильной злобе уничтожили сотни жилых домов», «Финские холопы Гитлера просчитались».⁹ Лексика этой сферы встретилась 18 раз (15,7%). Опосредованно эта же идея выражается в назывании финнов «фашистами»: «Финско-фашистская газета “Аян Суунта”»,¹⁰ «Злодеяния финско-фашистских захватчиков на территории Карело-Финской ССР»,¹¹ «Финские фашисты давно сотрудничают с гитлеровской Германией».¹² Именование финнов «фашистами» совершенно нехарактерно для периода советско-финской войны 1939–1940 гг., но в отношении, например, японцев в период 1936–1939 гг. такое определение использовалось очень часто. Этот факт можно объяснить тем, что лексема «фашист», кроме того, что характеризовала враждебные по отношению к Советскому

Союзу политические воззрения противника, уже к концу 1930-х гг. тесно связывалась с образом немца. Подписание в 1939 г. пакта о ненападении с Германией потребовало от советской пропаганды лояльного отношения к немцам (что мы и видим, например, на страницах газеты «Правда» в период с августа 1939 по июнь 1941 гг.), и от называния врага «фашистом» в конце 1939 г. пришлось отказаться, скорее всего, по этой причине. В текстах же данного периода лексика этого гнезда встретилась 20 раз (17,5%).

Стремление представить финнов прямыми пособниками немцев объясняется тем, что за три года борьбы с немецкой армией в сознании советских граждан именно «немец» и «фашист» стал носителем всего самого дурного и опасного, значит, представление любого противника через призму его отношений с Германией должно было производить максимальный пропагандистский эффект. Надо заметить, что в отношении финнов такое сопоставление имело основания, поскольку войска Финляндии вели боевые действия в непосредственном контакте с немецкими соединениями и внешняя политика Финляндии во многом определялась влиянием военизированных организаций.

Можно сказать, что в этот момент идея связи с Германией стала аналогом идеи связи Финляндии с капиталистическими странами в период 1918–1922 гг. и 1939–1940 гг. Надо полагать, что в качестве «покровителя» Финляндии избиралась то государство, упоминание которого вызывало в тот момент более негативную реакцию. При этом связь Финляндии с Германией в рассматриваемый период подчеркивалась более последовательно, чем ее связь с капиталистическими странами во время Гражданской и советско-финской войн.

Финнов также называют «извергами», «рабовладельцами» и «палачами»: «Сейчас ее имя с гордостью произносят жители Олонца, освобожденного от финских извергов»,¹³ «К ответу финских извергов!», «Ныне, перед лицом неопровержимых фактов, финны изобличены в том, что они ничем не отличаются от немецко-фашистских извергов», «“Пленных” детей финские рабовладельцы наравне со взрослыми заставляли выполнять непосильную работу»,¹⁴ «Он осмелился не выполнить приказ финских рабовладельцев»,¹⁵ «Советские военнопленные, которые, по мнению финско-фашистских палачей, плохо работали...».¹⁶ Эти характеристики представляют финнов гораздо более опасными, грозными и активными врагами,

чем в предшествующие периоды. Опасность, исходящая от них, имеет теперь конкретное воплощение, а не просто выражается в каких-то агрессивных намерениях. Лексика данной сферы встретилась 15 раз (13,1%).

Редко встречаются элементы, отражающие связь действий финнов в этот момент с их деятельностью в 1939–1940 гг.: «Этот молодой палач только повторял проповеди своих учителей – Таннера, Рюти и других»,¹⁷ «Справка. Бит на линии Маннергейма 1940»¹⁸ – эти элементы призваны, по-видимому, напомнить о прошлых победах и уже тем самым поднять боевой дух.

Наиболее важным отличием образа финна этого периода от этого образа предшествующих времен является полное отсутствие классовых характеристик, описывающих противника. По отношению к врагу более практически не используются весьма частотные в печати периода советско-финской войны 1939–1940 гг. лексемы «белофинн», «белогвардеец» или «буржуазный» (ср. например, «Собрание граждан города Петсамо, освобожденного от власти белофиннов»,¹⁹ «Бойцы, командиры и политработники, награжденные орденами Союза ССР за образцовое выполнение боевых заданий на фронте борьбы с финской белогвардейщиной».)²⁰ Хотя надо заметить, что в газетных текстах, созданных в этот период, но описывающих события 1940 г., финны все же называются «белофиннами». Это можно объяснить, во-первых, тем, что достаточно сложно было отказаться от способов характеристики врага, к которым адресат уже привык при восприятии информации об этом периоде, во-вторых, очевидно, враг в 1944 г. воспринимался совсем по-иному, чем в 1940 г. Исчезла всякая связь между «финном – “белофинном”» и «финном – “фашистом”». Эту мысль подтверждает и довольно нечастое отражение авторами текстов связи действий финнов в 1940 г. и 1944 г.

Также исчезают упоминания о многочисленных силах, поддерживающих Советский Союз внутри Финляндии, характерные для советской массовой печати более ранних периодов (ср., например: «Наступление сев. колонны белофиннов отражал красный финский батальон»²¹). Теперь перед адресатом встает принципиально иной, чем в период более ранних столкновений с Финляндией, образ финна – не разделенного по социальному признаку, но противостоящего СССР как единая мощная сила. На этом этапе советская пропаганда очень часто называет финна-врага просто «финном», что не

свойственно ей в предшествующие периоды, когда в массовой печати последовательно проводилась мысль о разделенности народа Финляндии по социально-классовому признаку (ср., например: «Куусинен отправился нелегально в Финляндию, чтобы помочь финским рабочим в их борьбе против белого террора»)²². Этот сдвиг кажется наиболее показательным и принципиальным в эволюции образа финна в советской массовой печати – мы видим, как от классовой модели описания образа врага советская пропаганда переходит к собственно национальной, более «традиционной», присущей пропаганде, например, дореволюционного периода.

Таким образом, при описании «финна-врага» данного периода наблюдаются ясные направления в развитии этого образа в органах массовой печати. Прежде всего заменяется четкая однозначная связь противника с белым движением внутри России, характерная для советской военной пропаганды периода 1918–1940 гг. на аналогичную связь, но уже с германскими агрессорами. Эта тенденция наиболее отчетливо заметна в период 1944 г. и выражается в конструкции «фашист», «финско-фашистский», «холопы Гитлера» и т. п.

Кроме того образ «финна-союзника» совершенно исчезает со страниц массовой печати. Противник представляется перед адресатом объединенным по национальному признаку, при этом также сравнительно редко встречаются наименования отдельных военизированных группировок (типа шюцкор, лапуасцы, характерные для советской пропаганды более ранних периодов), а читатель имеет дело с «финном» вообще (при этом в действительности эти группировки никуда не исчезают, но внимание на них пропаганда перестает обращать). Негативные характеристики теперь уже относятся ко всем финнам.

Яркой характеристикой противника также является сохраняющаяся мысль о преступной сущности действий врага, усиливаемая лексем «бандиты», «главари» и т. п. Но при этом характерным является то, что враг совершает преступления в гораздо большем, чем раньше, масштабе и представляется более «мощным», а также весьма «опасным».

1. Вася Теркин на Ленинградском фронте. Л., 1943.

2. Правда. 1944, 7 июл.

3. Там же. 18 август.

4. Там же. 4 июл.

5. Там же. 2 июл.

6. Там же. 7 июл.

7. Там же. 17 июл.

8. Там же, 18 августа.

9. Там же. 7 июл.

10. Там же. 4 июл.

11. Там же. 18 августа.

12. Там же. 5 июл.

13. Там же. 7 июл.

14. Там же. 18 августа.

15. Там же. 7 июл.

16. Там же. 18 августа.

17. Там же. 18 августа.

18. С плаката.

19. Правда. 1939, 8 дек.

20. Там же. 25 янв.

21. Большая Советская энциклопедия. Т. 45. М., 1940.

22. Известия. 1920. 25 фев.

Поэт Илья Авраменко на финском фронте

С началом советско-финляндской войны 1939–40 гг. многие поэты и писатели были прикомандированы к газетам, выходящим в различных подразделениях армии и флота.

По приказу № 0691/оп Главного Военного Совета РККА от 25 декабря 1939 г. на базе Оперативной группы 7-й армии, действовавшей в восточной части Карельского перешейка, была сформирована 13-я армия. В это же время в политуправлении 13-й армии была образована красноармейская газета «Во славу Родины». Ответственным редактором был назначен Михаил Владимирович Погарский, в состав редакции были включены писатели Борис Горбатов, Владимир Поляков, поэты Илья Авраменко, Илья Френкель, художник Василий Селиванов.

На фронт Илья Авраменко отправился 30 декабря 1939 г., о чем становится известно из дневника Елены Вечтомовой. В нем сохранилась такая запись: «Илья А. все же едет сегодня на фронт. Заходил прощаться. Вид у него как был в Ун-те, так и остался, только суше лицо да глаза острее».¹ Оставил Илья Авраменко и записку с адресом почтовой полевой станции действующей Красной Армии для писем, где было написано: «Ну вот и все, милая Елена! Привет Звездочкам. Адьдо до конца финской кампании. Жаль никого не увидел. Временем ограничен крайне». Далее содержалась уже информация «ДКА. Почтовая полевая станция 231. Редакция газеты “Во славу Родины”».²

Боевые действия на участке фронта 13-й армии довольно хорошо изучены. Однако конкретных сведений о работе газеты «Во славу Родины» и ее номеров за период советско-финляндской войны на данный момент пока не обнаружено. Возможно, информация о газете отложилась в фондах Российского государственного Военного архива, где хранятся сведения о работе редакций фронтовых и армейских газет, а также статьи, очерки, письма, брошюры, подборки газет, таких как: «Боевая красноармейская», «Вперед», «Ленинский путь», «Кировец», «Боевой рубеж», «За оборону Родины» и другие.³

Тем не менее, в феврале 1940 г. редакцией газеты «Во славу Родины» был выпущен сборник фронтовой поэзии, который назывался:

«Мы с песнями шли на врага», в который вошли лучшие стихи и песни. Этому сборнику предшествовало предисловие, в котором, в частности, говорилось: «В рядах защитников северо-западных границ СССР и великого города Ленина находятся писатели и поэты – бойцы, командиры и политработники Красной Армии. Победоносная поступь красных войск сопровождается песнями и стихами, рожденными в походе, в жестоких боях. Фронтовая песня, меткое четверостишие, короткая частушка всегда были верным спутником красноармейца в боях за социалистическую Родину». Далее уже подчеркивалось: «Редакция красноармейской газеты “Во славу Родины” выпускает этот сборник первых стихов и песен, созданных в боях с финской белогвардейщиной. Авторы их – непосредственные участники боев – красноармейцы, командиры, политруки и поэты, работающие в армейской печати».⁴

В сборник вошло четыре стихотворения Ильи Авраменко, одно из которых «Подвиг» посвящено Герою СССР Петру Федоровичу Куксову, погибшему в боях за овладение опорным пунктом противника на берегу озера Сувантоярви (озеро Суходольское). Стихи очень ярко отражают пафос событий того времени:

«Был Куксов непреклонен и неистов.
Всей силой воли, собранной в кулак,
Он вел на штурм, – так водят коммунисты, –
Он вел бойцов двенадцать раз на приступ
И отступил им побежденный враг!
Своей страны никто в бою не предал,
Не струсил, не сбежал, не изменил,
Но батальон вернулся к нам с победой
Лишь потому, что Родину любил».⁵

В отделе рукописей Российской Национальной Библиотеки в личном фонде художника В. Н. Селиванова сохранился сборник «Мы с песнями шли на врага» с дарственной надписью от Ильи Авраменко. Его слова носят весьма выразительный характер. Поэт подчеркивает: «Товарищ Селиванов, ты был художником, ты был цинкографом, а главное, ты был настоящим товарищем в нашей

общей боевой работе. Пройдут годы, будем перелистывать подшивки боевой газеты нашей и при виде рисунков художника Селиванова будем смеяться, как не смеялись в горячие дни битв».⁶

Далее события советско–финляндской войны нашли свое отражение в творчестве поэта, отраженном в сборнике «Походная тетрадь», который вышел в декабре 1940 г. Книга представляет собой лирический дневник, куда автор заносил важнейшие свои наблюдения, мысли, впечатления. Она овеяна живым дыханием походов, боев, подвигов и побед, проникнута единым, целостным патриотическим настроением.

В отделе редких книг Центральной Городской Детской библиотеке им. А. С. Пушкина (Санкт-Петербург) сохранилась рукопись, по которой можно проследить работу поэта над этим сборником. Что же касается самого сборника, то, в частности, представляет несомненный интерес одно из стихотворений, которое посвящено гибели ленинградского писателя М. Ф. Чумандрин, работавшего во время советско–финляндской войны в газете 9–й армии.⁷ Это произведение называется «Героический поход», но на самом деле оно касается героической смерти писателя в феврале 1940 г. В целом сборник «Походная тетрадь» нашел широкий отклик среди читателей. Уже во время Великой Отечественной войны политработники на привалах и в промежутках между боями читали бойцам эти хорошие, нужные, актуальные и действенные стихи, зовущие к подвигу, вдохновляющие на победу. При этом, что очень важно, стихотворные произведения Авраменко, собранные в этой книге, документировано достоверны. Это настоящие сюжетные стихи. Их сюжетное напряжение «рождено самой природой героической темы; их маршевые ритмы диктуются накаленной обстановкой сражений».⁸ Показательно, что ряд стихотворений из сборника «Походная тетрадь» («Полковая гаубица», «Шофер», «Танкист») были затем еще опубликованы в журнале «Ленинград».⁹

После окончания советско–финляндской войны приказом Народного комиссара обороны СССР от 27 марта 1940 г. газета «Во Славу Родины» была расформирована, и Илья Авраменко вернулся на прежнее время работы. К событиям зимы 1939–1940 гг. он обратился уже в 1941 г., собирая и литературно обрабатывая вместе с другими писателями и журналистами воспоминания участников событий для сборников «Бои в Финляндии» и «Бои на Карельском перешей-

ке».¹⁰ Кроме того, в июне 1941 г. вышел еще один сборник Ильи Авраменко «Родине присягаю», посвященный советско–финляндской войне, в который вошло и несколько новых стихотворений.

1. Из личного архива Е. А. Вечтомовой.

2. Там же.

3. См.: Российской государственной Военный архив. Ф. 34980.

4. Мы с песнями шли на врага. Сборник фронтовой поэзии. Издание красноармейской газеты «Во славу Родины». Л., 1940. С. 3–4.

5. Там же. С. 11.

6. Отдел рукописей Российской Национальной библиотеки. Ф. 1249.

7. См.: *Ортенберг Д.И.* Время не властно. Издание второе. М., 1979. С. 480.

8. *Набуттов В.* Рецензия на сборник И. К. Авраменко «Походная тетрадь» // Звезда. 1941. № 9. С. 106.

9. См.: Ленинград. 1940. № 23–24.

10. Бои в Финляндии. Воспоминания участников. I–II части. М., 1941; Бои на Карельском перешейке. Воспоминания участников. М., 1941.

«Записки сапера» Бориса Лихарева как документальное повествование о боевых действиях 155 стрелковой дивизии на карельском направлении (1939–1940)

Литературное наследие ленинградского поэта Бориса Михайловича Лихарева, участника советско-финской (1939–1940) и Великой Отечественной войны (1941–1945), хорошо известно библиографам и литературоведам. Среди его военных произведений есть, однако, одно, которое, на наш взгляд, не было всесторонне исследовано специалистами и, как следствие, не получило до сих пор должной оценки. Это произведение написано в сравнительно редком для поэта жанре документальной прозы и посвящено событиям советско-финляндской войны.

Военная тема занимает важное место в творчестве Б. М. Лихарева. И его имя, как военного корреспондента и фронтового поэта, по праву вписано в летопись Великой Отечественной войны. Достаточно сказать, что именно его стихотворение было напечатано на обложках для удостоверения к медали «За оборону Ленинграда», учрежденной в декабре 1942 г. и вручавшейся всем защитникам города Ленина.

Но в послужном списке поэта есть еще одна война – советско-финляндская, которую он прошел не военным журналистом, а командиром саперного взвода в «матушке-пехоте», заслужив здесь свою первую боевую награду – орден Красного Знамени. Эта яркая страница в биографии Бориса Лихарева и связанный с ней жизненный опыт нашли отражение и в его литературном творчестве. Им было опубликовано несколько рассказов и очерков, посвященных событиям советско-финской войны, а также два более крупных произведения: «Рассказы о саперах» (в серии «Военная библиотека школьника») и «Записки сапера». Последнее произведение и привлекло наше внимание.

Следует отметить, что «Записки сапера» были опубликованы первоначально в журнале «Литературный современник» в 1940 г. В июле 1941 г. это произведение вышло отдельной книжкой в издательстве «Советский писатель». По сравнению с журнальным вариантом, который готовился к печати «по горячим следам» военных событий, и должен был соответствовать определенным требованиям военной

цензуры, текст книги имеет небольшие, но очень важные отличия, позволившие заинтересованному читателю взглянуть на это произведение Б. М. Лихарева под новым углом.

Приведенные Б. Лихаревым в книге (но отсутствующие в журнальном варианте) фамилии командного состава: командир дивизии комбриг Александр,¹ командир стрелкового полка майор Шишлов,² комиссар полка Партала³ – не оставляют сомнений, что рассказ в «Записках сапера» идет о боевых действиях вполне конкретного воинского формирования, а именно – 659-го стрелкового полка 155-й стрелковой дивизии.

Как известно, 155-я стрелковая дивизия была сформирована в сентябре 1939 г. в Калининском военном округе (Опочка) на основе 48-й стрелковой дивизии «тройного развертывания». Командиром дивизии был назначен помощник командира 48 стрелковой дивизии полковник Александров Петр Алексеевич (с 04.11.1939 г. – комбриг, с 04.06.1940 г. – генерал-майор).

В конце октября – начале ноября 1939 г. дивизия была перебросена по железной дороге в Карелию на станцию Медвежьегорск (Кархумяки) и затем сосредоточена в районе Поросозера (Пораярви); с 05.11.1939 г. – в составе 1-го стрелкового корпуса 8-й армии Ленинградского военного округа. В состав дивизии входили: 436-й, 659-й и 786-й стрелковые полки, 306-й артиллерийский полк, 129-й отдельный разведывательный батальон, 203-й отдельный саперный батальон, 421-й отдельный танковый батальон, а также ряд других частей и подразделений.

С началом советско-финляндской войны 155-я дивизия действовала на правом фланге 8-й армии на изолированном направлении Лиусваара, Куолисмаа, Мёхкё, Иломанси, Йоэнсу. Созданная, что называется, практически с нуля, и почти сразу развернутая до полного штата, дивизия представляла собой к началу войны весьма «сырое» в боевом плане соединение. Большой процент «запасников» (особенно среди младшего и среднего командного состава), отсутствие достаточного времени на боевое слаживание, значительное отвлечение личного состава на производство строительных работ (оборудование позиций и мест размещения, прокладка дорог и др.) – все это весьма отрицательно сказалось на боеготовности дивизии. Оценивая состав группировки войск РККА на карельском направлении, историк Ю. М. Килин, например, прямо пишет:

«Боевая подготовка личного состава дивизии была весьма низкой, а время до начала войны было использовано для строительства красноармейцами дорог, ведущих к границе от Поросозера по двум направлениям. Приписной состав старших возрастов в значительной части не умел пользоваться личным оружием, строить полевые укрепления... По своим боевым возможностям 155-я стрелковая дивизия была наиболее слабой из действовавших на этом направлении».⁴

Тем не менее, 155-й дивизии удалось вполне достойно показать себя в ходе войны с Финляндией. Действуя, как уже отмечалось, на самостоятельном направлении (без «локтевой» связи с «соседями» справа и слева), дивизия смогла создать определенные проблемы финскому командованию, одновременно не допустив на своем участке развития ситуации по трагическим «сценариям», какие имели место на участках других дивизий (139-й, 18-й и 168-й, входящих в состав 8-й армии, а также 163-й и 44-й, входящих в состав 9-й армии).

Есть основания считать, что именно эта своеобразная «автономность» и отсутствие «жесткой опеки» со стороны штаба корпуса сыграли положительную роль в судьбе дивизии. Известные документы характеризуют командира 155-й дивизии комбрига А. П. Александрова, как тактически грамотного, осмотрительного и, одновременно, волевого начальника, способного принимать самостоятельные решения и, при необходимости, брать на себя ответственность в интересах выполнения поставленной боевой задачи. Положительным фактором надо также признать наличие среди личного состава дивизии большого числа призывников из северо-западных районов Калининского военного округа (входящих сейчас в состав Псковской области), жители которых были более привычны к условиям леса и снежной зимы, благодаря чему они смогли достаточно быстро адаптироваться к особенностям местного театра военных действий.

Отметим, однако, что если формирование 155-й дивизии было произведено в Калининском военном округе, то последовавшее затем развертывание дивизии производилось на базе Ленинградского округа, что обусловило большой процент ленинградцев, призванных из запаса, особенно для замещения должностей командиров взводов. Одним из таких командиров, как раз, и был младший лейтенант запаса Б. М. Лихарев.

Здесь будет уместным сразу исправить неточность финской исследовательницы Анны Руха (Anna Ruha), которая описывает Б. М. Лихарева как военного корреспондента, занимавшего должность «командира подразделения саперов». В действительности, Борис Лихарев попал на войну не как военный корреспондент, а как командир запаса РККА, прошедший соответствующую военную подготовку (в качестве командира стрелкового взвода) и еще до начала войны призванный установленным порядком из запаса на действительную службу по своей военно-учетной специальности. Обстоятельства, при которых он по прибытии в часть был назначен командовать саперным, а не стрелковым взводом, хорошо описаны им в книге.

Как следует из «Записок сапера», вместе с автором в одном полку оказались и другие командиры – «запасники», с которыми он проходил в свое время военную подготовку и лагерные сборы. Это, например, командир взвода разведки Мельников – «экономист по гражданской профессии», которому Б. М. Лихарев посвятил в «Записках» отдельный очерк. Ленинградцами были также командиры запаса Валерий Цырлин, Федор Мичри.

Тему «запасников» в 155-й дивизии хорошо раскрывает в «Записках» и другой фрагмент: «Среди командиров нашей части, призванных в армию из запаса, были люди разнообразных гражданских профессий. Так, например, одной ротой командовал оркестрант из джаза. Журналист Ивановский, сотрудник пионерской газеты «Ленинские искры», командовал взводом в саперном батальоне, молодой художник был связистом. В большинстве своем это были инициативные товарищи, общая культура помогала им хорошо осваиваться в новой обстановке, вдобавок всем были памятные лагерные сборы».⁵

Так же документально точно Б. М. Лихарев описывает и личный состав своего взвода: «Мой молодой саперный взвод состоял преимущественно из псковичей, колхозников Новоржевского и Пушкинского районов. Среди вверенных мне красноармейцев были трактористы, плотники, печники, был кузнец, было три председателя колхозов, был директор маленькой лесопилки, – все народ толковый, грамотный, работающий».⁶

Безусловного внимания в «Записках» заслуживает описание общей обстановки в полковом лагере перед началом войны, которое привел Б. М. Лихарев в первом очерке под замечательно-образным

названием «Копай-город». Показанная в этом очерке картина масштабных земляных и строительных работ, связанных с обустройством лагеря и прокладкой дороги в сторону финской границы (на что ежедневно выделялся личный состав полка), вполне соотносится с материалами современных исследований, в которых военные историки указывают на большой отрыв подразделений дивизии, имевший место накануне войны (в ущерб боевой учебе). Автор «Записок», в частности, пишет: «...взвод получил час на послеобеденный отдых, потом люди отправились на постройку дороги... Валили и оттаскивали сосны, срывали бугры, перестилали мостками быстрые лесные ручейки. Два батальона пехотинцев (из трех, имевшихся в полку по штату. – М. П.) работали вместе с саперами».⁷

Эта картина вполне подтверждается и дошедшими до нас письмами красноармейцев. Так, боец 3 батальона 659-го стрелкового полка 155-й дивизии красноармеец А. Т. Тимофеев в письме от 26 ноября 1939 г. сообщал домой: «Мы были в Медвежьей горке, там высадились и живем в лесу. Строим землянки и прокладываем дороги. <...> А от финской границы стоим 2 километра во всей боевой готовности, ходим в караулы через два дня».⁸

Документальный характер повествования в «Записках сапера» позволяет сравнительно легко произвести «привязку» отдельных сюжетов и персонажей книги к реальным событиям.

Один из таких сюжетов связан с именем Анатолия Койды и затрагивает события, имевшие место в полосе действий 786-го стрелкового полка 155-й дивизии. Финское командование предприняло попытку обойти фланг 786-го полка и произвести нападение на подразделения полка в тылу основной позиции. Атаке подвергся также район дислокации штаба 786-го полка. Попытка оказалась безуспешной и была отражена личным составом полка. В ночном бою особенно отличился боец красноармеец Анатолий Койда (Кайда), инициативные, смелые и решительные действия которого в значительной степени предопределили общий успех дела.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 января 1940 г. «за образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте борьбы с финской белогвардейщиной и проявленные отвагу и героизм» красноармейцу Койде (Кайде) Анатолию Григорьевичу было присвоено звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда».

Подвигу А. Г. Койды (Кайды) был посвящен целый ряд публикаций в центральных и армейских газетах. Его краткое описание вошло в качестве боевого примера в «Руководство для бойца пехоты», изданное Управлением боевой подготовки Красной Армии в 1940 г.

Указанным событиям посвящена также книжка Г. Фиша и В. Ходакова «Шесть часов из жизни шофера Койды», изданная в 1940 г. в известной детской серии «Книга за книгой». (Это произведение позднее было переиздано в сборнике «Солдатский подвиг»).

Особого внимания в «Записках сапера» заслуживают, на наш взгляд, страницы, посвященные действиям подразделений лыжников-добровольцев. Следует отметить, что тема лыжных подразделений является одной из наименее исследованных в истории советско-финляндской войны. Поэтому любые дополнительные источники и свидетельства представляют особую ценность.

В перечне частей и подразделений, входивших в состав Действующей армии за время войны с Финляндией (Перечень № 8), показан «отдельный лыжный батальон 155 стрелковой дивизии». Дивизии был также придан 12-й лыжный батальон, сформированный в Московском военном округе из добровольцев. О лыжниках этого батальона и рассказывает Б. М. Лихарев в своих «Записках».

В числе добровольцев, составивших основу 12 батальона при его формировании, была группа студентов из Литературного института имени А. М. Горького. В списке студентов-добровольцев были такие известные сейчас историкам литературы имена и фамилии, как Арон Копштейн, Николай Отрада (Турочкин), Тотырбек Джатиев, Борис Заходер, Михаил Луконин, Платон Воронько, Григорий Цуркин и др.

1. Лихарев Б. Записки сапера. Л., 1941. С. 85.

2. Там же. С. 109.

3. Там же. С. 8.

4. Кишин Ю. М. Советская Карелия в 1939–1941 гг.: от автономии к союзной республике. Петрозаводск, 2012. С. 25.

5. Лихарев Б. Записки сапера. С. 10.

6. Там же. С. 5.

7. Там же. С. 20.

8. Центральный архив Министерства обороны РФ. Ф. 58. Оп. 977525. Д. 406. Л. 298, 299.

РЕЗЮМЕ/ ABSTRACT

УДК: 94 (480), 94 (47).083

Арзамасцева Е. Н. Российская власть в финляндской политической периодической печати начала XX века.

Работа посвящена анализу образа российской власти на страницах политической периодической печати Великого княжества Финляндского в 1905–1910 гг. В качестве источников использованы 9 газет и 3 журнала политической сатиры, выпускавшиеся крупнейшими политическими партиями Финляндии рассматриваемого периода. В статье анализируется восприятие финляндской прессой императора Российской империи и его прав, отношение к Государственной Думе Российской империи, «русификации» финляндского сената, а также оценка периодической печатью деятельности генерал-губернаторов Финляндии. Популярная в княжестве в начале XX в. идея о том, что Финляндия не является провинцией Российской империи, а находится в ней на особом положении, оказала большое влияние на отношение финляндской периодической печати к российской власти и ее представителям.

Arzamastseva E. N. Russian authorities in Finnish political periodicals of the beginning of XX century.

The article is based on the analysis of the image of Russian authorities in the political periodicals of the Great Duchy of Finland during the years 1905–1910. The main sources used were 9 newspapers and 3 journals of political satire published by the most influential political parties of Finland of that time. The paper covers the perception of the Russian emperor and his rights in Finnish periodicals, their attitude towards the State Duma of Russian Empire, “Russification” of Finnish Senate and governor-generals of Finland. The popular in the beginning of the XX century idea about special position of Finland within the Russian Empire had a big influence on the attitude of Finnish periodicals towards Russian authorities.

Ключевые слова: Российская империя, Великое княжество Финляндское, Государственная Дума Российской империи, периодическая печать Финляндии, политическая карикатура.

Keywords: Russian Empire, The Great Duchy of Finland, The State Duma of Russian Empire, Finnish periodicals, political caricature.

УДК: 359(09)

Бажанов Д. А. Продовольственное снабжение русских военных моряков в Финляндии в годы Первой мировой войны (август 1914 – январь 1917 гг.).

В статье рассматриваются малоизученные в историографии вопросы организации продовольственного обеспечения экипажей кораблей Балтийского флота, базировавшихся в Финляндии. Выявляются нараставшие особенно с 1916 г. объективные трудности, связанные с доставкой и заготовкой продуктов питания, анализируется позиция официальных властей по данному вопросу в контексте экономического положения Великого княжества.

Bazhanov D. A. The Food Supply of the Russian Navy Sailors in Finland in the Period of World War I (August 1914 – January 1917).

The article deals with the insufficiently known in historiography problems of the food ensure process of the crews of the Baltic Fleet, stationed in Finland. The author reveals the rising especially from 1916 objective difficulties, connected with the food delivery and billet. Also the position of the official authority on that question in terms of the whole economic and social situation in the Great Principality of Finland is analyzed.

Ключевые слова: Балтийский флот, военные моряки, Первая мировая война, снабжение, Финляндия.

Keywords: the Baltic Fleet, Finland, Navy sailors, World War I.

УДК: 94(480) "1941"

Барышников В. Н. Роль финской военной разведки в сражении за Выборг в августе 1941 г.

Сражение за Выборг в августе 1941 г. было проиграно Красной армией не только вследствие ошибок, которые принимались советским командованием, но и благодаря весьма эффективной финской военной разведки.

Baryshnikov V.N. The role of the Finnish military intelligence in the battle for the Vyborg in August 1941.

The battle of Vyborg in August 1941 have been lost by the Red Army not just in consequence of mistakes which been taken Soviet high command, but also due to a highly effective Finnish military intelligence.

Ключевые слова: Вторая мировая война, сражение за Выборг, 1941 г., финская военная разведка, Красная армия.

Keywords: World War II, the battle for Vyborg, 1941, the Finnish military intelligence, the Red Army.

УДК: 94(480)

Васара В.-Т. «Какую Финляндию мы должны создать?» Несколько взглядов на будущее молодой республики в 1918 г.

В работе рассматриваются альтернативные пути политического развития, открывшиеся перед Финляндией на заключительном этапе гражданской войны и сразу по ее завершении. При этом значительное внимание уделяется публицистике этого недолгого периода, которая могла повлечь за собой силы, способные изменить вектор политического курса страны и крупных человеческих масс, вовлеченных логикой исторического развития в гражданскую войну, а затем и в послевоенную политическую борьбу.

Vasara V.-T. «What Kind of Finland We Need to Create?» Few Views on the Future of the Young Republic in 1918.

The report examines alternative ways of political development, opened for Finland in the final phase of the Civil War and immediately after its completion. At the same time, considerable attention is given to journalism of this short period, which could result a change of the vector of political course of the country and the large masses of people, involved in the logic of historical development in the Civil War, and later in the post-war political struggle.

Ключевые слова: Финляндия, гражданская война, «красные», «белые», получение независимости, политический курс.

Keywords: Finland, Civil War, "Reds", "Whites", Obtaining Independence, Line of Policy.

УДК: 7.091.8

Бородина Т. П. Первое участие Финляндии на Всероссийской художественно-промышленной выставке 1882 г. в Москве.

XV Всероссийская художественно-промышленная выставка, состоявшаяся в 1882 г. в Москве, знаменательна тем, что впервые в состав ее участников вошло Великое княжество Финляндское. Удачная организация финляндского отдела, как отмечалось в прессе и обзорах выставки, позволила посетителям составить ясное представление о стране, современном состоянии ее экономики и достижениях в различных областях промышленности, сельского хозяйства, образования и культуры. Участие Финляндии на Всероссийской художественно-промышленной выставке 1882 г. имело большое значение не только для Финляндии, но и для России. Именно на этой выставке состоялось настоящее открытие Финляндии для широких кругов русского общества.

Borodina T. P. The first part of Finland at the National Art-Industrial Exhibition 1882 in Moscow.

XV Russian Art - Industrial Exhibition, held in 1882 in Moscow is remarkable in that the first part of its participants became Grand Duchy of Finland. The successful organization of the Finnish department, as noted in the press and exhibition reviews, allowed visitors to make a clear idea about the country, the current state of the economy and its achievements in various fields of industry, agriculture, education, and culture. Finland's participation in the Russian Art-Industrial Exhibition in 1882 was of great importance not only for Finland, but also for Russia. It was at this exhibition was held in Finland for the real discovery of wide circles of Russian society.

Ключевые слова: XV Всероссийская художественно-промышленная выставка, 1882, достижения в промышленности, Великое княжество Финляндское.

Keywords: XV Russian Art-Industrial Exhibition 1882, advances in the industry, the Grand Duchy of Finland

УДК 94 (470.22) + 94 (470) «141-1944»

Веригин С. Г. Советские военнопленные в финских концлагерях на оккупированной территории Медвежьегогорского района Карелии в 1941–1944 гг.

В статье дается анализ положения советских военнопленных в финских концлагерях на территории оккупированного финнами Медвежьегогорского района Карелии в 1941–1944 гг. Автор уделяет внимание условиям жизни и труда военнопленных, отмечая при этом, что смертность в них была даже выше, чем в немецких концлагерях для военнопленных. Статья подготовлена на основе анализа архивных документов, многие из которых только недавно были рассекречены и включены в научный оборот.

Verigin S. G. Soviet prisoners in the Finnish concentration camps on the occupied territory of the Medvezhjegorsk region of Karelia in 1941–1944.

The analysis of the station of the Soviet prisoners in the Finnish concentration camps on the territory of the Medvezhjegorsk region of Karelia, occupied by Finns in 1941–1944, is given in the article. The author puts emphasis on the living and labour conditions of the prisoners and notes that death rate there was even higher than in the German concentration camps for prisoners. The article is based on the analysis of the archival documents, which were recently declassified and introduced to the scientific use.

Ключевые слова: советские военнопленные, финские концлагеря, Карелия, Медвежьегогорский район, финская оккупация.

Keywords: Soviet prisoners, Finnish concentration camps, Karelia, Medvezhjegorsk region, Finnish occupation.

УДК: 94(48).022.

Возгрин В. Е. Сходства и различия скандинавской и романо-германской историографии Средневековья.

В работе проведен компаративный анализ северной и центрально-европейской исторической литературы Средних веков. Выявилось значительное отставание романо-германской науки от скандинавской. Это объясняется неразвитым состоянием латинской эпиграфики позднего Средневековья. Аббревиатуры и другие сокращения древности оставались историкам недоступными, тексты – нечитаемыми, а огромное культурное наследие европейской цивилизационной платформы – неизученным. Напротив, в Северной Европе умение читать местные письменные источники (рунические памятники) не прерывалось ни в Средние века, ни в Новое время. Соответственно, обгоняющими темпами шло и стабильное развитие скандинавской историографии.

Vozgrin V. E. Similarities and Differences between the Nordic and the Roman-Germanic Historiography of the Middle Ages.

The report is based on a comparative analysis of the Northern and Central European historical literature of the Middle Ages. It revealed a significant lagging of Roman-Germanic science from the Scandinavian. This was due to the undeveloped state of Latin epigraphy in the late Middle Ages. Acronyms and other abbreviations remained inaccessible to historians, ancient texts unreadable, and the vast cultural heritage of European civilization platform unexplored. On the contrary, in Northern Europe the ability to read the local written sources (runic monuments) was not interrupted neither in the Middle Ages nor in the Modern times. Accordingly, the Scandinavian historiography developed in stable pace.

Ключевые слова: Письменные источники, латынь, петроглифы, рунические надписи, эпиграфика, аббревиатуры.

Keywords: Written Sources, Latin, Petroglyphs, Runic Inscriptions, Epigraphy, Abbreviations.

УДК 94(480); 94 (47).08

Востров А. В. Финляндская железная дорога в 1870–1917 гг. как не-реализованный фактор сближения двух столиц.

В статье анализируется влияние Финляндской железной дороги на взаимосвязь Петербурга и Гельсингфорса (Хельсинки) с момента постройки до революции 1917 г. В качестве критериев рассматриваются результаты миграции населения между двумя столицами в указанный период, данные по перевозкам по железной дороге, картина взаимоотношений финляндского и русского меньшинств в обеих столицах и разница в их статусе. Общий фон взаимоотношений между Великим княжеством и столицей империи служит рост национального самосознания в Финляндии.

Vostrov A. V. The Finland railway in 1870–1917 as a missed factor of two capitals rapprochement.

The article studies the influence of the Finland railway on ties between St. Petersburg and Helsingfors (Helsinki) from the moment of its construction to the Revolution of 1917. The results of migration between two capitals in the specified period, railway transportation data, relations of Finland's and Russian minorities in both capitals and difference of their status are considered as main criteria. The growth of national consciousness serves as the general background of relations between the grand Duchy and the capital of the Empire.

Ключевые слова: Великое Княжество Финляндское, Финляндская железная дорога, миграция, языковые меньшинства.

Keywords: Grand Duchy of Finland, Finland railway, migration, language minorities.

УДК: 94(485).08, 327.8.

Гуляев Д. А. Советская дипломатия и деятельность Коминтерна в Швеции в контексте борьбы коалиции Союзников и Германии за влияние в Северной Европе 1939–1943 гг.

В статье предпринята попытка проанализировать динамически изменявшиеся взаимоотношения между Швецией и СССР в 1939–1943 гг. Автором рассматривается деятельность полпредства Советского Союза в Швеции и влияние Коммунистического Интернационала и шведских коммунистов на взаимосвязи между двумя этими странами. Видоизменение взаимного восприятия шведского государства и СССР освещено в контексте глобальных перемен во Второй Мировой войне. В работе особое внимание обращается на раскрытие причин изменений во взаимоотношениях между Советским Союзом и Швецией в контексте масштабной борьбы за влияние в Скандинавии.

Guljaev D. A. Soviet diplomacy and the Comintern activities in Sweden in the context of struggle for influence in Northern Europe between the Allies Coalition and Germany during 1939–1943.

In this article the author has tried to highlight and analyze dynamic changes in the relationships between Sweden and the USSR in 1939–1943. The author reviews the activities of the embassy of the Soviet Union in Sweden and the influence of the Communist International and Swedish communists on the

relationships between these two countries. Changes of the mutual perception of the Swedish state and the Soviet Union are underlined in the context of global shifts during the Second World War. In this article was made an attempt to reflect the reasons for the changes in the relations between the Soviet Union and Sweden in the context of a large-scale struggle for influence in Scandinavia.

Ключевые слова: Вторая Мировая война, Швеция, СССР, Союзники, Германия, Коминтерн, Дипломатия, Изменения взаимоотношений.

Keywords: The Second World War, Sweden, the USSR, the Allies, Germany, the Comintern, Diplomacy, The Relationships changes.

УДК: 929

Дмитриева Н. В. Исландский ученый Финн Магнусен (1781–1847) — корреспондент российского дипломата П.А. Николаи (1777–1866), на материалах архива усадьбы Монрепо.

Статья повествует о ряде эпизодов взаимоотношений членов датского Королевского Общества любителей древностей (антиквариет) Севера – вице-президента Общества, исландского ученого Финна Магнусена (1781–1847), академика Санкт-Петербургской Императорской Академии наук Иоганна Андреаса (Андрея Михайловича) Шёгрена (1794–1855) и российского дипломата, владельца усадьбы Монрепо под Выборгом Пауля (Павла Андреевича) Николаи (1777–1866). Некоторые из них нашли свое отражение в частной переписке, сохранившейся в составе фонда «Архив усадьбы Монрепо» в Национальной библиотеке Финляндии (Хельсинки).

Dmitrieva N. V. The Icelandic scholar Finn Magnusen as correspondent of the Russian diplomat P.A. Nicolay.

The article deals with several episodes from relationship between members of the Danish Royal Society of Antiquaries of the North – vice-president of this Society, the Icelandic scholar Finn Magnusen (1781–1847), member of the Imperial Academy of Sciences of Saint-Petersburg Johann Andreas Sjögren (1794–1855) and the Russian diplomat owning the Monrepos estate by Viborg Paul Nicolay (1777–1866). Some of these episodes are reflected in private correspondence being now part of the “Monrepos'n kartanon arkisto” in the National Library of Finland (Helsinki).

Ключевые слова: Королевское Общество любителей древностей (антиквариет) Севера, Финн Магнусен, А.М. Шёгрэн, П.А. Николаи, «Архив усадьбы Монрепо».

Keywords: Royal Society of Antiquaries of the North, Finn Magnusen, J.A. Sjögren, P. Nicolay, “Monrepos'n kartanon arkisto”.

УДК 94 (480) "1826"

Жаров Б. С. Первый словарь финского языка и государственный канцлер Николай Петрович Румянцев.

Статья рассказывает о первом словаре финского языка Lexikon Linguae Fennica с переводом финских слов на латинский и немецкий языки, который был написан финским лингвистом Густавом (Кустаа) Ренваллом. Профинансировал словарь и его публикацию в 1826 г. русский меценат

государственный канцлер граф Николай Петрович Румянцев. Инициатором и посредником при создании словаря был замечательный датский лингвист Рasmus Раск.

Zharov B. C. The first Dictionary of Finnish and Imperial Chancellor Nikolay P. Romyancev.

The article is devoted to the first dictionary of Finnish "Lexikon Linguae Fennica" with translating of the Finnish words to Latin and German. The dictionary was made of the Finnish linguist Gustaf (Kustaa) Renvall and published in 1826 by the Russian Maecenas, Imperial Chancellor count Nikolay P. Romyancev. The Danish linguist Rasmus Rask was the initiator and mediator of the creation of the dictionary.

Ключевые слова: словари финского языка, Густав (Кустаа) Ренвалл, Николай Петрович Румянцев, Рasmus Раск.

Keywords: dictionaries of Finnish, Gustaf (Kustaa) Renvall, Nikolay P. Romyancev, Rasmus Rask.

УДК: 94(47).084.8

Ефимов М. В., Литвиненко К. Д. К вопросу о формировании представления о Выборге как «старинном русском городе».

В статье рассматривается процесс формирования в 1940–1941 гг. представления о Выборге как «старинном русском городе» после окончания советско-финской войны 1939–1940 гг. и вхождения Выборга в состав ССР. Данное представление рассматривается как идеологема, т.е. идеологически окрашенная лексическая конструкция, используемая в официальном дискурсе. Таким образом, речь идет об анализе риторических приемов, а не об интерпретации и оценке конкретных военно-политических событий военного времени.

Авторы фокусируют внимание на следующих вопросах. В какой момент возникло представление о Выборге как о «старинном русском городе»? Какова была позиция советских органов агитации и пропаганды (центральных и местных органов периодической печати) в 1940–1941 гг.? Как эта позиция мотивировалась? Кто был проводником этого тезиса?

Идеологема «Выборг – старинный русский город» так и не была сформулирована в 1940–1941 гг., но именно в этот период для нее были созданы предпосылки.

Efimov M. V., Litvinenko K. D. On the formation of the conception of Vyborg as “the ancient Russian town”.

The article addresses the process of formation of the image of Vyborg as “the ancient Russian town” after the end of the Soviet-Finnish war of 1939–1940 and the adherence of Vyborg to the SSR. This concept is regarded as ideologeme, i.e. ideologically colored lexical structure used in official discourse. Thus, we are talking about the analysis of rhetorical devices, rather than on the interpretation and evaluation of specific military and political events of wartime.

The authors focus on the following issues. When has the idea of Vyborg as “the ancient Russian town” emerged? What was the position of the Soviet agitation and propaganda agencies (central and local periodicals) in 1940–41 regarding

this issue? How this position has been motivated? Who was the transmitter of this conception?

The ideologeme “Vyborg as the ancient Russian town” was not formulated in 1940–1941 in its final form, yet during this period it has been in the process of formation.

Ключевые слова: Выборг, Советский Союз, пропаганда, риторический прием, идеологема.

Keywords: Vyborg, Soviet Union, propaganda, rhetorical device, ideologem.

УДК: 94(4)

Ильченко П. А. Истоки формирования т.н. «шведской модели» в экономической политике государства в 1920–1930-гг.

Работа посвящена экономической политике Швеции в период с 1920 по 1930 гг. В работе рассматриваются наиболее важные аспекты экономической политики этого периода, оказавшие влияние на формирование т.н. «шведской модели».

Ichenko P. A. The origins of the formation of the so-called “Swedish model” in the state’s economic policy between 1920 and 1930 years.

The article deals with Sweden’s economic policy during the period 1920–1930s. The paper discusses the most important aspects of the economic policy of this period that influenced the formation of the so-called “Swedish model”.

Ключевые слова: «шведская модель», история экономической политики Швеции, Социал-демократическая рабочая партия Швеции, 1920–1930 гг.

Keywords: «Swedish model», history of economic policy in Sweden, Swedish Social Democratic Party, 1920–1930.

УДК: 94 (430)1863/1864, 94 (489) 1863/1864

Козлов Н. О. Отражение Шлезвиг-Гольштейнского кризиса 1863–1864 гг. на страницах российских и английских газет: разница восприятия.

Шлезвиг-Гольштейнский кризис 1863–1864 гг. – международный политический кризис, вызванный стремлением немецкоязычного населения герцогств Шлезвига и Гольштейна обрести независимость от Датской монархии и принять более активное участие в политике Германского союза. Эскалация кризиса в ноябре 1863 г. привлекла внимание общественности европейских стран к событиям на Севере Европы, а разразившаяся война Пруссии в союзе с Австрией против Дании в 1864 г. воспринималась как первый серьезный шаг на пути объединения германских государств.

В статье предпринята попытка сравнения общественного мнения Англии и России относительно Шлезвиг-Гольштейнского кризиса 1863–1864 гг. Автором рассматриваются реакция английской и российской общественности на события кризиса, общественные приоритеты каждой из этих стран во внешней политике, их роль в охвативших Европу национальных движениях, трансформация образов немецкого государства и немецкого национализма, сложившихся в российском и английском общественном мнении и роль Шлезвиг-Гольштейнского кризиса 1863–1864 гг. в этом процессе.

Kozlov N.O. Reflection of Schleswig-Holstein crisis of 1863–1864 on pages of the Russian and English newspapers: difference of perception.

Schleswig-Holstein crisis of 1863–1864 is considered as international political crisis caused by the desire of German-speaking population of the Duchies of Schleswig and Holstein to gain independence from the Danish monarchy and to become more involved in the policy of the German Confederation.

The escalation of the crisis in November 1863 attracted the public attention of European countries to the events in the North of Europe. The outbreak of war Prussia in Alliance with Austria against Denmark in 1864 was seen as the first serious step towards the unification of the German States.

The article attempts to compare public opinion of England and Russia with respect to the Schleswig-Holstein crisis of 1863–1864.

The author discusses the reaction of the English and the Russian public on the event of crisis, public priorities in foreign policy in each of these countries, their role in the European national movements. Moreover, in the article was explored the Russian and English public opinion about transformation of images of the German state and German nationalism and the role of the Schleswig-Holstein crisis of 1863–1864 in this process.

Ключевые слова: Шлезвиг-Гольштейнский кризис 1863–1864 гг., Датская война 1864 г., общественное мнение, объединение Германии.

Keywords: Schleswig-Holstein crisis of 1863–1864, Second Schleswig War, Public Opinion, German unification.

ДК 94(47).084.8

Кокин В. Л. Поэт Илья Авраменко на финском фронте.

Многие известные советские писатели и поэты принимали участие в советско-финляндской войне 1939–1940 гг. и были награждены боевыми орденами и медалями. Некоторые из них навсегда остались в снегах Карелии и Карельского перешейка. Публикация повествует о боевом и творческом пути Ильи Корнильевича Авраменко – сотрудника газеты 13-й армии «Во славу Родины», очевидца кровопролитных боев на Тайпале.

Kokin V. L. Poet Ilya Avramenko at the Finnish front.

Many famous Soviet writers and poets have participated in the Soviet-Finnish War of 1939–1940 and were awarded with the military orders and medals. Some of them were buried in the snows of Karelia and the Karelian Isthmus. The publication concerns with the battle and creative way of Ilya Korniljevich Avramenko. Avramenko was the correspondent of the newspaper of the 13th Army “For the glory of Motherland” and the witness of the bloody battles of Taipale.

Ключевые слова: Советско-финляндская война, писатели на фронте.

Keywords: The Soviet-Finnish War, writers at the front.

УДК: 94 (480)

Костылев Ю. С. Языковые средства создания образа финна в текстах советской центральной печати периода финской оккупации Карелии 1941–1944 гг.

Автор описывает, как был представлен образ врага (участника финских вооруженных сил) в советской массовой печати в период финской оккупации Карелии в 1941–1944 гг. При анализе лексических средств, используемых при создании этого образа, внимание было уделено специфическим особенностям и характеристикам, которые стали основными элементами образа врага в этот период (агрессивность, преступность действий и т.д.). Такой подход позволяет проследить развитие образа в этот период.

Kostylev Y.C. Language means of creation of the image of the Finn in the texts of the Soviet central press period Finnish Karelia occupation in 1941–1944.

The author describes how the image of an enemy (a member of the Finnish armed forces) was presented in Soviet mass press during the period of the Finnish Karelia occupation in 1941–1944. While analyzing the lexical means used in creating this image attention was given to specific features and characteristics which have become the main elements of the image of that period (aggressiveness, criminal actions, and so on). This approach makes it possible to trace the development of the image in that period of time.

Ключевые слова: Образ врага, военная пропаганда, советская массовая печать, финские вооруженные силы, финская оккупация Карелии 1941–1944 гг.

Keywords: Image of the enemy, military propagation, the Soviet mass press, Finnish armed forces, Finnish Karelia occupation in 1941–1944.

УДК: 008 (1-924.15)

Кустов В. М. «Русская Финляндия»: встреча культур между Западом и Востоком.

Как показывает исследование, современная Финляндия позиционирует себя страной находящейся между Востоком и Западом. В данном культурологическом исследовании рассматривается «Русская Финляндия» в цивилизационном аспекте, как пространство между Востоком и Западом в культурном и религиозном контексте.

Kustov V. V. «Russian Finland»: the meeting of cultures between East and West.

As modern research shows Finland has positioned itself as a country situated between the East and the West. This cultural studies considered “Russian Finland” in the civilizational aspect, as the space between East and West in the cultural and religious context.

Ключевые слова: Русская Финляндия, Восток, Запад, инкультурация, христианство, встреча культур.

Keywords: Russian Finland, East, West, inculturation, Christianity, the meeting of cultures

УДК: 94(47).066.5

Лебедев А.А. Красногорское сражение 23–24 мая 1790 г. в свете новых данных.

Статья посвящена Красногорскому морскому сражению – одному из ключевых сражений Русско-шведской войны 1788–1790 гг. Сражению,

с одной стороны, неплохо известному, с другой – по-прежнему содержащему немало лакун. В этой связи новые материалы РГА ВМФ, использованные автором, позволяют не только прояснить сразу несколько из них, но и в целом весьма существенно расширить знания об этом острейшем противостоянии, случившимся на самых подступах к Петербургу.

Lebedev A. A. Battle of Krasnaya Gorka (Battle of Kronstadt) May 23–24, 1790, in light of new information.

The article is devoted to battle of Krasnaya Gorka (Battle of Kronstadt) – one of the key battles of the Russo-Swedish war of 1788–1790. Battle, which is well-known on the one hand, and on the other still contains a lot of not clear. In this regard, new materials naval archive used by the author, can not only clarify several of them, but on the whole very considerably enlarged the knowledge of the sharp confrontation that occurred at the very outskirts of St. Petersburg.

Ключевые слова: Балтийский парусный флот, Русско-шведская война 1788–1790 гг., сражение у Красной горки, защита Петербурга.

Keywords: Sailing of the Baltic fleet, the Russian-Swedish war 1788–1790, Battle of Krasnaya Gorka (Battle of Kronstadt), the defense of Petersburg.

УДК: 94 (47) 1918

Лобанова Д. Р. Особенности современного изучения гражданской войны в Финляндии 1918 г.

Гражданская война в Финляндии 1918 г. считается одним из самых ключевых моментов истории становления независимости этого государства. Она положила начало новому этапу в истории страны, в ходе которого существенно изменился ее облик, социальная структура, возникли новые политические институты. В финской историографии, в сравнении с отечественной, накоплен богатый опыт изучения событий 1918 г.

В финских современных исследованиях видна отчетливая эволюция взглядов в отношении событий гражданской войны, при этом очевидно, что финские историки явно стремятся к достижению наибольшей объективности в восприятии случившихся событий.

Lobanova D. R. Features of modern study Finnish Civil War of 1918.

Finnish Civil War in 1918 is considered one of the key moments of the history of independence of this State. It marked the beginning of a new stage in the history of the country, during which significantly changed its appearance, social structure, any new political institutions. In the Finnish historiography, in comparison with the national, has extensive experience studying the events of 1918.

The Finnish contemporary studies clearly visible evolution of views on the events of the Civil War, it is obvious that the Finnish historians clearly aspire to a more objective perception of an event occurs.

Ключевые слова: Гражданская война в Финляндии, освободительная война в Финляндии, 1918, современная финская историография, «белый» террор, «красный» террор, лагеря для военнопленных.

Keywords: Finnish Civil War, the liberation war in Finland in 1918, the modern Finnish historiography, “white” terror, “red” terror, prison camp.

УДК 327.82

Мусаев В. И. Проблема репатриации беженцев в советско-финляндских отношениях после заключения Тартуского мира.

Одной из проблем, которая подлежала урегулированию в отношениях между Финляндией и Советской Россией после 1917 г., был вопрос о репатриации граждан обоих государств. Подданные бывшего Великого Княжества Финляндского в России стремились выехать в Финляндию, в то же время в Финляндии имелись беженцы из России, русские и т. н. соплеменники – восточные карелы и ингерманландские финны, часть которых хотели вернуться в Россию. Вопрос о репатриации был урегулирован на мирных переговорах в Тарту в 1920 г. После подписания мирного договора репатриация была положена на законную основу. Новые сложности возникли в связи с Кронштадтским мятежом в марте 1921 г. и с восстанием в Беломорской Карелии в конце того же года, повлекшими за собой новую волну беженцев из России в Финляндию. Только в 1922 г. проблема репатриации была окончательно решена.

Musaev V. I. Problem of Repatriation of the Refugees in the Soviet-Finnish Relations after the Conclusion of the Tartu Peace Treaty.

One of the problems, which had to be settled in relations between Finland and Soviet Russia after 1917, was that of repatriation of the citizens of the both countries. There were the subjects of the former Great Duchy of Finland in Russia, who wanted to move to Finland, and there were refugees from Russia in Finland, ethnic Russians, as well as East Karelians and Ingrian Finns, some of whom wanted to return to Russia. The issue of repatriation was settled during the peace negotiations in Tartu in 1920. After signing the peace treaty it was put on the legal basis. Some new complications appeared due to the Kronstadt mutiny in March 1921 and to the uprising in Viena Karelia in late 1921, which entailed a new wave of refugees over the border from Russia to Finland. It was only in 1922 that the ultimate solution to the repatriation problem was found.

Ключевые слова: Советско-финляндские отношения, Карелия, Тартуский мир, беженцы, репатриации.

Keywords: Soviet-Finnish relations, Karelia, Tartu peace treaty, refugees, repatriation.

УДК: 94(480).083

Мошник Ю. И. Война в присутствии высоких гостей: деятельность командующего Выборгского окружного военного управления Арно Туурна в 1941–1943 гг.

Личность Арно Туурна (1894–1976), последнего градоначальника финского Выборга, до настоящего времени не привлекала к себе специального внимания в российской исторической науке.

В статье рассматривается период 1941–1943 гг., когда А. Туурна исполнял две функции: он был мэром Выборга и одновременно с этим командующим Выборгским военным управлением.

В окрестностях финского Выборга с осени 1941 до весны 1944 гг. велось активных боевых действий. Однако близость советско-финского

фронта напрямую обусловила в этот период деятельность А. Туурна. Одной из ее наиболее характерных черт стал прием градоначальником Выборга многочисленных официальных делегаций – как финских, так и иностранных.

Moshnik Y. I. The war in the presence of VIPs: towards the biography of Arno Tuurna, the commander of Vyborg military administration in 1941–1943.

Up the moment the personality of Arno Tuurna (1894–1976), the last mayor of the Finnish Vyborg, has not attracted any special attention in the Russian historical science.

The article deals with the period 1941–43 when A. Tuurna served in two ways. He was the mayor of Vyborg, and at the same time the commander of Vyborg military administration.

There were no active hostilities in the vicinity of the Finnish Vyborg from autumn 1941 to spring 1944. However the proximity of the Soviet-Finnish front strongly influenced the activity of A. Tuurna. One of its most striking features was the permanent reception of numerous official delegations, both Finnish and foreign.

Ключевые слова: Выборг, Туурна, военное управление, восстановление.

Keywords: Vyborg, Tuurna, Military administration, restoration.

УДК: 355.48(47+57:480)“1939/1940”

Партала М. А. «Записки сапера» Бориса Лихарева как документальное повествование о боевых действиях 155 стрелковой дивизии на карельском направлении (1939–1940).

Книга «Записки сапера» Бориса Лихарева рассмотрена как документальный источник по истории советско-финской войны. Показано, что автор описал боевую деятельность саперного взвода, который входил в состав 659 стрелкового полка 155 стрелковой дивизии. Книга содержит также сведения о действиях 12 лыжного батальона, который был придан 155 стрелковой дивизии.

Partala M. A. «Notes of a sapper» by Boris Likharev as a documentary testimony about the combat operations of the 155th Infantry Division at the Karelian direction (1939-1940).

The book «Notes of a sapper» by Boris Likharev considered as a documentary source for the history of the Soviet-Finnish War. It is shown that the author described the combat activities of an engineering platoon, which was part of the 659th Infantry Regiment, 155th Infantry Division. It revealed that the book also contains information about the actions of the 12th ski battalion, which was attached to the 155th Infantry Division.

Ключевые слова: Советско-финская война (1939–1940), Карелия, 155 стрелковая дивизия, 659 стрелковый полк, саперный взвод, Борис Лихарев, 12 лыжный батальон, А. Копштейн, Т. Джатиев.

Keywords: Soviet-Finnish War (1939–1940), Karelia, 155th Infantry Division, 659th Infantry Regiment, engineer combat platoon, Boris Likharev, 12th ski battalion, A. Kopshtein, T. Jatiev.

УДК: 94(47).084.6

Петров П. В. Ленинградская промышленность в период советско-финляндской войны 1939–1940 гг.: создание новых образцов вооружения и техники.

В период советско-финляндской войны промышленность Ленинграда сыграла большую роль в деле оснащения Красной Армии новейшими образцами боевой техники. Боевые действия с финской армией выявили потребность в создании ряда образцов вооружения. Многие ленинградские заводы во время войны выполняли заказы на изготовление новых типов тяжелых танков, самоходных орудий и минометов. Впервые для Красной Армии были изготовлены миноискатели для эффективной борьбы с минами. Большое внимание было уделено средствам защиты пехоты от ружейного огня противника. Также были созданы обогревательные и осветительные приборы для солдат. В результате, промышленность Ленинграда быстро и эффективно справилась с поставленными ей задачами и обеспечила Красную Армию всем необходимым.

Petrov P. V. Industry of Leningrad during the Soviet-Finnish War 1939–1940: the creation of new types of weapons and equipment.

During the Soviet–Finnish War, Leningrad industry played an important role in equipping the Red Army with the latest models of military equipment. Fighting with the Finnish Army identified the need for the creation of a number of models of weapons. Many Leningrad factories during the war carried out orders for the manufacture of new types of heavy tanks, self-propelled guns and mortars. For the first time the Red Army had made mine detectors for an effective fight against landmines. Much attention has been paid to remedies infantry rifle fire from the enemy. Also, heating and lighting fixtures for the soldiers were created. As a result, the Leningrad industry quickly and effectively coped with its objectives and provided the Red Army with everything you need.

Ключевые слова: промышленность, завод, научно-исследовательский институт, танк, миномет, миноискатель.

Keywords: industry, factory, research institute, tank, mortar, mine detector.

УДК: 94(481).083

Полевая А. А. Личность Видкуна Квислинга в контексте борьбы в оккупированной Норвегии. Роль психологического портрета в его деятельности и политике.

О Видкуне Квислинге, министре-президенте Норвегии во время оккупации, вряд ли слышал человек, не интересующийся историей Второй мировой войны, однако его деятельность вызывает споры и сильную критику до сих пор. Тем более, что в российской историографии почти невозможно отыскать работы, посвященные конкретно его личности. В данном исследовании был сделан упор на изучение политики В. Квислинга и реакции на нее норвежского общества. Именно потому, что подавляющая ее часть была направлена на устранения нежелательных элементов общества, будь то восставшие студенты, цыгане или собственные однопартийцы. Также в тексте уделяется внимание такому аспекту, как психологическое

состояние министра-президента, которое, как было выявлено во время следствия, оставляло много вопросов. Социопатия, поставленная в диагнозе В. Квислингу, и отвечает на вопрос: «Почему талантливый и умный человек не смог стать блестящим политиком?».

Polevaja A. A. Vidkun Quislin's personality in the context of the struggle in the occupied Norway. The role of psychological portrait in his policy and activities.

Vidkun Quisling, who was the Minister-President of Norway during the occupation of (insert years), is a well-known figure among those, who are interested in the history of World War II. However, his policies and ideas are subject to strong criticism even nowadays. The fact that it is almost impossible to find any studies on Quisling's personality in the Russian historiography is the major reason for choosing this topic for this paper. The main focus of this study is on V. Quisling's policy and the reaction that it provoked in the Norwegian society. The overwhelming part of Quisling's policy was aimed at eliminating the undesirable elements from society, such as revolted students, gypsies, and his own party members. In addition, the text focuses on the psychological aspect of Minister-President's personality, which, as it was revealed during the interrogation, left many questions. However, sociopathy, which V. Quisling suffered from, can answer the question: "Why such a talented and intelligent person could not become a great politician?"

Ключевые слова: XX век, Норвегия, Видкун Квислинг, Национал-социализм, Вторая мировая война, История Норвегии, Скандинавия, Политические лидеры Второй мировой войны, Национальное единение, Хирд, 1942–1945, Йозеф Тербовен, Адольф Гитлер.

Keywords: Norway, Vidkun Quisling, XX century, World War II, History of Norway, Scandinavia, National-socialism, World War II political leaders, Nasjonal Samling, Hird, Josef Terboven, Adolf Hitler.

УДК: 94(47).084.8

Постников А. Г. Применение артиллерии особой мощности на Карельском перешейке зимой 1939–1940 и летом 1944 гг.

В статье рассказывается о частях советской артиллерии, на вооружении которых состояли артиллерийские системы особой мощности. Раскрывается их роль в борьбе с долговременными оборонительными сооружениями, построенными финской армией на Карельском перешейке. На основе уникальных архивных документов приводятся примеры из боевой деятельности этих частей.

Postnikov A. G. The use of a special power of Artillery on the Karelian Isthmus in winter 1939–1940 and summer 1944.

The article tells about the Soviet artillery units, armed with artillery consisted of a special power system. Expands to their role in the fight against long-term fortifications built by the Finnish Army on the Karelian Isthmus. On the basis of unique archival documents are examples of combat activity of these parts.

Ключевые слова: «Линия Маннергейма», «Карельский вал», долговременные оборонительные сооружения, разрушение, артиллерия особой (большой) мощности, группа артиллерии разрушения.

Keywords: "Mannerheim Line", "VT-line", the long-term defenses, destruction, a special power of artillery, destroying artillery group.

УДК: 94 (48)

Садомцева А. Р. А. Линдгрэн и вторжение Германии в Скандинавию.

Статья посвящена рассмотрению взгляда шведской писательницы А. Линдгрэн на события апреля–мая 1940 г., вторжение Германии в Скандинавию. Стоит отметить, что дневники А. Линдгрэн никогда не были опубликованы в России. Вместе с тем, изложение происшедшего современником событий является важным источником для изучения этой темы.

Sadomceva A. R. A. Lindgren and German invasion of Scandinavia.

The article deals with the opinion of the Swedish writer A. Lindgren on invasion of Scandinavia during April–May 1940. It is necessary to note that her diary has not been published in Russia. At the same time, the diary is known as one of the most important historical sources to study these events.

Ключевые слова: Астрид Линдгрэн, история Скандинавии, оккупация Дании и Норвегии.

Keywords: Astrid Lindgren, history of Scandinavia, occupation of Denmark and Norway.

УДК 94/47

Сычев В. И. Маркиз Иван Иванович де Траверсе в Роченсальме (Котка) в 1796–1801 гг.

Приведены некоторые результаты исследований и архивных поисков о жизни маркиза Ивана Ивановича де Траверсе и его окружения в Роченсальме (Котка) в 1796–1801 гг. Фрагменты заметок и дневник Траверсе дополняют его портрет и знакомство с условиями, в которых он стал вице-адмиралом и комендантом Роченсальмского порта. Адмирал (1801 г.) маркиз И.И. де Траверсе возглавлял морское министерство России (1809–1821 гг.) в период нашествия Наполеона, во время известных российских кругосветных плаваний и открытия Антарктиды россиянами.

Sychev V.I. Marquis Ivan Ivanovich de Traversay in Ruotsinsalmi (Kotka) in 1796–1801.

This article presents some results of studies and archival searches about the life of Marquis I. I. de Traversay and people around him, in Ruotsinsalmi (Kotka) in 1796–1801. Fragments of notes and the diary of I. I. de Traversay supplement his portrait and acquaint with conditions in which he became Vice Admiral and Commandant of the Ruotsinsalmi port. Admiral (1801) Marquis I. I. de Traversay headed the Minister of Russian Navy (1809–1821) during the period of Napoleon's War, and the time of famous Russian Circumnavigations and opening of Antarctica by Russians.

Ключевые слова: де Траверсе, Нассау-Зиген, Роченсальм, Котка, Екатерина II, Александр I, Маркизова лужа, Невская губа, церковь Св. Николая, морской министр, Антарктида.

Keywords: marquis de Traversay, Nassau-Siegen, Ruotsinsalmi, Kotka, Catherine the Great, Alexander I, Marquis puddle, Neva bay, church of St. Nicholas, minister of Russian Navy, Antarctica.

94 (78) 1918

Терашкевич А. С. Русские в гражданской войне в Финляндии.

В работе предпринята попытка взглянуть на некоторые моменты взаимоотношений между финнами и русскими во время гражданской войны в Финляндии 1918 г. Автор исследует некоторые обстоятельства вступления русских войск в войну, участия в ней, а также затрагивает положение гражданских в конфликте.

Terashkevich. A. S. Russians in the Finnish Civil War.

The paper is an attempt to look at some aspects of the relationship between Finns and Russian during the civil war in Finland in 1918. The author investigates some conditions of the entry of Russian troops into the war, participating in it and also affects the condition of civilians in the conflict.

Ключевые слова: гражданская война в Финляндии, Первая мировая война, русские, финны.

Keywords: Finnish Civil War, First World War, Russians, Finns.

УДК: 94 (480) "18"

Шкваров А. Г. Евреи и мусульмане в русской армии и флоте в Великом Княжестве Финляндском в XIX в.

Работа посвящена порядку прохождения службы и положению евреев и мусульман в русской армии и флоте на территории Великого Княжества Финляндского в XIX в. в соответствии с действовавшим законодательством.

Shkvarov A. G. Jews and Muslims in Russian Army and Navy in the Grand Duchy of Finland in the XIXth century.

The article is devoted to the order of service and position of Jews and Muslims in the Russian army and navy in the Grand Duchy of Finland in the 19th century in accordance with the law.

Ключевые слова: Великое княжество Финляндское, евреи, магометане, русская армия и флот.

Keywords: Grand Duchy of Finland, Jews and Muslims, Russian army and Navy, 19th century.

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Арзамасцева Елизавета Николаевна,
Университет Ювяскюля (Финляндия),
arzamastsevaliza@mail.ru

Бажанов Дмитрий Александрович,
Российский государственный педагогический университет
им. А.И. Герцена,
russ-kafedra@yandex.ru

Барышников Владимир Николаевич, д.и.н.,
профессор Санкт-Петербургский государственный университет,
vbaryshnikov@mail.ru, v.baryshnikov@spbu.ru

Бородина Татьяна Петровна,
Музей-усадьба И.Е. Репина «Пенаты»,
tpborodina@mail.ru

Васара Виена-Туули,
Тампере (Финляндия),
viena-tuuli@skinsaw.com

Веригин Сергей Геннадьевич, д.и.н.,
профессор Петрозаводского государственного университета,
verigin@petrsu.ru

Востров Алексей Владимирович,
Санкт-Петербургский Политехнический университет,
alex.sinkriver@gmail.com

Возгрин Валерий Евгеньевич, д.и.н.,
профессор Санкт-Петербургского государственного университета,
vozgrin60@mail.ru, v.verigin@spbu.ru

Гуляев Денис Алексеевич,
Санкт-Петербургский государственный университет,
dengulyaev.official@yandex.ru

Дмитриева Наталия Викторовна,
член Санкт-Петербургского союза ученых,
skyti1@yandex.ru

Жаров Борис Сергеевич, к.фил.н.,
доцент Санкт-Петербургского государственного университета,
bzharov@gmail.com, b.zharov@spbu.ru

Ефимов Михаил Витальевич,
ГБУК ЛО «ИАМЗ “Выборгский замок” и ИЭМЗ “Ялкала”»,
mikhail.v.efimov@gmail.com

Ильченко Полина Андреевна,

Санкт-Петербургский государственный университет,
polina_ilchenko96@mail.ru

Козлов Никита Олегович,

Санкт-Петербургский государственный университет
koylov1725@gmail.com

Кокин Вячеслав Леонидович,

Музей «А музы не молчали...»,
slawa231270@mail.ru

Костылев Юрий Сергеевич, к. фил. н.,

Уральский государственный медицинский университет,
jurij-kostylev@yandex.ru

Кустов Вадим Михайлович,

posta813@rambler.ru

Лебедев Алексей Анатольевич, к.и.н.,

доцент Санкт-Петербургского государственного университета
гражданской авиации,
aalebedew@yandex.ru

Литвиненко Ксения Дмитриевна,

Центрально-Европейский университет (Будапешт),
ksenia.litvinenko@gmail.com

Лобанова Дарья Ростиславовна,

Санкт-Петербургский государственный университет,
d.lobanova@spbu.ru

Мошник Юлия Игоревна, к.и.н.,

«ИАМЗ “Выборгский замок” и ИЭМЗ “Ялкала”»,
julia.moshnik@gmail.com

Мусаев Вадим Ибрагимович, д.и.н.,

Санкт-Петербургский институт истории РАН,
vmusaev62@mail.ru

Партала Михаил Анатольевич, к.т.н.,

доцент Санкт-Петербургского государственного
электротехнического университета,
par_ma@mail.ru

Петров Павел Владимирович, д. и. н.,

Государственный музей-заповедник «Петергоф»,
kbf1939@rambler.ru

Полевая Анастасия Алексеевна,

Санкт-Петербургский государственный университет,
fluunt.ieiunium@gmail.com

Постников Александр Геннадьевич,

Михайловская военная артиллерийская академия,
mramor1023@yandex.ru

Садомцева Анна Романовна,

Санкт-Петербургский государственный университет,
sadomtzeva-ann@mail.ru

Сычев Виталий Иванович, к. ф.-м. н.

профессор Российского государственного
гидрометеорологического университета,
vsychev@rshu.ru

Терашкевич Андрей Сергеевич,

Санкт-Петербургский государственный университет,
andrey.terashkevich@yandex.ru

Шкваров Алексей Геннадьевич, к.и.н.,

д. филос. (Финляндия),
shkv-aleksej@yandex.ru

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Arzamastseva Yelizaveta N,

University of Jyväskylä (Finland),
arzamastsevaliza@mail.ru

Baryshnikov Vladimir N., PhD (History),

professor of Saint Petersburg State University,
vbaryshnikov@mail.ru, v.baryshnikov@spbu.ru

Bazhanov Dmitriy A., PhD (History),

associate professor of Herzen State Pedagogical University of Russia,
russ-kafedra@yandex.ru

Borodina Tatiana P.,

I. E. Repin memorial estate «The Penates»,
tpborodina@mail.ru

Vasara Viena-Tuuli,

Tampere (Finland),
viena-tuuli@skinsaw.com

Verigin Sergey G., PhD,

Professor of Petrozavodsk State University,
verigin@petsu.ru

Vostrov Alexey V.,

St. Petersburg Polytechnic University,
alex.sinkriver@gmail.com

Vozgrin Valeriy Je., PhD (History),
professor of Saint Petersburg State University,
valerijvozgrin@mail.ru, v.verigin@spbu.ru

Gulyaev Denis A.,
Saint Petersburg State University,
dengulyaev.official@yandex.ru

Dmitrieva Natalia V.,
a member of the St. Petersburg Union of Scientists,
skyti1@yandex.ru

Zharov Boris S., PhD (Philology),
associated professor of Saint Petersburg State
University, bzharov@gmail.com

Efimov Mikhail V.,
The State Historical Architectural Museum Preserve “Vyborg Castle”
and Historical Ethnographic Museum Preserve “Jalkala” (Vyborg),
mikhail.v.efimov@gmail.com

Ilchenko Polina A.,
Saint Petersburg State University,
polina_ilchenko96@mail.ru

Kozlov Nikita O.,
Saint Petersburg State University,
koylov1725@gmail.com

Kokin Vyacheslav L.,
The Museum “A muse is not silent” (Saint Petersburg),
slawa231270@mail.ru

Kostylev Yuri S., PhD (Philology),
Ural State Medical University,
urij-kostylev@yandex.ru

Kustov Vadim M.,
posta813@rambler.ru

Lebedev Aleksey A., PhD (History),
St. Petersburg State University of Film and Television,
aalebedew@yandex.ru

Litvinenko Ksenia D.,
Central European University (Budapest),
ksenia.litvinkoo@gmail.com

Lobanova Darja R.,
Saint Petersburg State University,
d.lobanova@spbu.ru

Moshnik Yuliya I., PhD (History),
The State Historical Architectural Museum Preserve “Vyborg Castle”
and Historical Ethnographic Museum Preserve “Jalkala” (Vyborg),
julia.moshnik@gmail.com

Musaev Vadim I., PhD (History),
the St. Petersburg institute of a history of the Russian Academy of sciences,
vmusaev62@mail.ru

Partala Mikhail A., PhD.,
associated professor of St. Petersburg State Electrotechnical University,
par_ma@mail.ru

Polevaja Anastasia A.,
Saint Petersburg State University,
fluunt.ieiumium@gmail.com

Postnikov Alexander M.
Military Artillery Academy,
mramor1023@yandex.ru

Sadomtseva Anna R.,
Saint Petersburg State University,
sadomtzeva-ann@mail.ru

Sychev Vitaly I., PhD (Physic-Mathematic)
professor of Russian State Hydrometeorological University,
vsychev@rshu.ru

Terashkevich Andrew S.,
St. Petersburg State University,
andrey.terashkevich@yandex.ru

Shkvarov Alexey G., PhD (Philosophy)
(Finland),
shkv-aleksej@yandex.ru

Научное издание

Санкт-Петербург и страны
Северной Европы
17 (№2)
тематический выпуск

РОССИЯ, ФИНЛЯНДИЯ
И СКАНДИНАВИЯ:
ПРОБЛЕМЫ
ВЗАИМОВОСПРИЯТИЯ

Материалы шестых ежегодных
Барышниковских научных чтений

Художник А.А. Белова
Верстка А.А. Беловой

Подписано в печать с готового оригинал-макета 16.09.2016.
Формат 70х90/16. Бум. офсетная. Гарнитура РТ.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 11,5.
Тираж 300 экз. Заказ № 210.

195248, г. Санкт-Петербург, пр. Энергетиков д.30, к. 10/11 лит. А
Издательство: ООО «Центр Сохранения Культурного Наследия»
Тел. (812) 935-49-47
E-mail: info@zskn.ru URL:<http://zskn.ru/>

Отпечатано в типографии «Л-принт»
197183, Санкт-Петербург, ул. Сабировская, д. 37